ISSN 2312-7937

Федеральное государственное казенное учреждение дополнительного профессионального образования
«Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

ВЕСТНИК

Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации

Ежеквартальный научно-практический журнал

№ 2(78)

VESTNIK

Advanced Training Institute of the MIA of Russia

Quarterly Journal of the scientific and practical

Журнал издается с марта 2006 года

Домодедово 2026

Главный редактор
С. А. Невский (доктор юридических наук, профессор)
Редактор А. В. Николаева
Дизайн Л. Р. Гильдеева. **Техническое редактирование** Е. В. Скрипкина

Head editor
S. Nevskiy (doctor of law, professor)
Editor A. Nikolaeva, **design** L. Gildeeva,**editorial** E. Skripkina

18+

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-64728 от 22.01.2016

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук и кандидата наук

В журнале публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по следующим специальностям:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Распространяется на территории Российской Федерации по подписке.
Подписной индекс по Объединенному каталогу «Пресса России»: 70899

Адрес учредителя, редакции, издателя:
142007, г. Домодедово, Московская обл., м-н Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3
e-mail: rio_vipk@mvd.ru

Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати печати РИО ВИПК МВД России
142007, г. Домодедово, Московская обл., м-н Авиационный, ул. Пихтовая, д. 3

Дата выхода в свет 30.06.2026
Формат 60x84/8
Объём 13,0 усл. печ. л.
Тираж 70 экз. Заказ 25/26. Цена свободная

- Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редакции.
- Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник ВИПК МВД России» ссылка на журнал обязательна

Registered Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications
PI № ФС 77-64728 от 22.01.2016

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation the journal «Bulleten of the All-Russian Advanced Training Institute» is included in the List of peer-viewed scientific publicatins, where basic scientific results of dissertations on competition of scientific degrees of doctor and candidate of sciences must be published

The journal publishes the results of the original basic and applied research in the following specialties:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences)
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Distributed in the territory of the Russian Federation by subscription. Subscription index for the United catalog «Press of Russia»: 70899 ind.

Address of the founder, editorial staff, publisher:
142007, Bld. 3, Pikhtovaya str., Aviatsionny District, Domodedovo, Moscow region, Russia,
e-mail: rio_ vipk@mvd.ru

Printed in a group of printing and operational printing press publishing department
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
142007, Bld. 3, Pikhtovaya str., Aviatsionny District, Domodedovo, Moscow region, Russia

Date of publishing 30.06.2026
Format 60x84/8;
Print output 13,0 leaves;
Circulation 70 copies. Order 25/26. Price free

- The published materials reflect the author's point of view, which may not coincide with the opinion of the editors.
- The authors bear full responsibility for the selection and presentation of the facts contained in the articles. Any violation of copyright is prosecuted by law.
- When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, the materials of the journal "Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia", a link to the journal is required

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU

CYBERLENINKA

© ВИПК МВД России, 2026

© Advanced Training Institute of the MIA of Russia, 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	EDITORIAL BOARD
Председатель: **М. В. Костенников** заместитель начальника ВИПК МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации Члены: **Н. Т. Алиев –** доктор философии по праву, доцент (Республика Азербайджан) **В. В. Астанин –** доктор юридических наук, профессор **А. Т. Байсеитова –** доктор юридических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Республика Казахстан) **В. В. Бачила –** кандидат юридических наук, доцент (Республика Беларусь) **В. Ю. Бельский –** доктор философских наук, профессор **В. В. Векленко –** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **А. А. Гришковец –** доктор юридических наук, профессор **В. В. Денисенко –** доктор юридических наук, профессор **С. В. Запольский –** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации **А. Б. Зеленцов –** доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации **М. Н. Кобзарь-Фролова –** доктор юридических наук, профессор **С. Н. Максимов –** доктор юридических наук, доцент **А. Л. Осипенко –** доктор юридических наук, профессор **К. М. Осмоналиев –** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ (Киргизская Республика) **Ю. Н. Старилов –** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации **Ю. В. Трунцевский –** доктор юридических наук, профессор **А. Ю. Якимов –** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	Chairman: **M. V. Kostennikov** Deputy Head of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia for scientific work, Doctor of Law, Professor, Honored employee of Internal Affairs of the Russian Federation Members: **T. N. Aliyev –** Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor (Azerbaijan Republic) **V. V. Astanin –** Doctor of Law, Professor **A. T. Baiseitova –** Doctor of Law, Associate Professor (Republic of Kazakhstan) **V. V. Bachila –** PhD, Associate Professor (Republic of Belarus) **V. Yu. Belsky –** Doctor of Philosophy, Professor **V. V. Veklenko –** Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation **A. A. Grishkovets –** Doctor of Law, Professor **V. V. Denisenko –** Doctor of Law, Professor **S. V. Zapolskiy –** Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation **A.B. Zelencov –** Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation **M. N. Kobzar-Frolova –** Doctor of Law, Professor **S. N. Maksimov –** Doctor of Law, Associate Professor **A.L. Osipenko –** Doctor of Law, Professor **K. M. Osmonoliyev –** Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science and Education of RAE (Kyrgyz Republic) **Yu. N. Starilov –** Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia **Yu. V. Truntsevsky –** Doctor of Law, Professor **A.Yu. Yakimov –** Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	EDITORIAL COLLEGE
Председатель: **А. А. Скивтерист** начальник ВИПК МВД России Главный редактор: **С. А. Невский** заместитель начальника ВНИИ МВД России – начальник НИЦ № 1, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации	Chairman: **A. A. Skivterist** chief of Advanced Training Institute of the MIA of Russia Editor in Chief: **S. A. Nevsky** Deputy Head National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation – Head of Research Center № 1, Doctor of Law, Professor, Honored employee of Internal Affairs of the Russian Federation
Члены: **И. А. Адмиралова** – профессор кафедры подготовки специалистов органов внутренних дел в сфере миграции Учебного центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, доцент	Members: **I. A. Admiralova –** Professor of Chair of migration service staff training of the police training center for public order protection Advanced Training Institute of the MIA of Russia, Doctor of Law, Associate Professor
Ю. М. Антонян – главный научный сотрудник НИЦ № 1 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР	**Yu. M. Antonyan** – Chief Researcher, Scientific Research Center No. 1 National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the RSFSR
А. В. Вилкова – заместитель начальника НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор	**A. V. Vilkova** – Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
В. Н. Григорьев – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор	**V. N. Grigoriev –** Leading Researcher, Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor
А. В. Гриненко – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**A. V. Grinenko –** Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics, MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Ю. Н. Демидов – руководитель Аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции, доктор юридических наук, профессор	**Yu. N. Demidov –** Head of the Staff of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Security and Anti-Corruption, Doctor of Law, Professor
А. С. Дугенец – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**A. S. Dugenets –** Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Е. Н. Клещина – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор	**E. N. Kleschina -** Professor of the Department of criminology and criminal Executive law of the Moscow state law University After O.E. Kutafin, Doctor of Law, Professor
А. М. Кононов – главный научный сотрудник НИЦ Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации	**A. M. Kononov –** Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
А. В. Куракин – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере охраны общественного порядка и транспортной безопасности Учебного центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор	**A. V. Kurakin** – Professor of Chair of Migration Service Staff Training of the Police Training Center for Public Order Protection, Doctor of Law, Professor
В. П. Малахов – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации	**V. P. Malakhov -** Professor of Theory of State and Law «Moscow University of the Ministry of Interior of Russian Federation named after V. Y. Kikot» Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Д. А. Матвеев – заместитель начальника ВИПК МВД России по работе с личным составом, кандидат юридических наук, доцент	**D. A. Matveev –** Deputy Head of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia for work with personnel, Candidate of Law, Associate Professor
С. Н. Мешалкин – начальник НИЦ № 2 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор	**S. N. Meshalkin** – Head of the Research Center № 2 National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor
А. Н. Мошков - помощник полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе	**A. N. Moshkov** - Assistant Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Central Federal District
А. Н. Харитонов – профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере охраны общественного порядка и транспортной безопасности Учебного центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВИПК МВД России, доктор юридических наук, профессор	**A. N. Kharitonov -** Professor of The Training Center for Police Officers in Ensuring Transport Safety, Doctor of Law, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Евсеев Иван Валентинович, Канаков Илья Владимирович
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ X–XVII ВЕКОВ 7

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Бавсун Ирина Геннадьевна, Клементьев Вадим Петрович
ОБ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СОГЛАСОВАННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ КОМИССИЙ) 15

Труфанов Михаил Егорович, Кучмезов Рустам Нурбиевич
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, СОХРАНЯЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 6.1.1 КОАП РФ..... *22*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кобец Петр Николаевич
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕРЫ БОРЬБЫ С АКТАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОРСКОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 29

Шнайдер Наталья Александровна
О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ НАРКОРЫНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОТДЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПРЕКУРСОРОВ И НАРКОЛАБОРАТОРИЯМИ 38

Абдюшев Ленар Шамилевич, Кириллов Станислав Иванович, Матвеев Дмитрий Александрович
К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ФАКТОРАХ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО МОТИВУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ ИЛИ НЕНАВИСТИ 44

Рясов Дмитрий Алексеевич
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОГМАТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК РФ 49

Сидорова Екатерина Закариевна, Шевченко Антон Ростиславович
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕБРЕЖНОЕ ХРАНЕНИЕ ОРУЖИЯ 57

Страунинг Юлия Анатольевна
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В МЕГАПОЛИСЕ 63

Родичев Максим Леонидович, Сливний Алексей Артурович
ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 70

Голубовский Владимир Юрьевич
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА) 79

Григорьев Виктор Николаевич, Тарасов Максим Юрьевич
ОТКАЗ РЯДА ГОСУДАРСТВ ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ В ВОПРОСАХ ЭКСТРАДИЦИИ ТЕРРОРИСТОВ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА ИЛИ СИСТЕМНАЯ ПРОБЛЕМА? 84

СОДЕРЖАНИЕ

Клещина Елена Николаевна
ВОЗМЕЩЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕМУ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 89

Каунов Александр Владимирович, Агафонов Сергей Иванович
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 94

Бабабекова Дарья Александровна
ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ АКТИВНОГО ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 100

Черкасов Роман Владимирович, Тебиев Рустам Русланович
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ 107

Хлус Александр Михайлович
ТАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 113

Петрухина Екатерина Александровна, Журбенко Алексей Михайлович
ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ СЛЕДОВ DEEPFAKE ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРТЕРРОРИЗМА 119

Никуличева Ирина Васильевна, Багиров Заур Русланович
ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 126

Данилкина Виталия Михайловна
ПРИМЕНЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ 131

Палий Екатерина Сергеевна
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА ПЕРЕД ДИСТАНЦИОННЫМ МОШЕННИЧЕСТВОМ 137

Абдурахманов Александр Амангельдыевич,
Кашкина Екатерина Валерьевна
К ВОПРОСУ ВНЕДРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 143

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-7-14
EDN: https://elibrary.ru/onsfay

ЕВСЕЕВ ИВАН ВАЛЕНТИНОВИЧ
кандидат юридических наук
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
(Москва, Россия)
iiiivv@mail.ru
SPIN-код: 8589-9758

КАНАКОВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
kanakov@bk.ru

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ X–XVII ВЕКОВ

Аннотация. *В статье приведен хронологический обзор формирования предпосылок специального образования в Московском государстве. Хронологические рамки историко-педагогического обзора представлены X–XVII веками – периодом зарождения и становления специального образования для аппарата управления. В контексте исторического метода описаны основы становления образования в России посредством обучения служивых людей и младших чиновников на основе обычая «делай как я», когда знания передавались от отца к сыну или от наставника к послушнику. Это, как правило, осуществлялось во время выполнения обязанностей и было представлено в виде обычая, когда наставник передавал свой опыт ученику. Данный обычай отражал структуру феодально-общинного образования. Описанная структура земской системы управления формировалась постепенно из числа молодых людей, получивших образование в церковных учреждениях или дома посредством наставника. На основе проведенного теоретического и исторического анализа по проблеме развития и становления полицейского образования авторы сделали вывод, что в период X–XV веков специального правового обучения для служащих не было, правопорядок поддерживался лучшими людьми из лиц, обученных основам «учения книжного» на основе наставничества.*

С возникновением письменных законов и христианских религиозных текстов начинает оформляться религиозное и светское образование, формируются приказы и губная система, возникают предпосылки развития специального образования. Требовалась унификация образования для осуществления административного управления на основе единообразия. Сохранившиеся в фондах РГАДА и ГАПК документы доказывают, что уже в XVI веке возникают предпосылки специального образования. Однако специального образования, преподаваемого в специализированных учреждениях, до начала XVIII века в указанных архивных источниках не прослеживается.

© Евсеев И.В., Канаков И. В., 2026.

Ключевые слова: *«законы русские», «учение книжное», обычай, земское управление, приказы, губная система, церковное обучение, дьяк*

Для цитирования: *Евсеев И. В., Канаков И. В. К вопросу формирования предпосылок специального образования в Московском государстве X-XVII веков // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 7–14; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-7-14.*

EVSEEV IVAN V.
candidate of law
Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia)

KANAKOV ILYA V.
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

ON THE ISSUE OF FORMATION OF PREREQUISITES FOR SPECIAL EDUCATION IN THE MOSCOW STATE IN THE X–XVII CENTURIES

Abstract. *This article provides a chronological overview of the development of specialized education in the Muscovite state. The chronological framework for this historical and pedagogical review spans the X th–XVII th centuries – the period of the emergence and development of specialized education for the administrative apparatus. The historical context describes the foundations of education in Russia through the training of service personnel and junior officials based on the custom of «do as I do», when knowledge was passed from father to son or from mentor to novice. This was typically carried out during the performance of duties and was presented as a custom. This custom reflected the structure of zemstvo-communal education. The described structure of the zemstvo system of governance gradually developed from young people educated in church institutions or at home. Based on a theoretical and historical analysis of the development and development of police education, the authors conclude that during the X th–XVII th centuries, there was no specialized legal training for civil servants; law and order was maintained by the best people who were trained in the basics of «book learning». With the emergence of written laws and Christian religious texts, religious and secular education began to take shape, with the development of prikaz and the labial system, and the preconditions for the development of specialized education. Surviving documents in the collections of the Russian State Archives of Ancient Documents and the State Archive of Proceedings of the Russian Academy of Ancient Documents (RGADA) and the State Archive of Proceedings of the Russian Academy of Historical and Cultural Affairs (GAPK) demonstrate that the preconditions for specialized education emerged as early as the XVI th century. However, specialized education taught in specialized institutions is not traced in these archival sources until the early XVIII th century.*

Keywords: *«russian laws», «bookish teaching», custom, zemstvo administration, prikaz, labial system, church education, clerk*

For citation: *Evseev I. V., Kanakov I. V. On the issue of formation of prerequisites for special education in the Moscow state in the X–XVII centuries // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 7–14; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-7-14.*

В настоящее время мы все больше и больше обращаемся к своим историческим истокам. Рассматривая тот или иной процесс, мы стараемся соотнести его с современными событиями или явлениями. Изучая реформы специального образования, обращаемся к историческому опыту, когда азы специального образования передавались от наставника к молодому служащему. Именно он, вырастая как профессионал, вносил свою лепту в обучение следующего слушателя или стажера. Именно им важно понять, как этот процесс был организован раньше и когда были созданы предпосылки специального образования. Стоит отметить, что наставничество становилось той базой, на основе которой в последующие времена возникало узкое профессиональное образование.

В настоящий момент происходит процесс становления новой российской элиты, который повторяет в новых интерпретациях и реалиях процессы формирования управленческой элиты в разные периоды

российской истории, когда наставник, продвигаясь по служебной лестнице, продвигал также и своих учеников. Именно об этом в своих трудах писали видные советские исследователи славянской государственности. Многие исследователи в русле концепции «земского-религиозного» и «дружинного» происхождения описывали процесс формирования органов управления [1; 2, с. 91–92; 3, с.19–20; 4, с. 41–44].

В настоящей статье мы постараемся показать, как получали образование чиновники в определенный исторический период, когда из церковно-приходского и семейного образования сформировалось специальное направление образования, отражающее подготовку по выполнению административных полномочий на низшем территориальном уровне.

Проблема наведения и поддержания правопорядка является далеко не новой и актуальной на сегодняшний день, так как в глубокой древности для взаимодействия общины с государством требовались сильные, авторитетные служивые люди, обладающие знаниями. С образованием древнерусского государства начинает складываться сословная система общества. Родоплеменные союзы преобразовывались в феодально-общинные иерархические структуры, в которых формировалась военная и управленческая элита как для государственного аппарата, так и для управления земскими территориями. Если раньше в родовой общине порядок мог поддерживаться с помощью традиций, моральных норм, ценностей, принятых на уровне социума, то с объединением славянских племен в государственный союз и увеличением населения не все индивиды могли принять ценности, нормы, традиции одного нового родоплеменного объединения. В силу этого нужны были подготовленные представители общества в лице образованных и авторитетных служителей культа, служащих княжеского или посадского двора, которые могли на основе неписанных истин доказать необходимость новых институтов власти и новых правовых норм.

По мнению Н. П. Шалфеева, ближние друзья князя в тот период формировали аппарат управления, который также обзаводился своим аппаратом управления в зависимости от территории. Расставляя на управленческие места представителей из близкого окружения, с которыми, как правило, данный чиновник учился и воспитывался, он обеспечивал себя прочной исполнительской властью. Из представителей близкого окружения служивых людей по иерархии формировался в основном аппарат управления миром: волостью, посадом, городом и государством. При этом в число близких друзей вливались смышленые молодые чада из числа земского общества. Вместе они формировали административно-чиновничий аппарат контроля и принуждения низших сословий к исполнению норм обычного права – норм приговоров русских [5, с. 53].

«Приговоры русские» – законы Руси, основанные на обычаях, которые вначале включали только моральные нормы общежития и воспринимались как неписаные нормы, но с развитием торговли они стали включать положения договоров и соглашений, заключенных на межгосударственном уровне, и это потребовало оформления данных норм в виде письменных нормативных документов. Вследствие заключения договоров между Русью и Византией, торговых договоров с европейскими королевствами появилась потребность в лицах, которые бы могли составить необходимые документы, разъяснить их содержание и т. д. И в этом случае молодые смышленые лица могли помочь, так как получили образование при религиозных учреждениях и отточили свое мастерство при наставнике из близкого окружения князя, долгое время уже занимавшегося этим управленческим направлением. Лица, прошедшие обучение таким образом, были востребованы как при княжеском дворе, так и в общинных учреждениях, и в воинских подразделениях. Но изначально при становлении государственности на Руси не было специальных школ. Их заменяли практика, традиция, ученичество и наставничество, когда опыт и знания передавались от наставника к молодым служащим.

В первом историческом документе «Повести временных лет» описывается процесс создания при князе Владимире Святославиче земских школ для смышленых молодых чад. Источник прямо указывает на это: «Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на ученье книжное» [6, с. 53] По мнению В. И. Беляева, за счет церковных школ формировалась управленческая и военная элита государства [7, с. 251–255], из которой выбирались лучшие люди для службы. Прошедшие практику и наставничество при религиозных учреждениях становились дьяками, а лица, прошедшие курс наставничества при дружине или дворе князя, получали звания десятника или окольничего [21, с. 424].

Именно так происходил процесс формирования управленческой элиты. Исходя

из вышеизложенного, можно утверждать, что специальное образование и его возникновение исторически неразрывно связаны с народным и профессиональным образованием, которое возникает на Руси еще до ее христианизации, т. е. до IX века.

Стоит отметить, что многие историки и педагоги считают, что до крещения Руси на территории Великой Русской равнины, где обитали славянские племена, не было грамоты и письменности, а также образованных людей [22–24]. Тем не менее последние археологические раскопки под Смоленском и Новгородом доказывают, что уже в IX-XIV веках на Руси существовали как документальный письменный оборот между чиновниками, так и межличностная переписка между простыми обывателями.

Так, в 2024 году только при раскопках в Новгороде было обнаружено 57 письменных документов. Общее количество обнаруженных документов за последние несколько лет составило более тысячи [8]. Некоторые из представленных грамот свидетельствуют о том, что жители Новгорода были достаточно образованы для описания и передачи информации родственникам, а также могли составлять документы по службе. При анализе документов прослеживается подтверждение версии обучения составителей документов в учебных заведениях при религиозном учреждении, так как передаваемая информации содержит фразы и словесные обороты, характерные для написания религиозных текстов. Это подтверждает научную версию о грамотности не только знатных сословий чиновников – данников, мечников, мытников, тиунов и других представителей средневекового аппарата управления – но и других категорий населения.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать: письменность на Руси уже существовала до призвания на Русь Рюрика для наведения порядка и окончания междоусобицы новгородских бояр.

Главный способ воспитания – подражание отцу или наставнику, в этом отражался патриархально-родовой характер отношений как в государстве, так и в обществе. Подтверждение этому можно найти в труде «Поучение Владимира Мономаха детям» [9, с. 49], где автор обращается не только к детям, но и к представителям общества, окружающим князя, с наставлением об организации жизни в расчете на то, что его послание будет использовано как рекомендация для представителей власти. К такому выводу приходят исследователи творчества В. Мономаха – Ю. М. Алпатов, Л. Ю. Грудцына, изучавшие «поучение» [10, с. 26–34].

Стоит отметить, что в Московском царстве именно дружина во главе с князем и воеводами защищали территории от внешних врагов и поддерживали порядок внутри государства, вершили суд, поддерживали правопорядок на территории. Поэтому уже в IX веке для поддержания правопорядка и управления территорией требовались грамотные, обученные дружинники и чиновники. Отсюда мы можем утверждать, что возникновение и становление специального образования идет поэтапно, так как оно в большей степени является частью общего образования, в том числе и административно-правого, основанного на основе норм и предписаний «Русской правды» Ярослава Мудрого, а также обычаях и традициях общества. По нашему мнению, правопорядок на Руси до крещения и какое-то время после него поддерживался в рамках традиций, обычаев, моральных установок и верований, так как большая часть населения была неграмотна, и социальные стереотипы поведения передавались посредствам примера родителей, старших родственников рода, старейшин, через устное творчество, сказания, былины и т. д. После принятия Русью христианства значительно возрастает грамотность не только в среде правящей элиты, но и в других сословиях. Способствует этому появление нового сословия священнослужителей, монашества, открывавших школы при церквях и монастырях для поиска смышленых детей из народа для работы с документами. Самыми первыми образованными служащими для государственной службы стали дьяки, получившие образование в религиозных школах. В этом случае стоит подчеркнуть, что это были обученные служащие, получившие религиозное образование, а не административно-полицейское. Именно о них сказано в пословице: «Быть делу так, как пометил дьяк» [11].

Греческие просветители Кирилл и Мефодий, прибыв на Русь, не на пустом месте создавали славянскую письменность. Они, путем синтеза соединяя прошлое и новое, обогащали язык, расширяли буквенное поле, которое становится универсальным и общедоступным для обучения населения на Руси. Об этом свидетельствуют древнерусские летописи. Князья и церковь начинают заботиться об «учении книжном» [12, с. 251–255], распространяя в народе новое мировоззрение. Со времени принятия христианства возрастает потребность в образованных людях, которые стали нуж-

ны для переписки книг, написания служебных документов, а также публичного чтения указов и распоряжений князей среди населения. Есть основание предполагать, что известная по летописям школа для «нарочитой чади», т. е. для детей придворной знати, приближенных князя, бояр, дружинников являлась дворцовым учебным заведением для подготовки государственных служащих и дружинников, организующих правопорядок в поселениях древней Руси. То есть с X века в недрах обывательского, церковного образования началось формирование образовательной деятельности по обучению профессиональных служащих.

В начале XI века во время правления князя Ярослава Мудрого, в 1016 году, был принят первый письменный свод законов «Русская правда Ярослава Мудрого», или «Правда Ярослава» [13]. Русская правда первоначально состояла из 35 глав, в которых выделялось гражданское и уголовное право. Данный свод законов стал основой для применения правовых санкций к нарушителям правопорядка дружинниками и посадниками в городах, а также мечниками – судебными чиновниками в сельской местности. Но для того, чтобы применять на практике «Правду Ярославичей» [13], служащие княжеского двора и уполномоченные должны были быть образованными, т. е. знать грамоту и арифметику, а также уметь доводить законы и указы правителей до населения территории, рядовых горожан, которые в исторических источниках именовались «люди». Как правило, данная категория населения была неграмотна и не могла лично знакомиться с грамотой, законом, указом князя и т. д. Менее знатные аристократы и представители местной служивой знати окраин государства, которые соглашались получать жалованье из Москвы, считались «слугами» и «холопами» великого князя, принятыми на «государеву службу» и делающими «государево дело». Для них применялась формула: «яз, холоп ваш, как правою рукою государя нашего вольного человека цареву величеству служу, и левою рукою тебе, государю, послужився» или «правым плечом своему государю быть, а левым тебе служу» [12, л. 186 об. 187, с. 241–242].

В XIV–XV веках в Московском государстве административные функции выполняли представители военизированных формирований и чиновники различных органов власти, которые возглавляли и управляли уездными, волостными, вотчинными администрациями, органами городского и сельского общинного самоуправления, а также занимали выборные должности старост из местного населения, являясь свободными людьми. Как пишет А. А. Дмитриев, первоначально «царь Иван IV решился уничтожить наместников», чтобы развивать управление выборными лицами от общин. Стремясь таким образом построить местное управление на системе общинного выборного начала (речь идет о губной реформе), Иван IV «конечно не вдруг уничтожил везде наместников», напротив, он посылает на дальние места, требовавшие особого «военнаго обережения», военных служилых людей с правами прежних наместников, «называвшихся иногда наместниками, но чаще, по причине их постоянной военной деятельности – воеводами» [13].

В XVI веке для охраны общественного порядка стали использоваться размещенные на территории губернии воинские части, особенно созданные Иваном Грозным в середине XVI века стрелецкие полки нового типа, куда из-за нехватки желающих могли включать и сидельцев из числа преступников, знающих грамоту. Так в Грамоте воеводе Пустозерского острога Г. В. Грекову указывалось, что «вора Фомку Исакова, а велено ево в Пустозерском остроге приверстать в стрельцы, а ис Пустаозера к Москве и никуды ни для каких дел не посылать и отпущать ево не велено» [13, л. 10–13].

Но, несмотря на такие меры, грамотных и способных к службе людей не хватало. В силу этого обстоятельства в крупных населенных пунктах из числа обывателей формировали сторожевые команды околоточных сторожей [15][1]. Сторожа содержались местными жителями за счет земской казны. Уездный город был разделен на околотки, территорию одного околотка от другого отделяли ворота, которые иногда запирались сторожами. В источниках такие ворота часто называют рогатками, т. к. это были своеобразные решетчатые ворота. Сторожа также следили за территорией слободы или волости на случай появления «лихих людей». В приказах XVI века был определенный отбор грамотных людей из дворянства и духовенства. Интересен тот факт, что в стражу и разъездные патрули набирали людей, умеющих читать и писать, знающих азы арифметики и счета [16]. Как отмечает Н. П. Ерошкин, «во второй четверти XIII века с усилением

[1] Происходит же это название, вероятно, от глагола околачивать: стражу порядка вручалась особого вида колотушка, в которую он стучал, обходя свой участок. Район, в котором был слышен звук колотушки, и назывался околотком. См.: Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2004. 432 с. ISBN 5-89173-914-3.

власти князей междуречья Оки и Волги, а также с ослаблением городов после монголо-татарского нашествия, вече теряет какую-либо силу. Большое значение при князе приобретает феодальный совет, состоявший из нескольких (10–15) наиболее знатных бояр. В первую половину XV века из среды боярства выделялась особая категория «бояр введенных» – постоянных советников великого князя и исполнителей его поручений по всем вопросам государственного управления, которые при себе формировали свой штат управления» [16, с. 27–28].

Таким образом, на каждой территории формировалась своя административно-полицейская система с учетом социальных слоев представителей общества, каждого страта, что было закреплено в «Уставных грамотах Московского государства». При этом центральная власть еще не обладала в достаточной мере силами для решения возникающих проблем, полицейская деятельность в делах обеспечения правопорядка осуществлялась представителями общины, которые в своей деятельности опирались на нормы обычного права. Вся же административно-полицейская работа в деле оформления документации на территории была сосредоточена у представителей приказной системы.

Приказную систему на территориях представляли «Губные избы», выступавшие как полицейско-судебные органы. Помимо них, полицейские функции исполняли воеводы, старосты общин и другие представители местного самоуправления. Также губные старосты избирались из дворян, а губные целовальники – из посадских людей и уездных или волостных крестьян [17, с. 14–21]. Стоит отметить, что «губные избы» в XVI веке в России стали новым для страны государственно-общественным выборным институтом, впервые созданным на определенной законодательной базе, которую составляли «Губные уставные грамоты», обучение правоохранительному делу являлось важным компонентом юридического образования.

По нашему мнению, губные (специализированные) избы являлись нижними звеньями системы управления, полицейского надзора и обеспечения порядка. Данные организации необходимы были для хранения документов, ведения делопроизводства, приема посетителей и содержания арестованных. В архивных источниках часто упоминаются универсальные административно-территориальные органы – губные избы, где были «холодные углы» и чуланы для нужд общинного общества [18, с. 216]. Как правило, структура губной избы была представлена следующими должностными лицами, осуществляющими правопорядок на территории: выборные представители из разных сословий общества дворян, духовенства и даже простых обывателей. Выборные представители от общества избирались на должности старост, целовальников, сторожей, а также на должности сотских и десятских, которые, как правило, имели минимальную подготовку по составлению и написанию документов [19, с. 3–6]. Так, в царской грамоте Пермскому воеводе Ивану Львову «о даче Съезжей избы подьячим жалованья из четвертных доходов, а не из мирского сбора» от 30 апреля 1646 г. указывается, что в съезжей избе были подьячими пермские посадские тяглые люди, Калинка Еремеев и Потап Зеленой от волостной общины – мирского сбора [20, с. 37–38].

В середине XVII века в России уже практически сложилось приказное делопроизводство, которое распространялось не только на приказную систему, но и на административные органы управления, куда входили и губные избы. Как правило, делопроизводство в губных избах вели обученные грамоте дьяки и подьячие. Данный контингент умел читать и писать, также отдельно для ведения документов их могли нанимать в качестве сельских писарей за отдельную плату. Отсутствие государственного денежного жалования усугубляло проблему найма на должности в полицейско-административные хозяйства и губные управления. «Мирские деньги» выделялись из общинного бюджета, направлялись только на содержание губной избы и оплату нанимаемых дьячков, сторожей, тюремщиков [21]. Характерной чертой губных органов была функциональная определенность. Они создавались, прежде всего, как административно-управленческие органы, которые ведали «тайными и разбойными делами», связанными с определенной спецификой их ведения. Ведением тайных и разбойных дел занимались специально обученные дьяки или дворяне, а также писцы. Тайные грамоты писались специальным иносказательным стилем, отличным от написания челобитных, купчих и торговых грамот. Поэтому не каждый писарь мог изложить суть хода расследования или дознания какого-либо «разбойного дела», в силу этого обстоятельства в таких учреждениях осуществлялось обучение от старших к младшим. Обучение грамоте в XVII веке проводилось в церковно-приходских школах, в них учились, как правило, не только дети дворян и священно-

служителей, но и смышленые подростки из приходской общины. Детей дьяков, подьячих обучали грамоте для чтения текстов псалмов, которые они должны были петь в храме с детства. Специального обучения, направленного на подготовку специалистов в сфере административно-полицейского образования, не было. Как правило, на административную работу привлекали тех, кто окончил церковно-приходские школы и школы при монастырях. В приказах и губных избах XVI–XVII веков штат писарей, старших дьяков, подьячих был до десятка человек. Вновь пришедших в приказную и губную систему обучали опытные дьяки, передавали опыт написания приказных и губных грамот, а также ведения приказного делопроизводства.

На основе проведенного теоретического и исторического анализа по проблеме развития и становления полицейского образования можно сделать вывод, что в период X–XV веков специального правового обучения для служащих не было, правопорядок осуществлялся посредствам традиций, верований, семейных и религиозных ценностей, а также соблюдения законов, указов и распоряжений знати. Эти нормы регулировали и формировали стереотипы поведения средневекового человека на Руси. С принятием христианства на Руси и появлением «Правды Ярослава» возникала потребность в образованных чиновниках, которые могли бы контролировать порядок на волостном и государственном уровнях. Процесс образования в указанный период осуществлялся на основе домашнего обучения, в образовательных учреждениях при учреждениях культа и внутри сложившихся коллективов профессионалов-служащих при государственных и военных учреждениях.

Ближние друзья князя формировали аппарат управления. Расставляя на управленческие места представителей из близкого окружения, с которыми как правило, данный чиновник учился и воспитывался. Он обеспечивал себя прочной исполнительской властью на основе дружеских отношений. Из представителей близкого окружения служивых людей формировался в основном аппарат управления миром волости или городка.

Лица, прошедшие обучение таким образом, были востребованы как при княжеском дворе, так и в общинных учреждениях, и в воинских подразделениях. Но изначально при становлении государственности на Руси не было специальных школ. Их заменяли практика, традиции, ученичество и наставничество, когда опыт и знания передавались от наставника к молодым служащим. Прошедшие практику и курс наставничества молодые чада получали чин и в этом случае при религиозных учреждениях становились дьяками, а лица, прошедшие курс наставничества при дружине или дворе князя, получали, к примеру, звание десятника или окольничего.

С возникновением письменных законов и христианских религиозных текстов начинает оформляться религиозное и светское образование, формируются приказы и губная система, возникают предпосылки развития правового, специального образования.

Список источников

1. Евсеев И. В. Историко-правовые основы восприятия обществом понятий институтов правопорядка в России // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2025. № 1 (29). С. 14–21. DOI: 10.46741/2713-2811.2025.29.1.001.
2. Российская государственная библиотека (РГБ). Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. С. 65–68.
3. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде: происхождение текстов / отв. ред. акад. Б. Д. Греков. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1941. 254 с.
4. Чернышев В. Я. Опись царских грамот XVII в., входящих в состав копийной книги муромской земской приказной избы (публикация источника) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) / отв. ред. С. А. Козлов. М.: Институт Российской истории РАН, 2009. С. 71–84.
5. Шалфеев Н. П. Об уставной книге разбойного приказа. СПб., 1868. 77 с.
6. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
7. Беляев В. И. Первые школы на Руси. Берегиня. 777. Сова. 2015. № 1 (24). С. 251–255.
8. Институт археологии Российской академии наук. Берестяные грамоты – 2024: дело о похищенной невесте, вдова и ее друг, а также совет удавиться // URL: https://arzamas.academy/mag/1311-beresta24 (дата обращения: 11.11.2025).

9. Владимир Мономах II (1053–1125). Поучение детям Владимира Мономаха: С прил. Послания Вл. Мономаха к Олегу, поучений Ксенофонта, некоего отца, св. Василия Великого и материалов для характеристики Мономаха / ред. и примеч. В. А. Воскресенского. СПб.: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1893. XIV, 49 с.
10. Алпатов Ю. М., Грудцына Л. Ю. Зарождение воспитания и образования на Руси // Управление образованием»: теория и практика. 2016. № 4 (24). С. 26–34.
11. Даль В. И. (1801–1872). Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1862. 1154 с.
12. РГАДА, Ф. 123, Оп. 1. Д. 10. Л. 186 об. 187; Л. 241–242.
13. Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. V. Пермь, 1884. 237 с.
14. РГАДА, Ф. 159, Оп. 3. Д. 2707. Л. 10–13.
15. Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2004. 432 с. ISBN 5-89173-914-3.
16. Евсеев И. В., Евсеев Т. И. Полиция и общество Урала. 300 лет взаимодействия. Екатеринбург: изд-во «ИП Пиджаков А. В.», 2018. 247 с.
17. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 352 с.
18. Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.
19. Кунгурские акты XVII (1668–1699 гг.). СПб.: типография МВДС, 1888. 333 с.
20. Царская грамота Пермскому воеводе Ивану Львову о даче Съезжей избы подьячим жалованью из четвертных доходов, а не из мирского сбора, 30 апреля 1646 г., № 10 // Акты исторические. Т. 4. (1645–1676). СПб., 1842.
21. Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук. СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурскаго уездного суда. Д. 163.
22. Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1902. Т. I. 424 с.
23. Забелин И. Е. Характер древне-народного образования в России // Отечественные записки. 1856. № 3. С. 51–81.
24. Мордовцев Д. Л. О русских школьных книгах XVII века. М.: Университетская типография, 1862. 102 с.
25. Миркович Г. Г. О школах и просвещении в патриарший период. СПб., 1878. 62 с.

Информация об авторах:

Евсеев Иван Валентинович,
доцент базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «Капитаны»;
Канаков Илья Владимирович,
заместитель начальника кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного учебного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева

About the authors:

Evseev Ivan V.,
associate professor basic department of the charitable foundation for the support of educational programs «Kapitany»;
Kanakov Ilya V.,
deputy head of the department of combating drug trafficking of the International interdepartmental training center for employees of operational units named after lieutenant general of militia A. N. Sergeev

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.
The article was submitted to the editorial office 23.01.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-15-21
EDN: https://elibrary.ru/qfylvg

БАВСУН ИРИНА ГЕННАДЬЕВНА[1]
кандидат юридических наук, доцент
ibavsun@mail.szfrgup.ru

КЛЕМЕНТЬЕВ ВАДИМ ПЕТРОВИЧ[2]
vadimklem04@mail.ru

[1, 2] Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
(Санкт-Петербург, Россия)

ОБ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СОГЛАСОВАННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ КОМИССИЙ)

Аннотация. *В статье анализируется правовое регулирование деятельности административных комиссий в субъектах Российской Федерации, находящееся в зоне соприкосновения разных уровней нормотворчества (федерального, регионального, местного), что создает предпосылки для возникновения ситуаций неопределенности и рассогласованности правовых норм. Фрагментарное закрепление правового статуса комиссий на федеральном уровне обуславливает основные коллизии: различие в определении правовой природы комиссий, произвольное формулирование целей их деятельности, разнообразные подходы к формированию состава и определению территориальной подведомственности. Особенно остро проблемы правового регулирования высвечиваются в контексте процессуальной деятельности по рассмотрению дел об административных правонарушениях на основе принципа коллегиальности, практически не освещенном в КоАП РФ. В статье обосновывается необходимость закрепления на федеральном уровне унифицированных положений о правовом статусе административных комиссий как единственном способе устранения правовой неопределенности и обеспечения согласованности правового регулирования в данной сфере.*

Ключевые слова: *принципы административно-правового регулирования, административные комиссии, производство по делам об административных правонарушениях*

Для цитирования: *Бавсун И. Г., Клементьев В. П. Об определенности и согласованности административно-правового регулирования (на примере регламентации деятельности административных комиссий) // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 15–21; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-15-21.*

© Бавсун И. Г., Клементьев В. П., 2026.

BAVSUN IRINA G.[1]
candidate of law, associate professor

KLEMENTYEV VADIM P.[2]

[1, 2] North-Western branch of the Russian state university of justice
named after V. M. Lebedev
(Saint Petersburg, Russia)

ON CERTAINTY AND CONSISTENCY OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION (USING THE EXAMPLE OF REGULATION OF THE ACTIVITIES OF ADMINISTRATIVE COMMISSIONS)

Abstract. *The article analyzes the legal regulation of the activities of administrative commissions in the constituent entities of the Russian Federation, which lies at the intersection of different levels of rule-making (federal, regional, and local), creating prerequisites for situations of uncertainty and inconsistency of legal norms. The fragmented establishment of the legal status of commissions at the federal level gives rise to the main conflicts: differences in defining the legal nature of commissions, arbitrary formulation of the objectives of their activities, diverse approaches to the composition and determination of territorial jurisdiction. The problems of legal regulation become particularly acute in the context of procedural activities related to the examination of cases of administrative offenses based on the principle of collegiality, which is practically unaddressed in the Administrative Offenses Code of the Russian Federation. The article substantiates the need to establish unified provisions on the legal status of administrative commissions at the federal level as the only way to eliminate legal uncertainty and ensure consistency of legal regulation in this area.*

Keywords: *principles of administrative-legal regulation, administrative commissions, proceedings in cases of administrative offenses*

For citation: *Bavsun I. G., Klementyev V. P. On certainty and consistency of administrative legal regulation (using the example of regulation of the activities of administrative commissions) // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 15–21; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-15-21.*

Административное и административно-процессуальное законодательство, отнесенное ст. 72 Конституции РФ[1] к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, представляет собой сложную конструкцию, обеспечение баланса которой требует значительных усилий. Одной из острых граней соприкосновения двух уровней правового регулирования является административно-деликтное законодательство, состоящее из Кодекса РФ об административных правонарушениях[2] (далее – КоАП РФ) и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации. Основная проблема при этом заключается в «размытости» пределов федерального и регионального нормотворчества по вопросам совместного ведения, что влечет возникновение ситуаций неопределенности в разрешении многих административно-правовых и административно-процессуальных вопросов. Особенно ярко это проявляется при анализе правового регулирования деятельности административных комиссий.

Административные комиссии, учрежденные еще в советский период, и будучи единственными среди административно-юрисдикционных органов, созданными исключительно для рассмотрения дел об административных правонарушениях, по прошествии времени не потеряли своего значения [1, с. 5; 2, с. 11]. Но глобальное изменение государственного устройства

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе всеобщего голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.04.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.04.2026).

и системы законодательства повлекли трансформацию их правового статуса, который после принятия КоАП РФ стал предметом правового регулирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, что обусловило возникновение ряда проблемных вопросов организации и деятельности административных комиссий.

Прежде всего следует отметить, что правовой статус административных комиссий в КоАП РФ урегулирован фрагментарно. В федеральном законодательстве не уделяется должного внимания многим как организационным, так и процессуальным вопросам: порядку формирования комиссий, особенностям их функционирования на основе принципа коллегиальности, процедуре рассмотрения дел и многим другим. Поэтому региональный законодатель, не будучи связанным какими-либо рамками в регламентации данных аспектов и не имея каких бы то ни было ориентиров и границ для своего правотворчества, демонстрирует многообразие подходов к разрешению вопросов организации и деятельности административных комиссий.

По-разному в законах субъектов Российской Федерации определяется их правовая природа: в одних регионах это «административные комиссии муниципальных образований»[1], в других – это органы, которые создаются «при органах местного самоуправления»[2] или «при исполнительных органах государственной власти»[3]. В данных формулировках заложено несколько важных позиций. Используемый законодателем предлог «при» подчеркивает независимый характер деятельности административных комиссий от органов, в системе которых они функционируют, что по своей сути является уникальным явлением для субъектов, рассматривающих дела об административных правонарушениях (не считая судей), и свидетельствует об осуществлении ими «квазисудебной» деятельности в рамках публичной администрации. Кроме того, определение правовой природы административных комиссий крайне важно с позиции реализации механизма делегирования государственно-властных полномочий. Признание административных комиссий муниципальными органами обязывает предусмотреть в региональном законодательстве все аспекты делегирования им полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях[4].

Понятие административных комиссий, важной составляющей которого является целевая направленность их деятельности, в условиях отсутствия в КоАП РФ соответствующей дефиниции, произвольно определяется в законах субъектов Российской Федерации. Так, в ст. 2 Закона Республики Карелия «Об административных комиссиях в Республике Карелия и наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Карелия»[5] административные комиссии названы коллегиальными, постоянно действующими органами, создаваемыми в целях привлечения к административной ответственности по делам об административных правонарушениях. Сложно согласиться с таким определением, поскольку заложенный в нем «обвинительный уклон» деятельности административных комиссий противоречит задачам производства

[1] Об административных комиссиях: Закон Мурманской области от 24.06.2003 № 408-01-ЗМО // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/16944214/ (дата обращения: 20.04.2026) (далее – Закон Мурманской области «Об административных комиссиях»).

[2] Об административных правонарушениях: Закон Республики Карелия от 15.05.2008 № 1191-ЗРК // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/23191532/ (дата обращения: 20.04.2026).

[3] Об административных комиссиях Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 22.04.2004 № 211-35 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/7940417/ (дата обращения: 20.04.2026) (далее – Закон Санкт-Петербурга «Об административных комиссиях).

[4] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 20.04.2026); Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 20.04.2026); Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 20.04.2026).

[5] Об административных комиссиях в Республике Карелия и наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Карелия: Закон Республики Карелия от 18.12.2012 № 1659-ЗРК // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/23115326/ (дата обращения: 20.04.2026).

по делам об административных правонарушениях в части установления объективной истины по делу и реализации принципа презумпции невиновности. Более корректно отражает сущность деятельности административных комиссий обозначение их коллегиальными органами, на которые возложены государственные полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Такой подход демонстрируется в законах многих субъектов Российской Федерации, поддерживается рядом исследователей [3, с. 321] и предлагается в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1], где в п. 1 ст. 42.5 закрепляется понятие административных комиссий как «постоянно действующих коллегиальных органов по рассмотрению дел об административных правонарушениях».

Представляет интерес правовое регулирование вопроса о том, в чью компетенцию входит принятие решения о создании административных комиссий. Разрешая вопрос о полномочия органов публичной власти в этой части, субъекты Российской Федерации демонстрируют разные подходы. Например, в Республике Коми административные комиссии создаются органами местного самоуправления муниципальных образований[2], а в Мурманской области – исполнительным органом Мурманской области, осуществляющим функции в сфере государственного строительства и правового регулирования в области местного самоуправления (ст. 5 Закона Мурманской области «Об административных комиссиях»). Данный пример демонстрирует неопределенность правового положения административных комиссий в системе публичной власти.

В условиях пробельности федерального законодательства субъекты РФ по-разному подходят и к регулированию организационных вопросов деятельности административных комиссий, в частности к определению количества членов комиссии и требований, предъявляемых к ним. Как правило, границы численного состава находятся в диапазоне от 5 до 15 человек, иногда устанавливается лишь минимально допустимое их количество (например, в Законе Санкт-Петербурга об административных комиссиях оно составляет 7 человек, включая председателя и заместителя председателя).

Важное значение имеет нормативное закрепление критериев отбора членов административных комиссий. Обычно в законах субъектов Российской Федерации устанавливаются такие требования, как: дееспособность, гражданство Российской Федерации и отсутствие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, достижение возраста 18 лет, отсутствие судимости (в ряде субъектов Российской Федерации членом комиссии может быть только лицо, не подвергнутое административному наказанию на основании постановления суда). Примечательно, что образовательный ценз для членов комиссии, как правило, не устанавливается, за редкими исключениями (например, в Санкт-Петербурге для включения в состав административной комиссии представителя объединения требуется наличие у него высшего юридического образования). В значительной части правовых актов предусмотрено положение об обязательности юридического образования (высшего или среднего профессионального) для ответственных секретарей административных комиссий [4, с. 222], что, безусловно, способствует повышению качества подготовки дел к рассмотрению.

В соответствии с региональным законодательством в состав административных комиссий может входить широкий круг лиц: депутаты муниципальных советов, государственные гражданские служащие, муниципальные служащие. В ряде субъектов РФ участвовать в работе комиссий могут только представители органов местного самоуправления, правоохранительных органов, организаций, общественных объединений, осуществляющих свою деятельность на территории «соответствующего муниципального образования» (по всей ве-

[1] Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, текст по состоянию на 29.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=195739&dst=#bMdtWJVQTopH73jl2 (дата обращения: 20.04.2026).

[2] Об административных комиссиях в Республике Коми: Закон Республики Коми от 02.11.2018 № 97-РЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/48675006/ (дата обращения: 20.04.2026).

роятности, речь идет о муниципальном образовании, находящемся в пределах территориальной компетенции административной комиссии).

Территориальная подведомственность является важным элементом правового статуса административных комиссий. В данном вопросе организационные аспекты деятельности административных комиссий тесно переплетаются с процессуальными, что создает существенные сложности в процессе производства по делам об административных правонарушениях. Часто в законодательстве субъектов Российской Федерации устанавливается правило, согласно которому административные комиссии действуют в пределах границ соответствующих муниципальных образований. Но если границы таких муниципальных образований не совпадают с территорией судебного района (например, в городе сформирована одна административная комиссия, а судебных районов несколько), то определить апелляционную инстанцию при обжаловании постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного административной комиссией, становится затруднительным.

Данная ситуация стала предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем постановлении от 24.05.2024 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» признал оспариваемую норму не соответствующей Конституции РФ «в той мере, в какой *неопределенность* ее нормативного содержания в системе действующего правового регулирования не позволяет однозначно разрешить вопрос об определении территориальной подсудности рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное административной комиссией, созданной в соответствии с законом субъекта Российской Федерации»[1].

Дефиницию «границы соответствующего муниципального образования» как определяющую территориальную подведомственность административных комиссий нельзя признать оптимальной ввиду ее неопределенности. Отнесение законом субъекта Российской Федерации муниципальных образований к территориальной компетенции конкретной комиссии не всегда обеспечивает согласованность норм об организации деятельности административных комиссий и процессуальных норм, регулирующих производство по делам об административных правонарушениях. Оптимальным представляется определение границ территории, на которую распространяется юрисдикция административной комиссии, с учетом границ территории, находящейся в сфере юрисдикции районного суда, уполномоченного осуществлять пересмотр постановлений и определений соответствующей комиссии (п. 5 ст. 4 Закона Санкт-Петербурга об административных комиссиях).

Рассмотренные примеры демонстрируют далеко не весь спектр вопросов организации и деятельности административных комиссий, обусловленный существующей неопределенностью правого регулирования их статуса на федеральном уровне. Не менее интересные аспекты выявляются при анализе региональных норм о финансировании деятельности комиссии и оплате труда ее членов. Как правило, в региональных законах устанавливается, что финансирование деятельности административных комиссий производится за счет средств бюджета субъекта РФ, но материально-техническое, организационное и информационно-правовое обеспечение часто возлагается на территориальные органы местного самоуправления. В отдельных регионах муниципалитетам предоставлено право дополнительно использовать в этих целях собственные материальные ресурсы и финансовые средства. В некоторых законах субъектов РФ приводится подробная методика распределения объема субвенции местным бюджетам на осуществление органами местного самоуправления государственных полномочий по организационному обеспечению деятельности административных комиссий.

Таким образом, проведенный анализ показал, что отсутствие правового регулирования организации деятельности административных комиссий на федеральном уровне ставит регионального законодателя

[1] По делу о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2024 № 24-П // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476997/ (дата обращения: 01.04.2025).

в достаточно сложно положение: в условиях неопределенности, не имея каких бы то ни было правовых ориентиров, субъекты РФ самостоятельно регулируют деятельность административных комиссий, демонстрируя при этом весьма разнообразные подходы, которые не всегда можно признать удачными.

Но наиболее остро проблема неопределенности и рассогласованности правового регулирования деятельности административных комиссий проявляется в плоскости их процессуальной деятельности по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Коллегиальность как принцип деятельности административных комиссий не получила должного закрепления в КоАП РФ, поэтому региональные законодатели вынуждены самостоятельно разрешать ряд процессуальных вопросов производства по делам об административных правонарушениях, по сути выходя за пределы своих нормотворческих полномочий [5, с. 182] (периодичность и правомочность проведения заседаний, порядок принятия решений, полномочия членов комиссии[1] и др.).

Причина такого положения вещей видится в том, что в КоАП РФ не проводится четкого разграничения между двумя важными понятиями – «порядком производства по делам об административных правонарушениях», являющимся предметом ведения Российской Федерации (п. 4 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ), и «организацией производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации», относящейся к ведению субъектов РФ (п. 2 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ). Таким образом создается ситуация неопределенности, что заставляет региональных законодателей балансировать на грани процессуальных и организационных аспектов производства по делам об административных правонарушениях, рискуя выйти за переделы своих нормотворческих полномочий [6, с. 73]. В таких условиях некоторые регионы предпочитают вообще не создавать административные комиссии, данный орган не упоминается в их законах среди субъектов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях[2].

Для достижения согласованности правового регулирования в рассматриваемой сфере необходимо внести ясность в содержание организационных и процедурных аспектов производства по делам об административных правонарушениях в административных комиссиях, что является особенно актуальным в свете разработки проектов нового КоАП РФ и Процессуального кодекса об административных правонарушениях. Только заложив прочный правовой фундамент деятельности административных комиссий на федеральном уровне, можно обеспечить унификацию их деятельности в субъектах Российской Федерации.

Регламентация деятельности административных комиссий, которые сами по себе имеют сложную правовую природу, попадает в сферы различных отраслей права (конституционного, административного, муниципального, финансового), находится в зоне соприкосновения разных уровней нормотворчества (федерального, регионального, местного), что создает предпосылки для возникновения ситуаций неопределенности и рассогласованности правового регулирования. Пробельность, противоречивость, дублирование норм в актах разного уровня не только понижают качество правовой основы функционирования юрисдикционного органа, но и ставят под вопрос легитимность принимаемых им решений. Формирование на федеральном уровне единообразной организационно-правовой формы функционирования коллегиальных органов административной юрисдикции, определение всех процессуальных особенностей их деятельности позволят избежать правовых коллизий и пустот, с одной стороны, и дублирования положений нормативных актов – с другой, создаст единые стандарты правоприменения независимо от региона проживания граждан и нахождения юридических лиц, что в конечном счете обеспечит эффективность административно-правового регулирования и укрепит доверие к публичной власти.

[1] О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края отдельными государственными полномочиями по образованию и деятельности административных комиссий: Закон Краснодарского края от 14.12.2006 № 1144-КЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/23941144/ (дата обращения: 01.04.2024).

[2] Об административных правонарушениях: Закон Новгородской области от 01.02.2016 № 914-ОЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/16557314/ (дата обращения 20.04.2026).

Список источников
1. Клюшниченко А. П., Шергин А. П. Административные комиссии. М., 1975.
2. Сорокин В. Д. Административные комиссии при исполкомах районных, городских советов депутатов трудящихся. М., 1964.
3. Гриценко О. Д. Административные комиссии: понятие и функции // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. №1. С. 317–324.
4. Колобов М. В. Особенности правового регулирования создания и организации деятельности административных комиссий в муниципальных образованиях // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. №3. С. 217–225.
5. Бавсун И. Г. Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях коллегиальными органами административной юрисдикции // От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве: сб. науч. ст. / под общ. ред. О. В. Лазарева, Я. Б. Жолобова. СПб.: Астерион, 2024. С. 180–185.
6. Бавсун И. Г. «Организация производства по делам об административных правонарушениях» в теории, законодательстве и судебной практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2. С. 72–79.

Информация об авторах:

Бавсун Ирина Геннадьевна, *доцент кафедры государственно-правовых дисциплин;*
Клементьев Вадим Петрович, *студент*

About the authors:

Bavsun Irina G., *associate professor of the department of state-legal disciplines;*
Klementyev Vadim P., *student*

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 28.05.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-22-28
EDN: https://elibrary.ru/gqrrrl

ТРУФАНОВ МИХАИЛ ЕГОРОВИЧ[1]
доктор юридических наук, профессор
mihail.trufanov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1105-1287 Autor ID: 454724

КУЧМЕЗОВ РУСТАМ НУРБИЕВИЧ[2]
кандидат юридических наук
Rustam.kuchmesov.90@mail.ru
ORCID: 00909-0000-2929-3925

[1, 2] Краснодарский университет МВД России
(Краснодар, Россия)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, СОХРАНЯЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 6.1.1 КоАП РФ

Аннотация. *Вопрос, которому посвящена данная статья, давно требует научно обоснованного переосмысления. Анализ правовых позиций, определяющих ответственность за нанесение побоев в Российской Федерации, согласно современной доктрине, позволяет утверждать, что отправной точкой прежде всего выступает безошибочное определение объекта противоправного посягательства. В статье последовательно представляется авторское мнение об институциональном, квалификационном и процессуальном нюансах привлечения к административной ответственности за побои или иные насильственные действия, которые вызывают у потерпевшего болевые ощущения, однако не влекут за собой последствий, перечисленных в ст. 115 УК РФ, и при этом в содеянном отсутствует состав преступления, с целью расширения имеющегося представления о них и внесения вклада в научную дискуссию по применению ст. 6.1.1 КоАП РФ.*

Сложившаяся ситуация требует ответа на вопрос, что более значимо для российского общества: сохранение отраслевой чистоты уголовной ответственности или достижение необходимого уровня эффективности правоприменительной деятельности, основываясь на справедливом распределении репрессивных ресурсов. Сложность и недостаточная разработанность представлений об административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, отрицательно сказываются на эффективности административно-правовой нормы об ответственности за побои и требуют состоятельного методологического обоснования.

Ключевые слова: *административная ответственность, противоправное посягательство, причинение побоев, правоприменение, декриминализация, производство по делу об административном правонарушении*

Для цитирования: *Труфанов М. Е., Кучмезов Р. Н. Институциональные, квалификационные и процессуальные аспекты, сохраняющие влияние на порядок применения ст. 6.1.1 КоАП РФ // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 22–28; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-22-28.*

© Труфанов М. Е., Кучмезов Р. Н., 2026.

TRUFANOV MIKHAIL E.[1]
doctor of law, professor

KUCHMEZOV RUSTAM N.[2]
candidate of law

[1, 2] Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Krasnodar, Russia)

NSTITUTIONAL, QUALIFICATION, AND PROCEDURAL ASPECTS AFFECTING THE APPLICATION OF ARTICLE 6.1.1 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The issue addressed in this article has long been in need of a scientifically grounded reevaluation. An analysis of the legal positions that determine the responsibility for battery in the Russian Federation, according to the current doctrine, suggests that the starting point is the accurate identification of the object of the illegal act. The article consistently presents the author's opinion on the institutional, qualification, and procedural nuances of administrative liability for beatings or other violent actions that cause pain to the victim but do not result in the consequences listed in Article 115 of the Criminal Code of the Russian Federation, and where there is no crime committed, in order to expand the existing understanding of these actions and contribute to the scientific discussion on the application of Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.*

The current situation requires an answer to the question of what is more important for Russian society: maintaining the industry-specific purity of criminal liability or achieving the necessary level of law enforcement efficiency based on a fair distribution of repressive resources. The complexity and insufficient development of ideas about administrative liability for offenses under Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation have a negative impact on the effectiveness of the administrative legal norm on liability for battery and require a solid methodological basis.

Keywords: *administrative liability, illegal encroachment, beating, law enforcement, decriminalization, administrative proceedings*

For citation: *Trufanov M. E., Kuchmezov R. N. Institutional, qualification, and procedural Aspects that Continue to Influence the Application of Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2 (78). P. 22–28; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-22-28.*

Несмотря на складывающуюся правоприменительную практику, по мнению отдельных российских правоведов, Россия сегодня еще находится в поиске правовых возможностей в преодолении тенденций к расширению бытового насилия. По мнению главы комитета Совета Федерации Российской Федерации А. А. Клищаса, «эта тема связана с традиционными семейными ценностями, и многие воспринимают это как вмешательство в дела семьи»[1]. Примерно на таком же уровне имеет место полемика о том, что внесенные десять лет назад в действующее законодательство нормы права, предусматривающие административную ответственность за причинение побоев, уже образуют искомую базу и какие специальные нормы для этого еще необходимы.

Первая группа системных противоречий, посвященных данному вопросу, связана с *институциональными особенностями*, которые длительное время остаются фрагментарными. Сопровождение воплощения в действительность требований административно-правовых норм правоприменительным актом с полным основанием можно считать характерным признаком административной ответственности, сосредоточенным между акцией – фактом совершения административного правонарушения и реакцией – мерой административного наказания. Только опосредованное дей-

[1] Клишас объяснил, почему в РФ не принимают законы о домашнем насилии и буллинге // коммерсантъ: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8551779?Ysclid= mng8rzog 61359534717 (дата обращения: 30.03.2026).

ствительным властным велением компетентного органа государственной власти право становится реальным и общеобязательным ресурсом для упорядочения социальных отношений [1, с. 98]. Соответственно, только такое справедливое и последовательное государственное реагирование, принявшее оригинальное законодательно подтвержденное КоАП Российской Федерации императивное влияние, имеет смысл рассматривать как форму властного реагирования на действительное причинение побоев, на основании чего возможно суждение о противоправности действий субъекта и применении административного наказания.

Такая реакция со стороны государства на противоправные деяния обязательно содержит элемент социального отвержения и носит сугубо отрицательный характер. Она призвана отражать неодобрение как самого проступка, так и личности виновного, а также включать в себя применение установленных законом санкций. Подобный механизм призван обеспечивать соответствие мер юридической ответственности принципу справедливости. Вполне понятно в связи с этим, что негативным должно выступать само реагирование государства на административные деликты в целом и их отдельные категории (виды), оценивая эти социальные явления как заслуживающие активного противодействия.

Так, негативную оценку общественно опасному явлению в виде причинения побоев государство дало посредством ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»[1] при конструировании и формулировании административно-правовой нормы, предусмотренной в гл. 6 КоАП РФ ст. 6.1.1 «Побои», т. е. путем законодательного определения оснований и системы административных наказаний.

В правовой доктрине деяния, квалифицируемые как административные правонарушения, и деяния, признаваемые преступными в силу наличия административной преюдиции, образуют группу смежных составов. Их объединяет то, что объектом противоправного посягательства выступают идентичные общественные отношения. Следовательно, на одном уровне с признаком противоправности необходимо принимать во внимание их общественную опасность. В то же время методологически верное определение и толкование юридически значимых признаков административного правонарушения имеет важнейшее общее социальное и прикладное значение в процессе его пресечения. Четкое и непротиворечивое определение побоев, за совершение которых установлена административная ответственность, необходимо для достижения целей безупречной квалификации юридических конфликтов, сопряженных с побоями либо иными насильственными действиями, сопровождаемыми ощущением физической боли, однако не образовавшими эффекта, указанного в статье 115 УК РФ.

Вторая группа системных противоречий сопряжена с *квалификационными особенностями*. На основании изучения объекта в составе побоев следует отметить, что признаки состава побоев были привнесены в КоАП РФ с определенным сокращением содержания вины, заимствованного из ст. 116 УК РФ, соответственно непосредственный объект этого правонарушения представляет собой сложную структуру и включает в себя комплекс общественных отношений, направленных на охрану телесной неприкосновенности личности. Данное обстоятельство напрямую влияет на юридическую квалификации содеянного. А помимо основного объекта, правовая модель подразумевает присутствие еще одной совокупности не менее значимых общественных отношений, суть которых, как было отмечено Г. А. Ожеговой, «состоит в регулировании социальных связей, возникающих по вопросу сохранения личного достоинства граждан» [2, с. 21]. Действительное его обоснование в составе, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ, свидетельствует о более высокой степени общественной опасности данного правонаруше-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: Федеральный закон от 03.07.2016 № 326-ФЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420363750 (дата обращения: 30.03.2026).

ния и влиянии как на процедуру его квалификации, так и на уровень ответственности лица, виновного в его совершении.

В свою очередь, исследование объективной стороны в составе побоев, предусматривающих административную ответственность, позволяет подчеркнуть, что под телесными повреждениями данной категории подразумеваются умышленные действия, в результате которых появляется заметный дискомфорт в виде болевых ощущений, без фиксации факта причинения вреда здоровью. Отсюда, опираясь на анализ состава правонарушения, определенного ст. 6.1.1 КоАП РФ, подобные действия (нанесение побоев) по своему уровню общественной опасности и фактическим последствиям подпадают под определение насилия, которое не влечет за собой вреда для здоровья потерпевшего.

Для того чтобы обосновать позицию, согласно которой для квалификации побоев количество ударов или эпизодов насилия не играет определяющей роли при характеристике объективной стороны состава правонарушения, в исследовании имело место обращение к последовательному анализу судебной практики. С этой целью была сформирована подборка судебных актов, полученная путем поиска на интернет-портале «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru), что позволило соотнести в период с 2019 до 2025 года описательно-мотивировочные части в 3 943 постановлениях, вынесенных судами 78 субъектов Российской Федерации[1]. В результате рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, было выяснено, что один удар, нанесенный потерпевшему, рассматривается в 43,3 % случаев как иные насильственные действия; в 40 % случаев – как побои; в 16,7 % случаев – в тексте не содержится данных, уточняющих –побои или иные насильственные действия. Очевидно, что, исходя из полученных расчетов, квалифицировать побои, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, как нанесение побоев возможно даже при наличии доказанного одного умышленного удара, если им была причинена физическая боль потерпевшему.

Аргументы в исследовании субъективной стороны состава побоев сводятся к тому, что установление основных признаков направлено не столько на выяснение того, что лицо действительно виновно в совершении правонарушения, сколько на необходимость достижения конкретики по имевшим место мотиву и цели нанесения побоев. Принципиальным и конструктивным при аналитическом разборе признаков состава административного правонарушения является учет его полимотивированности.

В обоснование данной позиции можно привести убедительные цифры, публикуемые на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[2]. Эти данные свидетельствуют о стабильном увеличении количества административных дел, возбужденных по фактам нанесения побоев лицами без российского гражданства, включая иностранцев. Важно отметить, что подобные действия со стороны указанной категории лиц нередко продиктованы межнациональным либо традиционным характером общественных связей. В целях защиты общественного порядка при разбирательстве любого инцидента с участием иностранца необходимо в обязательном порядке анализировать его межэтнические, межрасовые взгляды. Ключевая задача – выяснить, руководствовался ли правонарушитель расовой или национальной неприязнью, поскольку этот мотив

[1] Амурская обл., Архангельская обл., Астраханская обл., Белгородская обл., Брянская обл., Ивановская обл., Владимирская обл., Волгоградская обл., Вологодская обл., Воронежская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Кемеровская обл., Кировская обл., Костромская обл., Курганская обл., Курская обл., Ленинградская обл., Липецкая обл., Магаданская обл., Мурманская обл., Московская обл., Нижегородская обл., Новгородская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Оренбургская обл., Орловская обл., Пензенская обл., Псковская обл., Ростовская обл., Рязанская обл., Самарская обл. обл. Саратовская обл., Сахалинская обл., Свердловская обл., Смоленская обл., Тверская обл., Тамбовская обл., Томская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Ульяновская обл., Челябинская обл., Ярославская обл., г. Санкт-Петербург, Респ. Адыгея, Респ. Башкортастан, Респ. Бурятия, Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская респ., Респ. Калмыкия, Карачаево-Черкесская респ., Респ. Карелия, Респ. Коми, Респ. Крым, Респ. Марий Эл, Респ. Мордовия, Респ. Саха (Якутия), Респ. Татарстан, Удмуртская респ., Чувашская респ., Респ. Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край, Камчатский край, Краснодарский край, Красноярский край, Пермский край, Приморский край, Ставропольский край, Хабаровский край, Еврейская авт. обл., Ненецкий авт. окр., Чукотский авт. окр., Ханты-Мансийский авт. окр., Ямало-Ненецкий авт. окр.

[2] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645 (дата обращения: 30.03.2026).

служит квалифицирующим признаком по ст. 116 Уголовного кодекса РФ.

В содержании *процессуального аспекта* подчеркнем, что применение герменевтического подхода в рамках теоретико-правового анализа юридических фактов, рассматриваемого сквозь призму правоприменительной деятельности, позволяет с полной определенностью утверждать, что основанием для выполнения производства по делу об административном правонарушении является юридический факт. Последний представляет собой конкретный фрагмент реальной действительности, который порождает административно-процессуальные последствия, предусмотренные КоАП РФ. Суть правоприменения относительно побоев сводится к сопоставлению реальных обстоятельств с абстрактными моделями, закрепленными в законе. По сути это интеллектуальный процесс, где конкретный случай подводится под соответствующую юридическую норму путем отождествления их существенных свойств. Таким образом, учитывая устойчивость тенденции, основанной на имплементации отдельных процессуальных приемов из уголовно-процессуального законодательства, считаем, что общая позиция, предусмотренная в ч. 3 ст. 28.1 КоАП РФ, не требует детализации, близкой к дублированию, так как повод в форме «сообщения и заявления физических лиц» в своем содержании полностью охватывает категорию «потерпевший и, соответственно, «законный представитель».

Именно на уровне процессуальных нюансов сохраняется место для постулата о том, что возбуждение дела об административном правонарушении без уверенности в том, что выявленное противоправное поведение не содержит признаков преступления, следует грубым нарушением законности. Действия, свойственные для объективной стороны в правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 116 УК РФ и ст. 116.1 УК РФ совершенно идентичны, и только обращение к содержанию субъективной стороны и характеру субъекта позволяет определить приоритет их реализации. На фоне данного утверждения следует отметить следующее:

1. Юридически оправданным следует считать выполнение компетентными должностными лицами по факту нанесения побоев и причинения иных насильственных действий проверки в порядке, предусмотренном ст. 144–145 УПК РФ. Лишь после того, как личность злоумышленника будет достоверно установлена, а в ходе комплекса проверочных мероприятий будет исключено наличие в его действиях состава уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 116 или 116.1 УК РФ, материалы должны быть переданы для осуществления производства по делу об административном правонарушении. В таком случае, руководствуясь ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ, уполномоченное лицо выносит определение о начале административного расследования.

Если по факту нанесения побоев и причинения иных насильственных действий, должностное лицо, наделенное соответствующими полномочиями, проводит процессуальную проверку, то срок для принятия решения по ней (в рамках ст. 144–145 УПК) исчисляется с момента поступления заявления от пострадавшего и составляет не более трех суток, и такой подход не предполагает применения до начала административного расследования отдельных мер административно-процессуального обеспечения, соответственно дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1. КоАП РФ, не может быть возбуждено до вынесения указанного определения.

2. Только поверхностное суждение позволяет рассматривать административное расследование как категорию, обладающую признаками факультативности. Такая ситуация, учитывая мнение М. В. Костенникова и В. В. Мелешко [3, с. 141–147], предполагает наличие ряда содержательных аргументов, которые позволяют рассуждать следующим образом.

Во-первых, в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ не содержится даже намека на возможное усмотрение со стороны субъекта правоприменения. Указанная норма права четко определяет, что обязательной процедуре административного расследования подлежат дела, возбужденные по фактам правонарушений, перечисленным в ст. 6.1.1, 7.27, 13.41 и 20.6.1 КоАП РФ.

Во-вторых, сущность административного расследования заключается в реальном, а не декларативном совершении действий, позволяющих получить необходимые доказательства. Ключевым элементом здесь выступает не просто перечень процедур, а их фактическое исполнение, включая такое обязательное мероприятие, как проведение экспертизы, которое требует значи-

тельных временных затрат. Более того, согласно диспозиции правовой нормы, закрепленной ст. 6.1.1 КоАП РФ, действует условие того, что нанесенными побоями либо иными насильственными действиями, причинившими физическую боль, не были образованы последствия, указанные в ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», для проверки наличия которых в обязательном порядке должна быть проведена медицинская экспертиза.

В-третьих, учитывая, что в содержании общих правовых позиций, предусмотренных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 24.03.2005 № 5[1], было установлено, что: если административное расследование фактически не проводилось, судье районного суда при подготовке дела к рассмотрению следует решить вопрос о его передаче мировому судье на основании п. 5 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ. Однако, спустя десять лет, после того как вступил в силу Федеральный закон от 03.07.2016 № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», которым была введена административная ответственность за правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ, в производстве по данному составу обязательно предусмотрено административно расследование.

3. Основываясь на прогрессии, предусмотренной в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ, «экспертиза» – «административное расследование», применительно к ст. 6.1.1 «Побои» мы не можем не отметить их обязательную последовательность, так как гипотезой, которая опосредует действительность диспозиции указанной правовой нормы, определено условие, при котором деяние «не повлекло последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса РФ». Соответственно, основываясь на исследованиях юридического состава и особенностей квалификации правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, считаем непременным проведение проверки на наличие признаков состава преступления, что делает проведение судебно-медицинской экспертизы по исследуемому составу мотивированным и обязательным.

4. Административное наказание, которое чаще всего назначается судьями общей юрисдикции по ст. 6.1.1 «Побои», – административный штраф. Количество вынесенных решений о назначении административного штрафа оказалось равным 75 % от общего количества исследованных дел. Преимущественно назначался минимальный штраф, в то время как санкцией указанной нормы предусмотрен административный штраф до 30 тыс. руб. Применение его в рамках минимального предела, на первый взгляд, обусловлено заботой о его исполняемости, с другой стороны, применение данного вида финансовой санкции в 12 раз чаще обязательных работ позволяет предполагать влияние фактора фискальной направленности данной санкции. Постановления о назначении наказания в виде обязательных работ составили около 6 %. Еще реже судьями назначалось наказание в виде административного ареста. Тем не менее в ходе исследования сформировался определенный уровень убежденности в том, что применение в практике судей районных судов по делам о нанесении побоев и причинении иных насильственных действий, не образующих состава преступления, предусмотренного ст. 115 Уголовного кодекса РФ, обязательных работ, может оказаться наиболее эффективной мерой административной ответственности, способствующей достижению целей административного наказания.

Реализация отмеченных правовых позиций позволит повысить эффективность административной юрисдикции по делам о побоях, обеспечить соблюдение принципов индивидуализации ответственности и правовой определенности, а также достичь баланса между публичными интересами российского общества и защитой прав лиц, привлекаемых к административной ответственности.

[1] О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса РФ об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

Список источников
1. Дуюнов В. К. Реакция государства на противоправное поведение как юридическая ответственность и как правовое воздействие: к теории вопроса // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 6А. С. 96–107.
2. Ожегова Г. А. Объекты правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ожегова Галина Аркадьевна. Казань. 2006. 21 с.
3. Мелешко В. В., Костенников М. В. О специальном (заочном) производстве в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 2 (74). С. 141–147.

Информация об авторах:

Труфанов Михаил Егорович,
профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел;
Кучмезов Рустам Нурбиевич,
доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел

About the authors:

Trufanov Mikhail E.,
professor of the department of administrative activities of the internal affairs bodies;
Kuchmezov Rustam N.,
associate professor of the department of administrative activities of internal affairs bodies

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 28.05.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-29-37
EDN: https://elibrary.ru/dnwyyq

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
pkobets@rambler.ru

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕРЫ БОРЬБЫ С АКТАМИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОРСКОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Актуальность заявленной проблематики обусловлена тем, что в настоящее время в Российской Федерации становится крайне востребованной задача организации и обеспечения эффективной защиты от актов морского терроризма на основе применения результативных контрмер. Решение данной проблемы перешло в разряд первоочередных для нашей страны в связи с тем, что в условиях 2020-х гг. международный террор стал все активнее фокусировать свое внимание на морской стихии, постепенно разворачивая свою преступную деятельность в отношении морских грузоперевозок, объектов водного транспорта и его инфраструктуры. Целью исследования стал анализ потенциальных угроз, исходящих для Российской Федерации от современного морского террора, и разработка ключевых перспективных направлений и мероприятий контртеррористической деятельности в рассматриваемой сфере. Автором акцентируется внимание на том, что в настоящее время для Российской Федерации существует чрезвычайно высокая степень опасности морского террора, которая обусловлена причинением большого материального и репутационного вреда данными преступными проявлениями и разрушением фундаментальных основ безопасного морского судоходства. Чтобы минимизировать риски, связанные с огромными финансовыми потерями и материальными затратами, вызванными последствиями атак международных морских террористов, автором предложен комплекс необходимых мероприятий, которые будут направлены именно на снижение потенциальных опасностей, исходящих от международных террористических организаций.*

Ключевые слова: *морской транспорт, международный терроризм, дестабилизирующие террористические факторы, кризисные процессы, опасные международные тренды, предупреждение преступности*

Для цитирования: *Кобец П. Н. Приоритетные направления и меры борьбы с актами международного морского терроризма в Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 29–37; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-29-37.*

KOBETS PETER N.
doctor of law, professor
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Кобец П. Н., 2026.

PRIORITY AREAS AND MEASURES TO COUNTER ACTS OF INTERNATIONAL MARITIME TERRORISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The relevance of this issue stems from the urgent need in the Russian Federation to organize and ensure effective protection against acts of maritime terrorism through the use of effective countermeasures. Addressing this issue has become a priority for our country due to the fact that, in the 2020s, international terrorism has increasingly focused on the sea, gradually expanding its criminal activities against maritime cargo transportation, waterway facilities, and their infrastructure. The purpose of this study was to analyze the potential threats posed to the Russian Federation by modern maritime terrorism and to develop key promising areas and measures for counterterrorism activities in this area. The author emphasizes that the Russian Federation currently faces an extremely high risk of maritime terrorism, which is due to the significant material and reputational damage these criminal acts cause and the destruction of the fundamental principles of safe maritime navigation. To minimize the risks associated with the enormous financial losses and material costs caused by attacks by international maritime terrorists, the author proposes a set of necessary measures aimed specifically at reducing the potential dangers posed by international terrorist organizations.*

Keywords: *maritime transport, international terrorism, destabilizing terrorist factors, crisis processes, dangerous international trends, crime prevention*

For citation: *Kobets P. N. Priority areas and measures to counter acts of international maritime terrorism in the Russian Federation // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 29–37; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-29-37.*

В настоящее время международный террор все активнее превращается в важнейший из элементов, оказывающих непосредственное воздействие на формирование геополитической обстановки как в отдельных регионах, так и в целом в мире [1, с. 205]. В прошлом столетии большинство атак, совершенных международными террористами, были осуществлены в авиационной сфере в отношении авиационных лайнеров [2, с. 135], инфраструктуры аэропортов [3, с. 127], а также по различных наземным объектам [4, с. 138], отдельным лицам и различным группам людей [5, с. 51]. При этом в большинстве своем долгие годы противоправными целями совершения актов международного террора являлись объекты воздушного и железнодорожного транспорта, именно по той причине, что акты международного морского террора совершать гораздо сложнее, чем аналогичные, сопоставимые по технике и приему совершения на земле и в воздухе. Немаловажно отметить, что, по оценкам российских экспертов, в конце XX столетия практически все морские теракты были совершены рядом с побережьем либо в акваториях развивающихся государств, не обладающих как серьезными компетенциями, так и всем набором необходимых сил и средств для эффективного противодействия международному террору на воде [6, с. 32]. Но уже сегодня международные преступные группы, в том числе поддерживаемые недружественными Российской Федерации странами, обладающие современными судами и боевыми средствами, активно передислоцируют свою преступную деятельность в морские акватории, порты и рейды экономически развитых стран, тем самым создавая для них угрозы морского террора [7, с. 107].

Согласно объективным оценкам, высказанным авторитетными российскими специалистами, совершение 26 сентября 2022 г. в Балтийском море подрыва газопроводов «Северный поток один» и «Северный поток два» произошло вскоре после проведения в районе происшествия международных учений Baltops-2022 (в них приняли участие 14 стран НАТО, 4 тыс. военнослужащих, 40 военных кораблей и более 60 самолетов), в ходе которых, в том числе, шла отработка задач по подводному разминированию с применением морских дронов[1].

Автор полностью поддерживает точку зрения российских экспертов в сфере борьбы с международным терроризмом о том, что произошедший вопиющий факт подрыва российских газопроводов вывел

[1] Появились новые свидетельства причастности США к подрыву «Северных потоков» // РИА Новости: [сайт]. URL. https://ria.ru/20230216/vodolazy-1852456054.html?ysclid=mniuwy57x6161817008 (дата обращения: 05.04.2026).

деятельность международного террора на совершенно новые уровни – проведение террористических атак в отношении весьма значимых и ключевых объектов народного хозяйства, уничтожение которых вызывает массу разного рода негативных последствий, в том числе колоссальный финансовый и экономический ущерб, нанесенный нашей стране. Совершенно очевидно, что после данного теракта важно совершенствовать систему защиты любых морских гражданских объектов, обеспечив охрану большинства из них в круглосуточном режиме [8, с. 185].

В настоящее время проблемой угроз, исходящих от международного морского террора, озабочено руководство Российской Федерации. Так, помощник Президента Российской Федерации, председатель Морской коллегии Российской Федерации Н. П. Патрушев, проводя 6 февраля 2025 г. по поручению В. В. Путина в г. Нижнем Новгороде совещание по вопросам обеспечения безопасности морского и речного судоходства, отметил, что «координируемые англосаксами действия Североатлантического альянса на Балтике, в Финском заливе представляют собой попытки блокады России, в том числе с целью парализовать работу наших портов в Ленинградской и Калининградской областях». Им также было особо акцентировано внимание на том, что «в своем стремлении ослабить Россию западники используют и террористические методы <…> такая политика негативно влияет на надежность и безопасность грузопассажирских перевозок, разрушает глобальную систему морского торгового судоходства»[1].

31 марта 2026 г. Н. П. Патрушев провел очередное заседание Морской коллегии Российской Федерации, на котором были рассмотрены вопросы, связанные с комплексной оценкой состояния национальной безопасности России в сфере морской деятельности. В ходе заседания им говорилось о том, что военно-политическая обстановка в мире, оставаясь сложной, характеризуется деградацией системы международного права и возрастанием угроз национальной безопасности России, в том числе с океанских и морских направлений; среди главных угроз им было отмечено совершение диверсионно-террористических атак на российскую морскую инфраструктуру[2].

В качестве тенденций, обусловливающих увеличение вероятности проявления терроризма на водных пространствах Российской Федерации, можно выделить следующие: «усиливающееся воздействие терроризма на политическую и экономическую жизнь государств, которые в состоянии снизить инвестиционную привлекательность, дестабилизировать экономику и международные отношения, а также стать реальной угрозой их конституционному строю и территориальной целостности; ужесточение борьбы за право владения ресурсами в Мировом океане; использование некоторыми иностранными государствами терроризма в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела России для оказания выгодного им влияния на российскую внешнюю политику, а также одного из способов реализации своих военно-политических, экономических и стратегических целей в ущерб национальным интересам Российской Федерации; стирание границ между внутригосударственным и международным терроризмом; динамичная трансформация форм, методов, средств, целей, повышение уровня организации, оснащенности и конспирации в деятельности террористических организаций; сращивание организованной преступности с терроризмом, в результате чего последний превратился в доходный бизнес» [9, с. 249].

Анализ тенденций развития современной обстановки в сфере обеспечения безопасности страны от международного морского террора позволяет автору согласиться с выводами отечественных экспертов относительно того, что будет происходить дальнейший рост вероятности совершения террористических актов на водных пространствах Мирового океана, в первую очередь в водах, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации [10, с. 103]. Изложенные рассуждения и представленные доводы недвусмысленно указывают на то, что необходимость организации борьбы с международным морским терро-

[1] Подводный террор // Известия: [сайт]URL: https://iz.ru/1402650/dmitrii-boltenkov/podvodnyi-terror?ysclid=mnila7hlpm364714899 (дата обращения: 05.04.2026).

[2] Патрушев назвал среди основных угроз атаки на морскую инфраструктуру и захваты судов // Интерфакс: [сайт]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1081141 (дата обращения: 05.04.2026).

ром превращается в важнейшую национальную задачу для нашей страны. Однако в настоящее время данный вид террористической деятельности продолжает оставаться не вполне изученным, что, в свою очередь, обуславливает актуальность проведенного исследования.

Изучение рассматриваемого вопроса показало, что, по мнению ряда отечественных экспертов, в дальнейшей перспективе следует ожидать роста актов международного морского террора. Свидетельством этому может являться большая заинтересованность международных террористических организаций в существующих маршрутах морского арктического судоходства. Поэтому в дальнейшей перспективе чрезвычайно важно и необходимо обеспечивать разработку вопросов антитеррористической безопасности морской транспортной инфраструктуры, ее объектов и морских транспортных путей. При этом стоит отметить, что, как правило, цели и задачи актов морского терроризма мало чем отличны от терактов, которые совершаются на суше и в воздушном пространстве [11, с. 25]. В то же время для современного международного морского терроризма присуще прежде всего совершение террористических атак в морских водах, а также на прилегающих к ним сухопутных территориях, в частности в портовой инфраструктуре, терминалах, прибрежных объектах и др.

Анализ зарубежных [12, с. 23] и отечественных научных исследований проблематики международного морского террора, проведенный автором, позволяет ему с уверенностью утверждать, что в качестве инструмента для достижения своих преступных целей террористы прибегают к политическому насилию, чтобы оказать давление на власть [13, с. 75]. Террористические угрозы в первую очередь оказывают огромное психологическое воздействие на всех граждан, потому что жертвами терактов являются не только пострадавшие от них лица, но и все общество [14, с. 49]. Главная цель террористов – не убить, а посеять ужас и страх в обществе, чтобы заставить власти принимать решения в требуемом для террора направлении. Наряду с этим важно акцентировать внимание на том, что проявления морского террора, будучи одной из форм терроризма, обладают собственными характеристиками, содержат некоторые уникальные черты и определенные специфические отличия. Морской террор, как и любое проявление терроризма, являясь насильственным актом, имеющим политические цели, в первую очередь нацелен именно на морские порты, сооружения портов, портовые зоны, города и поселения, морские платформы, суда, пассажиров, грузы, а также критически важную морскую инфраструктуру [15, с. 64]. Таким образом, используя метод системного анализа, следует резюмировать, что проявления морского террора являются одной из форм политической интервенции, использующей для достижения преступных целей специальные стратегии, при помощи которых происходят дестабилизация и нарушение ряда процессов, обеспечивающих морскую транспортную безопасность в определенном регионе.

Рассматривая проблематику исходящих от международного морского терроризма угроз для Российской Федерации, важно отметить, что в качестве основных факторов, способствующих росту вероятных проявлений международного террора в рассматриваемой сфере, следует выделить энергичные и стремительные изменения целей, форм, методов, стратегий, подходов, оптимизацию организационного уровня, а также оснащенность международных террористических организаций [16, с. 171]. Среди важнейших составляющих, которые могут содействовать совершению актов международного морского террора, также следует отметить весьма хорошо развитую морскую инфраструктуру Российской Федерации.

Активизации международного морского терроризма также способствуют все возрастающие импульсы влияния международного террора на экономику и политику стран, существенно снижающие инвестиционную привлекательность и дестабилизирующие многие государственные процессы, угрожающие территориальной целостности государств [17, с. 211]. В том числе среди причин и условий рассматриваемых преступных проявлений следует отметить наращивание международной напряженности, исходящее со стороны западных стран и связанное с обострением борьбы за право доступа, владения и контроля всеми Арктическими природными ресурсами [18, с. 81]. Поэтому совершенно очевидно, что некоторые из иностранных держав вполне могут использовать в качестве инструмента международные преступные группировки для вмешательства

во внутренние дела и нарушения внутренней политики нашей страны. Чтобы реализовывать собственные военно-политические и экономические цели на российской морской территории, в частности в акватории Арктической зоны, западные государства, воспользовавшись услугами международного террора, будут стремиться как можно активнее подрывать национальные интересы Российской Федерации [19, с. 203].

Данное утверждение свидетельствует о двух основных мировых тенденциях в рассматриваемой сфере: 1) в настоящее время происходит размывание граней между международным и межгосударственным террором; 2) с каждым годом все активнее происходят процессы, направленные на чрезвычайно динамичное слияние международных организованных преступных проявлений и террора, которое весьма энергично превращается в одну из разновидность преступного бизнеса. Таким образом, морские просторы, по причине их масштабности, гигантских размеров, во многом доминирующей свободной навигации в них, и, конечно же, в силу особой важности для мировых экономических процессов, являются идеальной мишенью для применения довольно разнообразных террористических атак, совершаемых международными террористами.

Чтобы хорошо понимать реальность угроз морского терроризма для нашей страны, необходимо провести краткий анализ потенциальных объектов, на которые могут совершить атаки международные террористы. По мнению Н. Ю. Григорьева, Э. Б. Родюков, террористическая опасность угрожает «национальным водным магистралям; проливам и многонациональным рекам; движению морских транспортных средств; мобильным морским буровым установкам; береговым и прибрежным причалам; средствам навигации; судам, портам, портовым сооружениям, пассажирским терминалам и др.» [20, с. 51].

Иванов Г. В., анализируя предполагаемые, вероятные и наиболее вариативные направления деятельности международного террора в рассматриваемой сфере, относит к ним: возможность дестабилизации транспортного морского сообщения по наиболее экономичным и менее затратным торговым маршрутам, например «Северному морскому пути»; повреждение и разрушение магистралей международных систем, связанных с транспортировкой сырья, например диверсия на «Северных потоках»; нанесение вреда морскому туристическому бизнесу; террористические атаки, совершаемые в отношении газовых и нефтяных платформ; вывод из строя различных объектов портовой инфраструктуры, которая имеет важнейшее международное значение; захват морских судов и пассажиров; совершение террористических актов в отношении объектов морского транспорта и портов при помощи беспилотных морских средств и др. [21, с. 403].

Реализация задуманных международными террористами целей в отношении различных морских объектов нашей страны может быть осуществлена благодаря проведению разного рода узконаправленных, точечных и целевых атак с применением имеющегося у них арсенала вооружения, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Большинство из потенциальных морских объектов, в отношении которых могут быть совершены подобные атаки, могут иметь уязвимости не только с воды, но также с воздуха и суши. Приемы, формы и способы совершения рассматриваемых действий могут различаться в зависимости от объектов, на которые нацелены террористы. С этой целью могут быть задействованы как различные наземные группы, нацеленные на совершение терактов в отношении объектов портовой инфраструктуры, так и группы аквалангистов, которые могут устанавливать взрывные устройства на морские транспортные средства, платформы, а также морские и воздушные дроны [22, с. 45].

Изучение основных вызовов и угроз в рассматриваемой сфере вызывает необходимость определить основные векторы дальнейшего совершенствования деятельности Российской Федерации в сфере противодействия актам международного морского террора.

В целях организации и проведения успешной, результативной и действенной работы, направленной на реализацию наиболее эффективных мер противодействия морскому терроризму, немаловажно в процессе проведения мониторинга анализируемых потенциальных опасностей как можно лучше проработать множество разнообразных вариантов развития событий в случае совершения актов международного морского террора.

Особое внимание правоохранителей в процессе противодействия рассматриваемым преступным проявлениям необходимо обращать на преступную небрежность и халатность, поскольку халатное отношение к хранению и последующей транспортировке углеводородов и иного сырья, особенно в портовой инфраструктуре Арктической зоны Российской Федерации, может облегчить достижение поставленных целей международными террористами. Показательным примером можно считать ежегодно выявляемые отечественными правоохранителями в северных морских портах факты, связанные с нарушением законности в процессе обеспечения безопасных условий хранения разного рода опасных грузов [23, с. 135].

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что в настоящее время, как правило, предлагаемые основные меры обеспечения безопасности судоходства от угроз международного террора ориентированы на подавление и ликвидацию данных преступных проявлений, но никак не на устранение их причинного комплекса. Поэтому целью основных мероприятий, гарантирующих антитеррористическую безопасность морских перевозок, мореплавания, безопасность морских путей и др., должна являться деятельность, связанная с предупреждением, а не наказанием.

Судоходным компаниям и владельцам морских судов весьма целесообразно заниматься исследованием и прогнозированием потенциальных рисков атак международных террористов на море. Проводить данные процедуры немаловажно в тех случаях, когда маршруты следования судов будут совпадать с территориями, где наблюдается высокий уровень террористических угроз. В подобных ситуациях для судовладельцев также целесообразно использование услуг частных предприятий безопасности, занятых организацией сопровождения кораблей. Использование частных охранных служб, сопровождающих морские суда, в настоящее время является довольно востребованным видом услуг во многих зарубежных странах.

В дальнейшей перспективе было бы целесообразно проработать вопрос об организации из числа экипажа морских судов специализированных команд, которые в момент террористической угрозы смогли бы обеспечить необходимый отпор террористам. Немаловажно в процессе научной проработки вопроса о подобных командах определить их международно-правовой статус. При этом совершенно очевидно, что основная часть материальных затрат, связанная с содержанием подобных команд, будет зависеть от эффективности организации антитеррористической защиты на объектах морской инфраструктуры.

Важно, чтобы предупредительные меры в рассматриваемой сфере охватывали весь спектр антитеррористической деятельности, включая разработку и принятие необходимого руководства, обеспечивающего подготовку персонала в сфере транспортной безопасности всего морского комплекса, а также критериев и стандартов по оснащению этих объектов системами безопасности, включая совершенствование закономерных мер в отношении повышения ответственности лиц, причастных к правонарушениям в данной области. Для этого необходимо на основе проведенного исследования международного морского террора более детально конкретизировать состав обозначенных преступных посягательств в российском уголовном законодательстве с усилением мер уголовной ответственности за совершение данных противоправных деяний.

В целях минимизации угроз морского терроризма необходимо продолжать разрабатывать специальные превентивные меры, среди которых: обеспечение качественной и результативной охраны объектов водного транспорта, портовой инфраструктуры; осуществление всех необходимых мер по контролю за транспортировкой сырья, товаров и грузов; разработка комплекса мероприятий, нацеленных на защиту экипажей морских судов от террористических атак; обучение персонала морских судов противодействию террористическим угрозам.

В том числе необходимо развитие антикризисного и стабилизационного менеджмента на морских объектах, что будет способствовать минимизации развития кризисных ситуаций в рассматриваемой сфере. Для этого следует акцентировать внимание на уже опробованных и реализованных концепциях, которые в большинстве своем опираются на имеющиеся подходы по принятию антитеррористических мероприятий. Целесообразно проработать возможность подготовки специальной программы с использованием технологий искусственного интеллекта, которая бы сопо-

ставила решения анализируемых кризисных ситуаций в сфере противодействия морскому терроризму.

Противоправная деятельность в рассматриваемой сфере все чаще ставит под угрозу жизнь, здоровье граждан и их имущество, существенно нарушает, затрудняет и значительно препятствует морскому судоходству, морским транспортным операциям, подрывая тем самым доверие к безопасности морского судоходства. Поэтому в дальнейшей перспективе важно способствовать развитию международного сотрудничества в рассматриваемой сфере, в том числе правоохранительного, в целях выработки результативных практических мер, направленных на противодействие анализируемой преступной деятельности, а также наказание лиц, совершающих данные деяния.

В то же время совершенно очевидно, что работа по обеспечению координации, контроля и в целом всех необходимых мер безопасности морского транспорта нуждается в объединенных усилиях и согласованных действиях международных партнеров Российской Федерации из дружественных ей стран. В современных условиях морские коммуникации, маршруты и трассы возможно продуктивно использовать только сообща, учитывая взаимные интересы, сохраняя равновесие и гармонию на основе международно-правовых норм. Обеспечение безопасности мореплавания является важнейшей частью гарантирования национальных интересов нашей страны, т. к. приоритетная часть международных грузоперевозок осуществляется при помощи морского транспорта.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

В течение длительного времени проблематика, связанная с противодействием террористическим деяниям, совершаемым в отношении морских путей, пассажирских и грузоперевозок, а также ведущим к нарушению международного морского законодательства, режима, правил и угрожающим жизни, здоровью и имуществу граждан, оставалась весьма второстепенной. Это объясняется тем, что долгие годы противоправными целями совершения актов международного террора являлись объекты воздушного и железнодорожного транспорта и их инфраструктура. Международные теракты на морском транспорте и территориях, прилегающих к морским портам и его объектам, всегда было осуществить сложнее, чем аналогичные, сопоставимые по технике и приемам совершения на земле.

Активизация в условиях XXI столетия международного морского террора в отношении Российской Федерации и тенденции его роста могут в дальнейшем сбивать движение и препятствовать деятельности морского транспорта, а также оказывать отрицательное воздействие на развитие торговых и экономических связей Российской Федерации. В свою очередь, увеличение стоимости морских перевозок из-за преступных действий морских террористов окажет негативное воздействие на все показатели производственных процессов в нашей стране. Именно по этой причине необходимо противодействовать рискам, связанным с огромными финансовыми потерями и материальными затратами, вызванными атаками международного террора, активизировав весь комплекс необходимых антитеррористических мер.

Особая опасность угроз, исходящих со стороны международного морского террора для Российской Федерации, который представляет собой одну из разновидностей международного терроризма, требует дальнейшего развития мер безопасности в рассматриваемой сфере. По большей части данное обстоятельство обусловлено тем, что анализируемая разновидность международного террора весьма сложна в предупреждении, причем не только из-за большого многообразия потенциальных объектов, в отношении которых могут совершаться теракты, но также в силу весьма универсальной и специфической особенности работы на морском транспорте.

Главная задача гарантирования безопасности мореплавания и обеспечения безопасности морских перевозок от угроз международного морского террора заключается в снижении всех потенциальных рисков. Поэтому так важно постоянно совершенствовать организацию защиты и обеспечивать должный уровень охраны морского мореплавания, сосредоточившись на минимизации всех возможных угроз, вызванных международной террористической деятельностью на море. В том числе важно отметить, что продуктивность и действенность данных охранных мероприятий непосредственно зависят от степени точности и полноты учета всех действий, направленных на контролирование

самых важных потенциальных рисков и угроз в рассматриваемой сфере.

Подытоживая и резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что контроль охраны и безопасности объектов морского транспорта и его инфраструктуры от террористических угроз может быть эффективным лишь при условии скоординированных действий и коллективных усилий всех отечественных силовых и правоохранительных структур, а также остальных заинтересованных лиц. Обеспечить необходимый уровень антитеррористической безопасности всего морского транспортного комплекса возможно только совместными усилиями всех субъектов рассматриваемой работы.

Список источников

1. Богатырев В. В., Кирьянов А. В. Проблемы борьбы с международным терроризмом в рамках СНГ // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2 (47).
2. Кобец П. Н. Совершенствование деятельности по предупреждению актов международного террора в авиационной отрасли // Философия права. 2025. № 2(113).
3. Предупреждение преступности в России: монография / Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, Ю. Г. Касперович [и др.]; под ред. проф. Ю. М. Антоняна. М.: ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2014.
4. Кобец П. Н. Оптимизация работы по борьбе с проявлениями международного химического терроризма // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50).
5. Кобец П. Н. Оптимизация мер, направленных на антитеррористическую защищенность объектов с массовым пребыванием людей // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 2 (70).
6. Гайкович А. Н, Никитин Н. И. Морской терроризм: кораблестроительный аспект // Экспорт вооружений. 2003. № 2.
7. Тодоров А. А. Оценка вызовов в Арктике, связанных с преступной деятельностью на море // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-9-104-111.
8. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48).
9. Бондаренко В. Ф., Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б. Современный морской терроризм (пиратство) и его социальные последствия // Вестник университета. 2015. № 12.
10. Микуленко Д. Г. Международно-правовая квалификация пиратства и терроризма и проблемы их соотношения // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 5.
11. Зеленков М. Ю. Совершенствование управления транспортно-логистическими системами в условиях нарастания угроз морского терроризма и пиратства // Вопросы безопасности. 2019. № 4. DOI 10.25136/2409-7543.2019.4.29670.
12. Алиев Б. А.о., Ахметзаде Н. М.о. Международно-правовые аспекты борьбы с морским разбоем (морским терроризмом) на Каспийском море // Narxoz Law and Public Policy. 2020. № 2 (2).
13. Гудев П. А. Невоенные угрозы безопасности в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2.
14. Кобец П. Н. Противодействие кибертерроризму – приоритетное направление в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2025. № 4.
15. Технические аспекты противодействия морскому терроризму / К. П. Борисенко, А. И. Гайкович, Н. В Никитин, А. И. Фрумен // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2011. № 7-8.
16. Фадеев Н. В. Терроризм и иные проявления экстремизма как угроза национальным интересам Российской Федерации в Арктике // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России (Мурманск, 2–3 июля 2015 г.). Мурманск: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2015.

17. Кобец П. Н. Развитие правовых основ сотрудничества государств- участников Содружества независимых государств в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2 (103).
18. Обеспечение национальной безопасности при освоении минерально-сырьевой базы шельфовых месторождений Арктики / Б. П. Ивченко, В. Л. Михеев, Б. А. Смыслов, А. Р. Гинтовт. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: изд. дом «Петрополис», 2011.
19. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», посвященной Дню народного единства (Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, 7 ноября 2025 г.) / А. Н. Аксенов, С. А. Воронин, Р. В. Закомолдин [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4 (56).
20. Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б. Современный морской терроризм (пиратство) и безопасность общества // Наука. Культура. Общество. 2016. № 2.
21. Иванов Г. В. Национальная безопасность России в Арктике: проблемы и решения // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2015. Т. 18, № 3.
22. Рыжов Г. Б. Развитие принципов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике // Морской сборник. 2014. № 7 (2008).
23. 23. Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России / под ред. проф. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015.

Информация об авторе:

Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности

About the author:

Kobets Peter N.,
chief researcher of the Center for organizational support of scientific activities

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 07.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-38-43
EDN: https://elibrary.ru/osiwvz

ШНАЙДЕР НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
nshnaider3@mvd.ru

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ НАРКОРЫНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОТДЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПРЕКУРСОРОВ И НАРКОЛАБОРАТОРИЯМИ

Аннотация. *В статье раскрываются факторы, влияющие на формирование наркорынка Российской Федерации на современном этапе. Проведенный анализ статистических данных о состоянии наркопреступности в Российской Федерации за 2024–2025 годы, изучение норм действующего законодательства, мнения практических сотрудников подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотиков территориальных органов внутренних дел Российской Федерации позволили автору обозначить проблемные вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков и предложить некоторые меры по повышению эффективности борьбы с незаконным оборотом прекурсоров и функционированием нарколабораторий.*

Ключевые слова: *наркорынок, нарколаборатории, прекурсоры и предпрекурсоры, противодействие незаконному обороту наркотиков*

Для цитирования: *Шнайдер Н. А. О современном состоянии наркорынка в Российской Федерации и отдельных мерах по повышению эффективности борьбы с незаконным оборотом прекурсоров и нарколабораториями // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 38–43; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-38-43.*

SCHNEIDER NATALYA A.
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ON THE CURRENT STATE OF THE NARCOTICS MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CERTAIN MEASURES TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF THE FIGHT AGAINST ILLEGAL TRAFFICKING OF PRECURSORS AND NARCOTICS LABORATORIES

Abstract. *The article reveals the factors influencing the formation of the drug market of the Russian Federation at the present stage. The analysis of statistical data on the state of drug crime in the Russian Federation for 2024-2025, the study of the norms of current legislation, and the opinions of practical staff of drug trafficking control units of territorial internal affairs bodies The Russian Federation allowed the author to identify problematic issues of countering drug trafficking and propose some measures to improve the effectiveness of combating illicit trafficking in precursors and the functioning of drug laboratories.*

© Шнайдер Н. А., 2026.

Keywords: *drug market, drug laboratories, precursors and pre-precursors, countering illicit drug trafficking*

For citation: *Schneider N. A. On the current state of the narcotics market in the Russian Federation and certain measures to increase the effectiveness of the fight against illegal trafficking of precursors and narcotics laboratories // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 38–43; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-38-43.*

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, их прекурсоров или аналогов, новых потенциально опасных веществ, а также растений либо их частей, содержащих наркотические средства[1], продолжает представлять собой одну из главных угроз для национальной безопасности российского общества.

Напомним, что еще в Докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2023 год о выполнении ст. 12 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года[2] отмечалась стремительная смена мирового наркорынка, связанная с нарастающим ростом изготовления, сбыта и потребления синтетических наркотиков.

Общемировые тренды отразились и на наркорынке Российской Федерации. Статистический анализ изъятых из незаконного оборота наркотиков свидетельствует о значительной доли синтетических наркотиков в структуре изъятых наркотических средств[3].

В структуре изъятой «синтетики» в 2024–2025 годах преобладал мефедрон[4]. Данная тенденция обусловлена расширением внутреннего наркопроизводства. Изготовление мефедрона, N-метилэфедрона и его производных осуществляется зачастую непосредственно в условиях нарколабораторий. Подпольные лаборатории преимущественно сконцентрированы на территории Московского региона и Ленинградской области, а также вблизи крупных региональных центров, имеющих развитую транспортную инфраструктуру[5].

В 2025 году увеличился объем поступления в незаконный оборот на территорию России эфедрона и его производных, поставки которых осуществляются из стран Прибалтики и Польши, а также незаконного ввоза МДМА из Нидерландов, Бельгии и Прибалтийских стран.

Кроме того, фактором, оказавшим существенное влияние на формирование наркорынка в Российской Федерации в течение 2024–2025 гг., стали контрабандные поставки кокаина из стран Латинской Америки, гашиша – из стран Северной Африки и Центральной Азии, а также поступления синтетических наркотиков и психотропных веществ из стран Европы.

Реструктуризация нелегального наркорынка в сторону увеличения доли синтетических наркотических средств подтверждается первичными данными опроса, проведенного в 2025 году в 84 территориальных органах МВД России на региональном уровне[6]. Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся проблем распространения и потребления наркотических средств и психотропных веществ. Ключевыми вопросами стали вопросы о доступности наркотиков в регионах нашей страны. Так, третья часть всех опрошенных сотрудников считает, что в их регионе приобрести наркотики не составит труда, вместе с тем 54 % респондентов полагают, что приобрести наркотики не очень трудно и лишь 13 % из опрошенных ответили, что достать наркотические средства в их регионе сложно.

Анализ ответов респондентов о каналах поступления наркотиков в их регионы показал, что первую позицию занимают наркотики, произведенные в подпольных лаборато-

[1] Далее – наркотики, запрещенные вещества, подконтрольные вещества.

[2] Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2023 год (E/INCB/2023/1). URL: https://www.incb.org/incb/index.html/ (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Доля изымаемых синтетических наркотиков на момент возбуждения уголовного дела по территории Российской Федерации составляет более 49,2 % (в 2022 г. – 52 %, в 2023 г. – 50,1 %, в 2024 г. – 49,9 %, в 2025 г. – 49,2 %).

[4] Доля мефедрона, изъятого из незаконного оборота синтетических наркотических средств, составила: в 2025 г. – 77 % (7,85 т из 10,2 т), в 2024 г. – 56 % (6,5 т из 11,7 т). Количество изъятого в 2024 г. N-метилэфедрона и его производных составило 5,2 т против изъятых 2,3 т в 2025 г.

[5] Информационно-справочные материалы ГУНК МВД России (исх. № 8/1-876 от 30.01.2026).

[6] В анкетировании приняло участие 733 сотрудника подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотиков территориальных органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу в 8 федеральных округах.

риях, расположенных на территории региона (39 %) или на территории соседних субъектов (27 %). Одновременно с этим актуальным остается поступление наркосодержащих растений из регионов России, где благоприятный климат для их выращивания. Например, по мнению респондентов ЮФО, в их регионе наркотики имеют преимущественно местное растительное происхождение (33 %), 36 % участников опроса из ЮФО считают, что наркотические средства производятся в подпольных лабораториях других регионов Российской Федерации. Несколько иная ситуация в ДФО, где 56 % респондентов указывают на производство наркотиков в подпольных лабораториях на территории региона, 14 % – на поступление наркотиков из других регионов России с благоприятным климатом для их произрастания, 15 % – на производство наркотиков в подпольных лабораториях других регионов страны (табл.).

Таблица

Происхождение наркотиков, находящихся в незаконном обороте, на территории регионов

Федеральный округ	Имеют местное происхождение (произрастают на территории региона)	Поступают из других регионов России (с благоприятным для произрастания наркосодержащих растений климатом)	Производятся в подпольных нарколабораториях на территории региона	Производятся в подпольных нарколабораториях на территории других регионов РФ	Поступают из-за рубежа
ЦФО	14 %	17 %	30 %	33 %	6 %
СЗФО	6 %	16 %	42 %	32 %	4 %
ЮФО	33 %	18 %	10 %	36 %	3 %
СКФО	22 %	4 %	52 %	21 %	1 %
ПФО	5 %	17 %	44 %	32 %	2 %
УрФО	4 %	21 %	50 %	21 %	4 %
СФО	14 %	11 %	51 %	22 %	1 %
ДФО	13 %	14 %	56 %	15 %	2 %
Россия	**14 %**	**16 %**	**39 %**	**27 %**	**4 %**

Безусловно, причинами повсеместного распространения наркопроизводства является прибыль, получение финансовой выгоды с минимальными затратами. Организовывая наркопроизводство в регионах, участники незаконного оборота подконтрольных веществ минимизируют риски, связанные с задержанием наркокурьеров, в то же время обеспечивая постоянные поставки наркотиков в регионах.

Для создания нарколабораторий, как правило, используются небольшие дома в частном секторе с хозяйственными постройками, приусадебные постройки, расположенные в отдалении от оживленного жилого массива, чем обеспечивается конспиративность. Дома приобретаются на «подставных» лиц за вознаграждение, либо арендуются без оформления документов у граждан, которые склонны к злоупотреблению спиртными напитками, ведут антиобщественный образ жизни.

Несмотря на невзрачность строения, преступники прикладывают значительные усилия по подготовке к запуску «нарколаборатории» и ее оснащению, уделяя пристальное внимание обеспечению безопасности предприятия (территория оборудуется камерами наружного видеонаблюдения, возводятся ограждения, закрывающие обзор участка, устанавливаются мощные системы вентиляции и оборудование, используемое в процессе изготовления наркотических средств).

Функционирование нарколаборатории, хранение отдельных прекурсоров, химических элементов и изготовленных наркотических средств осуществляются в холодильных установках, что требует повышенного потребления электроэнергии. Неслучайно одним из признаков, позволяющих обнаружить нарколабораторию, считают необоснованно высокий уровень потребляемой электроэнергии и воды домовладением.

Образующийся в процессе изготовления наркотиков специфический запах и нехарактерный мусор в виде канистр с остатками химических жидкостей (как правило,

«Соляная кислота», «Изопропиловый спирт», «Ацетон», «Перекись водорода») являются признаками «жизнедеятельности» нарколаборатории.

Кроме того, для обеспечения функционирования процесса изготовления наркотиков «варщикам» требуется регулярная доставка необходимого оборудования и прекурсоров. Поэтому наличие возможности подъезда транспортного средства к участку следует отнести к важному признаку функционирования нарколаборатории.

Высокий уровень прекурсоров на внутреннем рынке обуславливает рост наркопроизводства на территории Российской Федерации. Представляется, что повысить эффективность правоохранительной работы, направленной на выявление нарколабораторий и пресечение каналов поставки наркотиков в регионы Российской Федерации, возможно путем введения мер контроля за поступлением в нелегальный оборот прекурсоров и иных химических реактивов, используемых в производстве запрещенных к свободному обороту веществ.

Организаторы подпольных лабораторий оказывают противодействие правоохранительным органам, усложняя схему приобретения / изготовления прекурсоров путем замены их неконтролируемыми «предпрекурсорами», необходимыми для изготовления прекурсоров. Данные вещества преимущественно используются в промышленности, свободно реализуются через крупные химбазы и магазины торговли химической продукцией, в том числе оптовые. Некоторые из этих магазинов, как отмечают сотрудники оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков, специализируются на реализации химических «конструкторов», продвигая свои услуги через сеть Интернет [1, с. 318].

В этой связи актуальными являются предложения оперативных сотрудников Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Челябинской области[1] о необходимости введения маркировки прекурсоров и химических реактивов. Данный процесс пока не нашел своей реализации на практике, при том, что схема его применения не требует особых затрат. Представляется, что прекурсоры и химические элементы, которые могут быть использованы в изготовлении наркотиков, следует маркировать по аналогии с программой «Честный ЗНАК», применяемой для маркировки лекарств, табака и других видов продукции. Нанесение уникального цифрового кода на прекурсоры и химические реактивы позволит отслеживать маршрут их передвижения от производителя до потребителя, а значит и вести в определенных случаях к нарколабораториям, а также выявлять лиц, осуществлявших их перевозку. В практическом воплощении процесс выглядит достаточно просто и прозрачно. На емкостях (упаковке, таре) размещается контрольно-идентификационный знак, созданный единым оператором маркировки – Центром развития перспективных технологий. Предприятия, осуществляющие реализацию рассматриваемой продукции, передают сведения о движении товара в единую систему «Честный ЗНАК». Стоимость маркировки товаров составляет незначительную сумму (например, за маркировку лекарств – 60 коп.). Подобную маркировку имеет, например, молочная продукция, к сканированию штрих-кодов которой, нанесенных на ее упаковку, привыкли обычные граждане.

В связи со сказанным каких-либо существенных препятствий для внедрения маркировки емкостей с прекурсорами и химическими реактивами не должно возникнуть. Отсутствие на упаковке (таре, емкости) маркировки должно влечь для компаний или индивидуальных предпринимателей законодательно закрепленные санкции, например штраф с конфискацией товара.

Безусловно, в незаконном наркопроизводстве могут использоваться вещества иностранного происхождения, ввозимые на территорию Российской Федерации, которые также должны маркироваться систе-

[1] Мнения озвучены на Всероссийском семинаре-совещании руководителей и сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков по вопросам, связанным с обучением в области противодействия наркопреступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети Интернет, проведенном 10–11 июня 2024 г. на базе Академии управления МВД России.

мой «Честный ЗНАК». Сложнее с неподконтрольными веществами (предпрекурсоры, дизайнерские прекурсоры) или теми, которые изготавливаются в кустарных условиях. На данном этапе полагаем, что для «вычисления» их маршрута от производителя до нарколаборатории следует прибегать к проведению комплекса гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий.

Представляется, что предложенная по аналогии с программой «Честный ЗНАК» схема маркировки химических реактивов и «предпрекурсоров», используемых в изготовлении наркотиков, обеспечит возможность отследить маршрут их передвижения от производителя до изготовителя / потребителя, что позволит оперативным сотрудникам эффективнее организовать работу по выявлению и пресечению деятельности нарколабораторий.

Другой мерой, направленной на повышение эффективности борьбы с созданием нарколабораторий, может стать законодательное закрепление правовых норм, регулирующих оборот инструментов и оборудования, которые могут быть использованы для незаконного производства либо изготовления наркотических средств или психотропных веществ[1].

Действующая норма, предусмотренная п. 4 ст. 8 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»[2], наделяет Правительство Российской Федерации полномочиями устанавливать перечень инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, а также правила их разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза на территорию Российской Федерации[3].

Обозначенная норма и Правила распространяются только на инструменты и оборудование, используемые юридическими лицами, осуществляющими производство наркотических средств и психотропных лекарственных средств. На индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, осуществляющих иные виды деятельности, Правила не распространяются, тем самым инструменты и оборудование фактически находятся вне специального контроля, предусмотренного Федеральным законом № 3-ФЗ.

Подобный правовой пробел позволяет приобретать организатором нарколабораторий инструменты и оборудования, используемые для незаконного производства наркотиков, как свободный к реализации товар, в том числе в интернет-магазинах, торговых площадках.

Полагаем, что необходимо установить специальный контроль за инструментами и оборудованием, которые могут использоваться для незаконного производства или изготовления наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, который должен распространяться на всех юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в чьей деятельности используются подобные инструменты и оборудование.

[1] Далее – инструменты и оборудование.

[2] О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, Правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза на территорию Российской Федерации, вывоза с территории Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 30.11.2021 № 2126 // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_401759/650b40afd42d5f85f258d2b8062834966f74dbf4/ (дата обращения: 10.04.2026).

Список источников

1. Морозов А. В. Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с незаконным производством в современной России в условиях цифровой реальности // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сб. науч. тр. / под ред. В. С. Овчинского. – М.: Инфра-М, 2021.

Литература

1. Дикарев, В. Г. Особенности борьбы с незаконным изготовлением и производством синтетических наркотиков в условиях подпольных лабораторий : учебно-практическое пособие : в 2 ч. Ч. 1 / В. Г. Дикарев, А. В. Морозов, В. Ю. Кузовлев. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2020. 188 с.
2. Официальный сайт ФКУ «ГИАЦ МВД России». – URL: http://10.5.0.16 (дата обращения: 27.03.2026).

Информация об авторе:

Шнайдер Наталья Александровна,
заместитель начальника
3 отдела НИЦ № 2

About the author:

Schneider Natalya A.,
deputy head of department
3 at Research Center No. 2

Статья поступила в редакцию 17.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 17.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-44-48
EDN: https://elibrary.ru/rkoekm

АБДЮШЕВ ЛЕНАР ШАМИЛЕВИЧ
межмуниципальный отдел МВД России «Павловский»
(Ульяновская область, р. п. Павловка, Россия)
labdiushev@mail.ru
ORCID: 0009-0002-2126-0138

КИРИЛЛОВ СТАНИСЛАВ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
stanislav.kirillov.1955@mail.ru

МАТВЕЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
кандидат юридических наук
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ФАКТОРАХ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО МОТИВУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ ИЛИ НЕНАВИСТИ

Аннотация. *Определение основных факторов совершения насильственных преступлений по мотиву национальной вражды или ненависти имеет важное значение, поскольку позволяет выявить те обстоятельства, на нейтрализацию и устранение которых должна быть направлена предупредительная деятельность, позволяющая эффективно сократить количество таких преступлений, предотвратить их совершение. Значительное число указанных деяний и высокая степень их общественной опасности свидетельствуют о необходимости определения основных причин, в силу которых совершаются анализируемые преступления, т. е. причин возникновения и распространения экстремистских побуждений, реализации их насильственными методами. В статье на основе научных исследований причин преступности, ее отдельных видов, а также практики по уголовным делам о насильственных преступлениях, совершаемых из экстремистских побуждений, определены факторы, детерминирующие указанные преступления на макроуровне, мезоуровне и микроуровне, их взаимосвязь с факторами, обусловливающими существование преступности в целом. Проведенное исследование позволило определить основные виды причин, воздействие на которые должно осуществляться комплексно, с участием различных субъектов, в ходе общего, специального и индивидуального предупреждения насильственных посягательств, совершаемых по мотиву национальной ненависти или вражды.*

Ключевые слова: *национальная ненависть или вражда, преступления против жизни и здоровья, факторы совершения преступлений, детерминанты*

Для цитирования: *Абдюшев Л. Ш., Кириллов С. И., Матвеев Д. А. К вопросу об основных факторах совершения насильственных преступлений по мотиву национальной вражды или ненависти // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 44–48; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-44-48.*

© Абдюшев Л. Ш., Кириллов С. И., Матвеев Д. А., 2026.

ABDIUSHEV LENAR SH.
Inter-municipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Pavlovsky»
(Ulyanovsk region, Pavlovka, Russia)

KIRILLOV STANISLAV I.
doctor of law, professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

MATVEEV DMITRY A.
candidate of law
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

ON THE MAIN FACTORS OF VIOLENT CRIMES COMMITTED ON THE BASIS OF NATIONAL ENEMY OR HATE

Abstract. *Determining the main factors of committing violent crimes motivated by national enmity or hatred is important, as it allows us to identify the circumstances that should be addressed in order to effectively reduce the number of such crimes and prevent their occurrence. The significant number of these crimes and their high level of public danger indicate the need to identify the main causes of these crimes, which are the origins and spread of extremist motivations and their violent manifestations. Based on scientific research on the causes of crime and its individual types, as well as criminal cases involving violent crimes committed out of extremist motives, the article identifies the factors that determine these crimes at the macro, meso, and micro levels, as well as their relationship to the phases of.*

Keywords: *national hatred or enmity, crimes against life and health, factors of committing crimes, and determinants*

For citation: *Abdiushev L. Sh., Kirillov S. I., Matveev D. A. On the main factors of violent crimes committed on the basis of national enemy or hate // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 44–48; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-44-48.*

Насильственная преступность против личности представлена различными деяниями. Необходимо признать, что все они обладают высокой степенью общественной опасности, ибо посягают на самое ценное – жизнь и здоровье человека. По данным уголовной статистики, уровень насильственных преступлений в Российской Федерации ежегодно ощутимо снижается. Однако, по сравнению с другими странами, продолжает оставаться достаточно высоким. Если в начале «нулевых» годов фиксировалось более 30 тыс. убийств и покушений на убийства и свыше 50 тыс. умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, то в 2025 году было зарегистрировано 5 937 убийств и покушений на убийство, 13 064 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью[1].

Насильственное преступление против личности существует, прежде всего, в форме особого мотива, и одним из них ярко выступает национальная ненависть или вражда.

Национальная ненависть или вражда в самом общем виде представляет собой крайне негативное отношение к представителям другой нации, народности. Руководствуясь этим мотивом, насильственные преступления совершают отдельные лица, считающие свою национальность исключительной и испытывающие нетерпимость к представителям другой нации.

Факторы, детерминирующие совершение насильственных преступлений по мотивам национальной ненависти или вражды, во многом совпадают с общими факторами, порождающими насильственную преступность и способствующими ее развитию.

По мнению А. Д. Емельяновой, «причинами насильственных преступлений являются противоречия в различных сферах жизнедеятельности, негативная социально-психологическая направленность личности,

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics (дата обращения: 25.01.2026).

серьезные недостатки в работе правоохранительных органов» [1, с. 40–46]. Вацлавская Д. С. к причинам насильственной преступности относит: «низкий уровень материального обеспечения определенных слоев населения, духовный кризис общества, проявлением которого является рост алкогольной и наркотической зависимости населения, падение традиционных нравственных ценностей, экономические противоречия» [2, с. 74–78].

С точки зрения Л. М. Кузнецова и А. К. Теохарова, следует выделять объективные и субъективные факторы, детерминирующие насильственную преступность. К объективным факторам исследователи относят экономические причины, в частности безработицу, низкий уровень жизни, инфляцию и т. д., а также социальные причины: низкий уровень правосознания граждан, распространение наркомании и алкоголизма и пр. Среди субъективных причин указанные авторы называют психологические, воспитательные, физиологические, считая основными среди них отсутствие должного контроля в семье, наличие психических недостатков, стремление демонстрировать физическое превосходство [3, с. 49–53].

Все перечисленные факторы вполне можно рассматривать и как детерминанты насильственных преступлений по мотивам национальной ненависти или вражды. Вместе с тем они имеют и некоторую специфику, обусловленную теми побуждениями, вследствие которых совершаются данные посягательства. Для составления полной картины целесообразно исследовать причины насильственных преступлений, в основе которых мотив национальной ненависти или вражды, на нескольких уровнях: макро-, мезо- и микроуровне.

Макроуровень представлен общественными и структурными факторами, которые определяют общий фон возникновения национальной ненависти или вражды. Полагаем, что на этом уровне можно выделить социально-экономические, политические и идеологические, информационные факторы.

Основным социально-экономическим фактором, детерминирующим насильственные преступления по мотивам национальной ненависти или вражды на макроуровне, выступает экономическая нестабильность, бедность, безработица, социальное неравенство.

В силу этих причин люди испытывают неудовлетворенность своим материальным обеспечением, обвиняя при этом окружающих. Нежелание признавать личную несостоятельность, неспособность конкурировать за рабочие места с желаемым доходом приводят к поиску тех, кого можно обвинить в собственных неудачах. И зачастую ненависти или вражде подвергаются мигранты, которые, по мнению представителей коренного населения, несправедливо занимают рабочие места, вытесняя тем самым их с рынка труда, пользуются всеми социальными благами. На этой почве, как показало наше исследование, совершается вплоть до 70 % насильственных преступлений в отношении мигрантов. Основную группу потерпевших от посягательств составляют молодые мужчины в возрасте 25–49 лет, занятые физическим трудом, либо безработные [4]. Представляется, что такая же картина свойственна и преступности в отношении мигрантов на почве национальной ненависти или вражды.

Например, в августе 2019 года на почве национальной ненависти трое подростков в Москве напали на мигрантов – киргизов, которые работали строителями и направлялись домой после окончания трудового дня. В ходе драки один из потерпевших был ранен, а второй убит. В ходе обысков у подозреваемых была обнаружена и изъята нацистская символика, также установлено, что они пропагандировали радикальные идеи в социальных сетях и создали националистическое сообщество[1].

Политические и идеологические факторы, детерминирующие насильственные преступления по мотивам национальной ненависти и вражды на макроуровне, связаны с кризисом национальной идентичности, нерешенными межнациональными конфликтами, националистической риторикой политиков. Несмотря на активно развивающиеся позитивные миграционные процессы, в последнее время можно встретить достаточно жесткие высказывания известных персон в отношении мигрантов. Например, комментируя проблемы негативного влияния миграционных потоков на преступность в России, А. А. Клишас отметил: «Проблема миграции состоит не в том, что эти люди хотят жить с нами по каким-то своим правилам, а в том, что они хотят здесь жить вместо нас, поскольку

[1] Подростки-националисты убили мигранта в центре Москвы // Lenta.ru: [сайт]. URL: https://lenta.ru/news/2019/08/05/podrostki/ (дата обращения: 25.01.2026).

мигранты приходят со своей культурной, этнической, религиозной традицией и не желают адаптироваться».

Однако и местное население во многом не готово уважительно относиться к традициям, культуре иностранных граждан. Любые межнациональные противоречия могут привести к тому, что конфликты разрешаются только насильственными методами. Эксперты на основании статистических данных отмечают, что чаще мигранты выступают субъектами преступлений, совершаемых на почве национальной ненависти или вражды, чем жертвами преступлений [5, с. 511–515]. Но вряд ли следует согласиться с таким однозначным выводом. Представляется, что более широко на рассматриваемую проблему смотрит К. Д. Титаев, отмечающий, что «мигранты оказываются специфически дискриминированы в вопросах обращения в правоохранительные органы. Российская полиция склонна рассматривать мигранта, обратившегося в полицию в качестве жертвы, как преступника. Мигранты это знают и предпочитают не обращаться в полицию, если есть хоть какая-то возможность этого не делать» [6, с. 10]. Следует учитывать высокую степень латентности преступлений на почве национальной ненависти и вражды, совершаемых в отношении мигрантов, которые предпочитают не привлекать правоохранительные органы для решения возникающих проблем, не сообщают о совершенных в отношении них преступлений нередко по причине того, что намереваются разрешить возникшие конфликты незаконными средствами – путем применения насилия к обидчикам, объединяясь с соотечественниками.

Информационные факторы, детерминирующие совершение насильственных преступлений на почве национальной ненависти или вражды, выражаются в распространении радикальных идей, пропагандировании ненависти и вражды к представителям определенных национальностей. Например, в 2021 году в Волгограде на почве национальной ненависти местный житель совершил убийство иностранного студента, нанеся ему не менее 20 ударов ножом. В ходе расследования было установлено, что виновный настойчиво искал на улицах иностранных граждан, намереваясь совершить убийство по экстремистским мотивам[1]. В апреле 2025 г. 14-летний подросток в г. Дмитрове Московской области на почве национальной ненависти совершил убийство 10-летнего школьника, выходца из Кыргызстана. Установлено, что виновный интересовался националистическими идеями, был активным участником интернет-сообществ соответствующей направленности[2].

На *мезоуровне* выделяют групповые и субкультурные факторы, обусловленные взаимодействием индивида с ближайшим окружением, под воздействием которого формируются определенные взгляды. Так, если ребенок воспитывается в семье, где родители негативно настроены к той или иной социальной категории граждан, испытывают к ним ненависть, вражду, постоянно их критикуют, то и ребенок, как правило, воспримет такую же идеологию. Для него представители определенных социальных групп, национальностей всегда будут представлять собой чужой, враждебный элемент, в отношении которых можно применять и насилие. Аналогичным образом на формирование личности преступника оказывает влияние и иное ближайшее окружение – друзья, товарищи, школьные учителя, коллеги. Если в конкретном коллективе большинство лиц негативно настроены к определенной социальной группе, то постепенно такое же мнение вырабатывается и у других членов этого коллектива.

Многие люди, в особенности молодые, с низкой самооценкой, неуверенностью в собственных силах, стремятся стать причастными к определенной группе, в этом случае они приобретают чувство общности, значимости, защищенности. Совершение насильственных преступлений на почве национальной ненависти или вражды такими лицами рассматривается в том числе и как возможность приобрести авторитет, продемонстрировать храбрость.

На *микроуровне* детерминация насильственных преступлений на почве национальной ненависти и вражды представлена индивидуально-психологическими факторами, т. е. личностными особенностями

[1] Убийство иностранного студента осудили со всей строгостью // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5051819 (дата обращения: 25.01.2026).

[2] Подросток, состоявший в неонацистских телеграм-каналах, убил 10-летнего кыргызского мальчика в Подмосковье // URL: https://istories.media/news/2025/04/11/podrostok-sostoyavshii-v-neonatsistskikh-telegram-kanalakh-ubil-10-letnego-kirgizskogo-malchika-v-podmoskove/ (дата обращения: 25.01.2026).

лиц, совершающими такие деяния. В качестве основных особенностей можно назвать: ригидность мышления (восприятие всего с позиции «черное и белое», без полутонов, когда любой представитель другой национальности рассматривается как враг), агрессия вследствие низкой самооценки, неуверенности в себе, попытки самоутвердиться путем применения насилия, маргинализация и отсутствие жизненных перспектив (в радикальной идеологии лица, отчаявшиеся получить признание в обычном обществе, могут находить смысл жизни).

Таким образом, совершение насильственных преступлений по мотивам национальной ненависти или вражды детерминируют на макроуровне социально-экономические, политические и идеологические факторы (недовольство материальным благополучием, действующей властью, социальное неравенство, склонность к обвинению в собственных неудачах лиц другой национальности), на мезоуровне – влияние ближайшего окружения, принадлежность к радикальным группам, на микроуровне – индивидуально-психологические особенности личности, в основном такие, как неспособность к критическому мышлению, высокий уровень агрессии, неудовлетворенность жизнью. Все эти факторы тесно взаимосвязаны и способствуют формированию у индивидов националистических чувств и взглядов, стремлению к их реализации насильственными методами, вплоть до уничтожения объектов ненависти или вражды.

Список источников

1. Емельянова А. Д. Насильственная преступность: понятие, причины и условия // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. (шифр – МКСТР). М., 2022.
2. Вацлавская Д. С. Причины и состояние насильственной преступности в Российской Федерации // Научные дискуссии. 2022. Т. 2, № 4.
3. Кузнецов Л. М., Теоахаров А. К. Причины и условия насильственной преступности // Юриспруденция, государство и общество: современные правовые проблемы: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2023.
4. Титаев К. Д. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления: аналитический обзор (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения, 2019. Вып. 2). СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2019.
5. Ванеева М. А. Современные тенденции преступности иностранных мигрантов на территории России // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: материалы II Всероссийского конгресса (Санкт-Петербург, 11 июня 2024 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024.

Информация об авторах:

Абдюшев Ленар Шамилевич,
старший следователь следственной группы;
Кириллов Станислав Иванович,
профессор кафедры криминологии;
Матвеев Дмитрий Александрович,
заместитель начальника

About the authors:

Abdiushev Lenar Sh.,
senior investigator of the investigative group;
Kirillov Stanislav I.,
professor of the department of criminology;
Matveev Dmitry A.,
deputy head

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.*
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article.*
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026;
одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.
The article was submitted to the editorial office 14.04.2026;
approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 19.06.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-49-56
EDN: https://elibrary.ru/userkx

РЯСОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
кандидат юридических наук, доцент
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
(Ставрополь, Россия)
ryasov_dmitriy@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОГМАТИКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК РФ

Аннотация. *Статья посвящена анализу трансформационных процессов в уголовно-правовой догматике, вызванных цифровизацией преступности, и проблемам оптимизации институтов Общей части УК РФ. Рассматриваются ключевые догматические категории, включая состав преступления, причинную связь, общественную опасность деяния и уголовное наказание. Особое внимание уделено адаптации традиционных положений уголовного права к новым технологическим реалиям, включая использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, необходимость уточнения критериев общественной опасности и внедрения ограничений цифровых прав и свобод в содержание наказаний. Сделан вывод о том, что системная модернизация догматических институтов Общей части способствует повышению эффективности уголовного правоприменения, согласованности Общей и Особенной частей УК РФ и реализации принципов индивидуальной и общей превенции.*

Ключевые слова: *уголовно-правовая догматика, цифровая трансформация преступности, Общая часть УК РФ, состав преступления, причинная связь, общественная опасность преступления, цели уголовного наказания, индивидуальная превенция, информационно-коммуникационные технологии*

Для цитирования: *Рясов Д. А. Уголовно-правовая догматика в условиях цифровой трансформации преступности: проблемы оптимизации институтов Общей части УК РФ // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 49–56; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-49-56.*

RYASOV DMITRY A.
candidate of law, associate professor
Stavropol branch Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Stavropol, Russia)

CRIMINAL LAW DOGMATICS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIME: PROBLEMS OF OPTIMIZING THE INSTITUTIONS OF THE GENERAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the transformation processes in the criminal law dogma caused by the digitalization of crime and the problems of optimizing the institutions of the General part of the Criminal Code of the Russian Federation. Key dogmatic categories are considered, including cor-*

© Рясов Д. А., 2026.

pus delicti, causality, public danger of the act, and criminal punishment. Special attention is paid to the adaptation of traditional provisions of criminal law to new technological realities, including the use of information and communication technologies for criminal purposes, the need to clarify criteria for public danger and the introduction of restrictions on digital rights and freedoms in the content of punishments. It is concluded that the systematic modernization of the dogmatic institutions of the General Part contributes to improving the effectiveness of criminal law enforcement, the consistency of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation and the implementation of the principles of individual and general prevention.

Keywords: *criminal law dogmatics, digital transformation of crime, General part of the Criminal Code of the Russian Federation, corpus delicti, causal relationship, public danger of crime, objectives of criminal punishment, individual prevention, information and communication technologies*

For citation: *Ryasov D. A. Criminal law dogmatics in the context of the digital transformation of crime: problems of optimizing the institutions of the general part of the Criminal code of the Russian Federation // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 49–56; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-49-56.*

Современный этап развития уголовного права характеризуется глубинными трансформациями, обусловленными цифровизацией общественных отношений и качественным изменением структуры преступности. Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) не только расширяют арсенал способов совершения преступлений, но и модифицируют сам механизм преступного поведения, придавая ему распределенный, трансграничный и во многом нематериальный характер. Указанные процессы затрагивают не только Особенную часть уголовного законодательства, но и фундаментальные положения Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), включая категории деяния, вины, причинной связи, субъекта преступления, соучастия и наказания.

В этих условиях особую актуальность приобретает обращение к уголовно-правовой догматике как методологической основе научного осмысления действующего уголовного закона. Именно догматический анализ позволяет выявить пределы адаптации традиционных правовых конструкций к новым формам общественно опасного поведения, обеспечивая при этом сохранение принципов законности, системности и предсказуемости уголовной ответственности. Вместе с тем цифровая трансформация преступности обнажает ряд внутренних противоречий и ограничений классических догматических моделей, сформированных в условиях преимущественно материального характера преступной деятельности.

Проблематика оптимизации институтов Общей части УК РФ в цифровую эпоху требует не фрагментарной корректировки отдельных норм, а комплексного переосмысления базовых категорий уголовного права. Речь идет о необходимости уточнения их содержательных характеристик с учетом специфики цифровой среды, включая опосредованный характер причинения вреда, усложнение структуры субъективной стороны, а также адаптацию содержания уголовного наказания, обеспечивающего индивидуальную превенцию в отношении преступлений, совершаемых с использованием ИКТ. При этом в качестве ключевого методологического ориентира следует рассматривать необходимость сохранения догматической целостности уголовного права, обусловленной его отраслевой природой, функциональной связью с предметной областью регулирования и фундаментальным значением институтов Общей части для реализации положений Особенной части УК РФ, а также обеспечением их внутренней системной согласованности.

В данном контексте обращение к понятиям догмы и уголовно-правовой догматики представляется исходной предпосылкой дальнейшего исследования, поскольку именно эти категории определяют границы научного анализа, формируют понятийный аппарат и задают вектор оптимизации уголовно-правовых институтов.

Догма (от греч. *dogma, dogmatos* – положение, решение, учение) в юридическом смысле представляет собой нормативно закрепленное либо доктринально признанное положение, обладающее свойствами устойчивости, формальной определенности и воспринимаемое в качестве исходной, не подвергаемой сомнению предпосылки правового регулирования [1, с. 20].

В уголовно-правовой сфере догматические положения функционируют как аксиоматические основания интерпретации уголовного закона, предопределяя пределы допустимого толкования и обеспечивая стабильность правоприменения.

Уголовно-правовая догматика (нем. *strafrechtsdogmatik*) в современном научном дискурсе может быть определена как системно организованный комплекс теоретических положений, категорий и юридических конструкций, отражающих действующее уголовное право в его нормативной ориентированности и воспринимаемых на определенном этапе развития науки как базовые, методологически значимые ориентиры [2, с. 12]. Указанная совокупность формирует концептуальный каркас уголовного права, задает его ценностные основания и обеспечивает внутреннюю согласованность институтов Общей и Особенной частей.

Однако в отечественной уголовно-правовой доктрине категория «уголовно-правовая догматика» не получила широкого терминологического закрепления и используется эпизодически, уступая по степени распространенности концептуальному аппарату юридического позитивизма. Последний традиционно ориентирован на признание действующего уголовного закона в качестве первичного и доминирующего источника правового знания, что предопределяет акцент на формально-нормативном анализе и интерпретации законодательных предписаний.

Вместе с тем содержательная характеристика позитивистского направления не сводится к единой методологической модели. В его рамках фактически сосуществуют и взаимодействуют различные исследовательские концепции, отличающиеся как по предмету научного анализа, так и по используемому терминологическому инструментарию. Представляется обоснованным согласиться с позицией К. А. Сыч о том, что юридический позитивизм в уголовном праве не образует единой целостной доктрины, а выступает в качестве комплексного научного образования, интегрирующего совокупность относительно автономных подходов к осмыслению уголовно-правовой материи [3, с. 67].

В историко-доктринальном измерении заслуживает внимания концептуальная позиция А. А. Пионтковского, обосновавшего трехкомпонентную структуру науки уголовного права, включающую уголовно-правовую догматику, уголовную социологию и уголовную политику [1, с. 63]. Данный подход концептуально корреспондирует с более широкой теоретико-правовой традицией, в соответствии с которой юридическая наука рассматривается как синтез догматического, социологического и философского направлений.

Вместе с тем, как обоснованно отмечает А. Э. Жалинский, познавательный потенциал уголовно-правовой науки в объяснении и интерпретации уголовно-правовой действительности объективно ограничен и определяется совокупностью разноуровневых факторов. К числу объективных детерминант А. Э. Жалинский относит влияние интересов различных социальных групп, оказывающих воздействие на содержание уголовно-правовых предписаний; текущее состояние общественного развития в его экономическом, социальном и духовно-ценностном измерениях; а также сложность самого объекта исследования, выражающаяся в многоуровневом и динамичном характере механизма уголовно-правового регулирования [5, с. 9]. Наряду с этим существенное значение имеют субъективные обстоятельства, обусловленные внутренними возможностями науки, включая степень разработанности ее предметной области, используемый методологический инструментарий, а также кадровое, ресурсное и институциональное обеспечение научной деятельности.

В обозначенных методологических пределах уголовно-правовая наука сохраняет способность к выявлению и теоретическому осмыслению фундаментальных оснований уголовно-правового регулирования, включая социальные и методологические предпосылки легитимации уголовного закона и практики его применения. Она формирует целостное представление о потребности общества в уголовно-правовой охране, раскрывает закономерности функционирования объективного уголовного права и последствия его реализации, а также вырабатывает систематизированное знание, опирающееся на эмпирическую базу, соответствующую требованиям научной верифицируемости. При этом особую значимость приобретает выявление дисфункций правоприменительной практики и разработка научно обоснованных подходов к адаптации уголовного законодательства и его догматических конструкций

к условиям цифровой трансформации общественных отношений и криминальной среды.

Отсутствие консенсуса в уголовно-правовой науке по принципиальным и методологически значимым вопросам, а также, как следствие, неоднородное понимание границ уголовно-правового регулирования, на практике порождает хаотичные, бессистемные и внутренне противоречивые изменения законодательства. Такие трансформации нередко получают неоднозначную оценку в обществе, создают сложности для правоохранительной и правоприменительной деятельности и снижают эффективность уголовно-правового регулирования.

Одной из причин данного положения является сочетание двух факторов: с одной стороны, законодатель порой игнорирует устоявшиеся доктринальные представления о фундаментальных принципах уголовного права, а с другой стороны – научное сообщество пока недостаточно системно исследует ключевые проблемы, разрешение которых определяет устойчивость и системность уголовного правотворчества и уголовной политики. В условиях цифровой трансформации преступности данная дисгармония проявляется особенно остро, поскольку новые формы деяний, реализуемых с использованием ИКТ, требуют адаптации традиционных догматических категорий (субъект, объект, причинная связь, вина, соучастие) и разработки новых критериев оценки общественной опасности преступлений, совершаемых с использованием ИКТ.

Отрыв науки от практики влечет за собой функциональную инфляцию уголовно-правовых норм, недостаток их криминологической обоснованности, противоречивость отдельных актов и пробелы в правовом регулировании. В цифровую эпоху это проявляется в недостаточной сопоставимости Общей и Особенной частей УК РФ при квалификации преступлений с использованием ИКТ, а также в ограниченной эффективности мер уголовного наказания, неспособных адекватно учитывать специфические риски и угрозы, возникающие вследствие противоправного использования цифровых технологий.

Указанные проблемы особенно остро актуализируют значение устойчивых догматических положений, которые формируют методологическую и нормативную основу уголовного права. Именно они позволяют выстроить системное понимание институтов Общей части УК РФ, определить пределы допустимой квалификации преступлений и обеспечить согласованность между Общей и Особенной частями законодательства, включая вопросы, возникающие при цифровой трансформации преступности.

В рамках российской уголовно-правовой доктрины можно выделить ряд базовых догматических установлений, обладающих аксиоматическим характером и определяющих содержание и направление развития институтов Общей части уголовного права.

Прежде всего к их числу относится формально-юридическая концептуализация преступления, в соответствии с которой данный феномен рассматривается исключительно в пределах уголовно-правовой отрасли.

Не менее значимой является устоявшаяся в доктрине тенденция к концептуальному сближению категорий субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности, что отражает персонализированный характер мер уголовно-правового воздействия и обусловливает восприятие лица, совершившего преступление, как единого носителя и признаков состава, и оснований применения мер государственного принуждения.

К числу устойчивых догматических положений относится также соотношение критерия общественной опасности деяния и характеристик личности виновного, нередко выражающееся в их фактическом отождествлении при определении оснований и пределов уголовной ответственности. Подобный подход, будучи исторически обусловленным, оказывает влияние на содержание квалификационных решений и определение санкционной политики.

Наконец, фундаментальное значение имеет нормативное определение понятия и целей уголовного наказания, отражающее его правовую природу, целевое назначение и пределы реализации. Указанная догматическая конструкция выступает системообразующим элементом уголовного права, обеспечивающим реализацию задач уголовно-правовой охраны в условиях трансформации преступности, в том числе в ее цифровых формах.

В рамках уголовно-правовой доктрины значительное внимание уделяется критическому анализу концепций, признающих

юридическую квалификацию деяния решающим фактором его признания преступлением. Так, по мнению Р. А. Ромашова, признание поведения индивида преступным исключительно на основании его запрета уголовным законом предполагает отрицание социальной обусловленности общественно опасных посягательств и игнорирует объективное существование преступного деяния вне сознания и воли субъектов, включая и волю законодателя [6, с. 8]. Следует согласиться, что подобный подход создает иллюзию возможности «искоренения» преступности посредством совершенствования формального законодательства без учета фундаментальных социально-экономических структур общества.

С точки зрения указанной концепции деяние становится преступным не вследствие фактического посягательства на господствующий общественный порядок и потенциальной общественной опасности, а лишь в силу официального признания государством его таковым. Это ведет к декларированию примата уголовного закона над фактической противоправностью деяния и к утверждению первичности норм права по отношению к объективной общественно опасной деятельности индивида. Вследствие этого подхода в поле научного анализа включаются лишь лица, формально признанные преступниками на основании вступивших в законную силу судебных решений, тогда как значительная часть фактических правонарушителей остается вне поля зрения исследователя, а отдельные индивиды могут быть ошибочно привлечены к уголовной ответственности.

Актуализация данной проблематики в условиях цифровой трансформации преступности приобретает особую значимость, поскольку использование ИКТ формирует новые формы деяний, характеризующихся распределенностью, анонимностью и опосредованным воздействием на общественные отношения, что усугубляет недостатки формально-позитивистской модели. В этих условиях догматические конструкции уголовного права требуют адаптации: необходимо учитывать социальную и технологическую обусловленность преступлений, объективные последствия противоправной деятельности в цифровой среде и степень угрозы, создаваемой деяниями, которые формально могут не попадать под традиционное определение преступления.

В современной уголовно-правовой доктрине возникает необходимость пересмотра традиционного догматического отождествления понятий «общественная опасность преступления» и «общественная опасность лица, подлежащего уголовной ответственности». Традиционно данный принцип опирался на персонализированный подход к квалификации деяния: лицо рассматривалось как непосредственный носитель признаков состава преступления, так и степени его общественной опасности. Однако в условиях цифровой трансформации преступности, характеризующейся использованием ИКТ, такой подход становится недостаточно гибким и не отражает специфики новых форм посягательств на общественные отношения.

В этой связи адаптация догматической конструкции требует переосмысления критериев определения общественной опасности преступного деяния с акцентом на объем причиняемого вреда, значимость угрозы его наступления и социальную значимость объекта уголовно-правовой охраны. Такой подход позволяет более адекватно отражать реальные последствия противоправного поведения, особенно в условиях цифровой трансформации преступности.

В рамках указанной адаптации, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие направления:

1. Разграничение объективной угрозы и личной опасности субъекта, при котором общественная опасность деяния оценивается исходя из реального воздействия на общественные отношения, а не исключительно из личностных характеристик виновного.

2. Учет способа и средства совершения преступления как квалифицирующих признаков, влияющих на категорию тяжести деяния. Это особенно важно для преступлений с использованием ИКТ, где технологический способ реализации посягательства может усиливать потенциальный вред.

3. Формирование согласованной и последовательной системы квалификации, обеспечивающей сопоставимость оценки тяжести преступлений, совершаемых по схожим схемам с использованием ИКТ, и предотвращающей коллизии между различными статьями Особенной части УК РФ.

Такой подход позволяет выстроить многоуровневую и системно ориентированную

модель оценки общественной опасности, где тяжесть уголовной ответственности соотносится не только с формальной категорией преступления, но и с реальной угрозой общественным интересам и значимостью нарушаемых общественных отношений.

Еще одной ключевой догмой уголовного права является закрепленный законодательством перечень целей уголовного наказания. В действующей редакции УК РФ указано, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» (п. 2 ст. 43 УК РФ). Таким образом, законодателем выделены три центральные цели: восстановление социальной справедливости, коррекция поведения осужденного и предотвращение рецидива.

Следует отметить, что легальное определение целей наказания, закрепленное в ст. 43 УК РФ, требует переосмысления и конкретизации в условиях цифровой трансформации преступности. Новые формы преступлений, реализуемые через ИКТ, предъявляют дополнительные требования к интерпретации этих целей, поскольку традиционные подходы не всегда способны адекватно учитывать характер преступной деятельности, способы ее реализации и потенциальные последствия для общественных отношений.

В частности, восстановление социальной справедливости в цифровой среде должно учитывать не только фактическое возмещение ущерба, но и восстановление нарушенных общественных отношений, затронутых технологически. Исправление осужденного требует интеграции элементов превенции, направленных на снижение риска повторного использования цифровых инструментов в противоправных целях. Предупреждение новых преступлений должно реализовываться с учетом специфики цифровых каналов, включая профилактику дистанционных и автоматизированных посягательств, где традиционные меры воздействия оказываются недостаточно эффективными.

Таким образом, адаптация целей уголовного наказания к реалиям цифровой преступности предполагает системную трансформацию догматических конструкций Общей части УК РФ, обеспечивающую согласованность между традиционными принципами уголовного права и требованиями эффективного реагирования на угрозы, создаваемые новыми технологическими способами совершения преступлений.

Возникает вопрос о том, в какой мере действующие виды наказаний, предусмотренные ст. 44 УК РФ, способны обеспечить достижение целей в условиях цифровизации преступности?

Система уголовных наказаний в целом отличается высокой степенью консерватизма: большинство ее элементов были зафиксированы еще в первоначальной редакции УК РФ 1996 года и впоследствии подвергались лишь фрагментарным, дискретным корректировкам. Эти изменения не учитывали структурные трансформации преступности, вызванные цифровизацией, и не адаптировали наказания к специфике новых способов совершения преступлений, включая дистанционные, автоматизированные или распределенные по субъектам и каналам действия.

По своему содержанию ни один из предусмотренных видов наказаний, как связанных с изоляцией осужденного от общества, так и не предполагающих лишения свободы, не содержит специальных ограничений, способных препятствовать осуществлению противоправной деятельности с использованием ИКТ. В условиях цифровизации преступности это создает риск того, что осужденные могут сохранять доступ к средствам и инструментам, используемым для совершения новых преступлений, что снижает эффективность индивидуальной превенции.

Вместе с тем судебная практика демонстрирует очевидную потребность в установлении специальных ограничений, направленных на ограничение цифровых форм преступного поведения, и предпринимает попытки компенсировать отсутствие соответствующих наказаний в системе УК РФ посредством назначения дополнительного вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ).

В частности, судами используется формулировка о «лишении права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов и размещением материалов с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”».

Однако подобные формулировки не могут рассматриваться как правомерное и достаточное основание для фактического

ограничения доступа осужденного к интернет-ресурсам в целом.

Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 9 постановления «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[1], лишение права заниматься определенной деятельностью предполагает запрет на осуществление как профессиональной, так и иной деятельности, при этом в приговоре подлежит обязательной конкретизации ее вид (педагогическая, медицинская, управление транспортными средствами и т. п.).

Показательным в контексте рассматриваемой проблемы представляется получивший в свое время широкий общественный резонанс случай осуждения студента Егора Жукова по делу о публичных призывах к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). В приговоре ему, помимо условного лишения свободы, было назначено дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, сроком на два года[2].

Как отмечал его защитник, данное наказание представляет собой типичное применение ст. 47 УК РФ и не влечет запрета на пользование Интернетом как таковое, поскольку речь идет исключительно о профессиональной деятельности. Адвокат подчеркивал, что использование личных аккаунтов, ведение блогов или участие в интернет-коммуникации не относятся к сфере профессиональной деятельности, а потому подобный запрет не оказывает реального ограничивающего эффекта в отношении публичной или бытовой онлайн-активности осужденного[3].

Существующие виды уголовного наказания требуют существенной корректировки содержания ограничений с целью обеспечения эффективной индивидуальной превенции в отношении лиц, совершивших преступления с использованием ИКТ. Применяемые на стадии уголовного преследования меры, такие как домашний арест с запретами на использование средств связи, Интернета и иных ИКТ (п. 3–5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), демонстрируют практическую эффективность подобных ограничений. Это указывает на необходимость переноса и системного закрепления аналогичных технологических ограничений непосредственно в содержании уголовных наказаний, что позволило бы предотвратить повторное совершение преступлений и повысить степень индивидуальной превенции в цифровой среде.

В этой связи считаем возможным предусмотреть подобные ограничения в составе наказания, предусмотренного ст. 53 УК РФ «Ограничение свободы», введя компонент ограничения цифровых прав и свобод, обеспечиваемый соответствующими запретами на использование средств связи, сетей «Интернет» и иных ИКТ. Такой подход позволит повысить эффективность индивидуальной превенции, создавая правовые и технические барьеры для повторного совершения преступлений в цифровой среде, и обеспечит системное соответствие содержания наказания характеру и способам совершения деяний с использованием ИКТ.

В заключение следует отметить, что цифровая трансформация преступности выявляет необходимость системной адаптации догматических положений Общей части УК РФ. Современные вызовы требуют пересмотра традиционных категорий, уточнения критериев общественной опасности, причинной связи и субъективной стороны, а также интеграции технологических ограничений в содержание наказаний. Оптимизация институтов Общей части должна обеспечивать согласованность с Особенной частью УК РФ, повышать эффективность правоприменения и формировать адекватные меры индивидуальной превенции в условиях использования ИКТ.

---

[1] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=movbj7yjni238641191 (дата обращения 11.03.2026).

[2] Суд приговорил студента Егора Жукова к условному сроку // Радио РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/society/06/12/2019/5de94e469a79472ea8b9f836?ysclid=movbmdfd7d520424642&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 11.03.2026).

[3] Эксперты объяснили, можно ли Жукову пользоваться интернетом // РАПСИ (Российское агентство правовой и судебной информации): [сайт]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20191206/305171027.html?ysclid=movbpv2q8i476469424 (дата обращения: 11.03.2026).

Список источников
1. Глухарева Л. И. Догма права и догматичность юридического мышления // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 19 (120). С. 19–26.
2. Ромашов Р. А. Уголовно-правовая догматика. К вопросу о догматике современного российского уголовного права // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 11–18.
3. Сыч К. А. Позитивизм в науке уголовного права // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 66–68.
4. Пионтковский А. А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение (1895 г.) // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 61–68.
5. Жалинский А. Э. Наука современного уголовного права // Современное уголовное право и криминология. 2007. № 2007. С. 8–17.
6. Ромашов Р. А. К вопросу о понимании феноменов «преступление» и «субъект преступления» в современной российской юриспруденции // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 1 (9). С. 7–9.

Информация об авторе:

Рясов Дмитрий Алексеевич,
доцент кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел

About the author:

Ryasov Dmitry A.,
associate professor of the department of criminal law and operational investigative activities of the internal affairs agencies

Статья поступила в редакцию 08.05.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 08.05.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-57-62
EDN: https://elibrary.ru/myfvad

СИДОРОВА ЕКАТЕРИНА ЗАКАРИЕВНА[1]
кандидат юридических наук, доцент
ketrik6@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3477-3816

ШЕВЧЕНКО АНТОН РОСТИСЛАВОВИЧ[2]
sportex1111@gmail.com

[1, 2] Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Иркутск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕБРЕЖНОЕ ХРАНЕНИЕ ОРУЖИЯ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ уголовно-правовых аспектов ответственности за небрежное хранение огнестрельного оружия по ст. 224 УК РФ. Авторы акцентируют внимание на значимости данной уголовно-правовой нормы для обеспечения общественной безопасности, поскольку неправомерное обращение с оружием создает предпосылки для совершения насильственных преступлений. Центральной проблемой исследования выступают существующие сложности квалификации, с которыми сталкивается правоприменительная практика. Авторы детально исследуют ключевые критерии отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ, от смежных деяний. Принципиальным различием является законность первоначального владения: ст. 224 УК РФ применяется исключительно к законным владельцам, нарушившим правила хранения, в то время как ст. 222 УК РФ криминализирует сам факт незаконного оборота оружия. В контексте разграничения со ст. 225 УК РФ авторы указывают на разную природу нарушенных правил и специфику наступивших последствий. Особое внимание уделяется проблемам доказывания, обусловленным материальным составом и неосторожной формой вины. Авторы выделяют трудности в установлении прямой причинно-следственной связи между фактом небрежного хранения и использованием оружия третьим лицом, а также в оценке субъективной возможности лица предвидеть такие последствия. Отмечается оценочный характер понятия «небрежное хранение», ведущий к неединообразию судебной практики. В заключение предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования, в частности легальное определение ключевого термина в примечании к ст. 224 УК РФ для обеспечения единообразного толкования и применения указанной уголовно-правовой нормы.*

Ключевые слова: *небрежное хранение оружия, статья 224 УК РФ, общественная безопасность, правила оборота оружия, незаконный оборот оружия, огнестрельное оружие*

Для цитирования: *Сидорова Е. З., Шевченко А. Р. Особенности уголовной ответственности за небрежное хранение оружия // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 57–62; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-2-57-62.*

SIDOROVA EKATERINA Z.[1]
candidate of law, associate professor

SHEVCHENKO ANTON R.[2]

[1, 2] East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
(Irkutsk, Russia)

© Сидорова Е. З., Шевченко А. Р., 2026.

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR IMPROPER STORAGE OF WEAPONS

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the criminal law aspects of liability for negligent possession of firearms under Article 224 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors emphasize the importance of this criminal law norm for ensuring public safety, since the misuse of weapons creates prerequisites for the commission of violent crimes. The central problem of the study is the existing qualification difficulties faced by law enforcement practice. The authors examine in detail the key criteria for distinguishing the corpus delicti provided for in Article 224 of the Criminal Code of the Russian Federation from related acts. The fundamental difference is the legality of the original possession: Article 224 of the Criminal Code applies exclusively to the rightful owners who violated the rules of storage, while Article 222 of the Criminal Code criminalizes the very fact of illegal arms trafficking. In the context of the distinction with art. 225 of the Criminal Code, the authors point to the different nature of the violated rules and the specifics of the consequences. Special attention is paid to the problems of proof caused by the material composition and the careless form of guilt. The authors highlight the difficulties in establishing a direct causal relationship between the fact of negligent storage and use of weapons by a third party, as well as in assessing the subjective ability of a person to anticipate such consequences. The evaluative nature of the concept of «negligent storage» is noted, leading to inconsistency in judicial practice. Finally, measures are proposed to improve legal regulation, in particular, the legal definition of the key term in the note to art. 224 of the Criminal Code of the Russian Federation to ensure uniform interpretation and application of the specified criminal law norm.*

Keywords: *negligent possession of weapons, Article 224 of the Criminal Code of the Russian Federation, public safety, rules of arms trafficking, illegal arms trafficking, firearms*

For citation: *Sidorova E. Z., Shevchenko A. R. Peculiarities of criminal liability for negligent possession of weapons // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 57–62; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-2-57-62.*

Обеспечение общественной безопасности является одной из приоритетных задач современного российского государства. В условиях роста различных криминальных угроз особое значение приобретает регулирование легального оборота оружия, который, будучи необходимым в ряде сфер жизни, потенциально представляет собой источник повышенной опасности. Несмотря на существующую систему административно-правового регулирования данной сферы общественных отношений, проблема ненадлежащего, а именно небрежного хранения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств продолжает оставаться крайне острой.

Как справедливо отмечают отечественные правоведы, общественная опасность преступлений, связанных с оружием, заключается в том, что они создают реальные предпосылки для совершения других, зачастую более тяжких насильственных преступлений [1, с. 162]. Последствия небрежного хранения могут быть катастрофическими: от несчастных случаев, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью или смерти, до использования оружия в преступных целях третьими лицами, получившими к нему доступ. Согласно официальным данным о состоянии преступности в России, представленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, за 2021 год было выявлено 23 507 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия; в 2022 году – 22 206 преступлений; в 2023 году – 19 371 преступление; в 2024 году – 18 567 преступлений; в 2025 году – 16 364 преступления[1]. Несмотря на положительную тенденцию к снижению количества выявляемых преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, опасность данных преступлений объясняется именно характером последствий, которые могут наступить в результате совершения уголовно наказуемых деяний с использованием оружия. В этой связи уголовно-правовые нормы, связанные с ответственностью за неправомерные действия с оружием, выступают в качестве важнейшего инструмента противодействия данным явлениям. Одной из таких норм является ст. 224 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) «Небрежное хранение огнестрельного оружия»[2]. Однако правоприменительная прак-

[1] Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: https://мвд.рф/reports/?Ysclid=mjkyp9y6at80278645 (дата обращения: 24.02.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Консультантплюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.04.2026).

тика по делам данной категории сталкивается с рядом проблем, связанных с квалификацией самого понятия «небрежное хранение», установлением причинно-следственной связи и отграничением от смежных составов преступлений, что предопределяет актуальность настоящего исследования.

Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, требует точного отграничения смежных составов, что является одной из наиболее сложных задач правоприменения. В контексте небрежного хранения оружия ключевое значение имеет разграничение ст. 224 УК РФ со ст. 225 УК РФ «Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» и ст. 222 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов».

Так, основное различие между составами преступлений, предусмотренными ст. 224 и ст. 225 УК РФ, лежит в объективной стороне указанных преступлений. Статья 225 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение не специальных правил хранения, а иных правил обращения с оружием (то есть правил, связанных не с его хранением, а с какими-то иными действиями по его обороту), если это повлекло утрату данного оружия или наступление иных тяжких последствий. Как справедливо отмечается в научной литературе, если при небрежном хранении оружие остается в сфере контроля владельца, но становится доступным для других лиц, то при нарушении правил обращения, повлекшем утрату, владелец полностью утрачивает контроль над ним [2, с. 28].

Разграничение названных уголовно-правовых норм можно провести по следующим критериям:

1) характер нарушения: ст. 224 УК РФ – нарушение именно правил хранения; ст. 225 УК РФ – нарушение иных правил обращения;

2) последствие: для ст. 224 УК РФ – использование оружия другим лицом; для ст. 225 УК РФ – утрата оружия или иные тяжкие последствия.

Субъектный состав также различен. Субъектом преступления по ст. 224 УК РФ является любой гражданин, на которого возложена обязанность по соблюдению правил хранения. Субъектом же по ст. 225 УК РФ является лицо, в чьи служебные обязанности входит соблюдение правил обращения с оружием.

Наиболее кардинальное различие существует между ст. 224 и ст. 222 УК РФ, касающееся именно факта законности самого владения оружием.

Статья 222 УК РФ криминализирует сам факт хранения огнестрельного оружия при отсутствии на то законных оснований. Основной объект посягательства в ст. 222 УК РФ – установленный порядок легального оборота оружия, в то время как в ст. 224 УК РФ – общественная безопасность, поскольку владение оружием изначально легально. Следовательно, если лицо не имеет права хранить данное оружие, его действия подлежат квалификации по ст. 222 УК РФ, и вопрос о применении ст. 224 УК РФ не возникает. Тем не менее проблема квалификации по совокупности преступлений часто возникает в правоприменительной деятельности. Нередки ситуации, когда небрежное хранение сопряжено с незаконным его приобретением или ношением. Проблема также связана с тем, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (далее по тексту – постановление Пленума Верховного Суда России № 5) отсутствуют прямые разъяснения того, что лицо, незаконно приобретшее оружие и осуществлявшее его небрежное хранение, не подлежит ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 222 и ст. 224 УК РФ[1].

Одной из ключевых проблем квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом оружия, является ситуация, когда лицо, законно владеющее оружием, хранит его с нарушением правил, и впоследствии это же оружие используется для совершения иного преступления. Представляется, что, если владелец оружия не состоял в преступном сговоре с лицом, его использовавшим, его действия квалифицируются исключительно по ст. 224 УК РФ. В научной литературе также указывается, что небрежное хранение является само-

[1] О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35853/ (дата обращения: 10.12.2025).

стоятельным составом преступления, и его не следует рассматривать как соучастие в преступлении, совершенном с использованием небрежно хранившегося оружия [3, с. 181].

Таким образом, отграничение ст. 224 УК РФ от смежных составов проводится по совокупности признаков: законности владения оружием (ст. 222 УК РФ), характеру нарушенных правил и специфике наступивших последствий. Четкое понимание данной диспозиции имеет решающее значение для правильной юридической оценки деяния.

Другая проблема квалификации преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ, сопряжена с оценочным характером диспозиции нормы и необходимостью установления причинно-следственной связи между деянием и последствиями.

В частности, существует оценочность толкования понятия «небрежное хранение». Это приводит к тому, что суды при оценке конкретных обстоятельств вынуждены руководствоваться не только прямыми требованиями Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (далее по тексту – Федеральный закон «Об оружии»)[1] и подзаконных актов, но и давать собственную оценку действиям виновного.

Сложности вызывает и доказывание причинно-следственной связи между фактом небрежного хранения и наступлением последствий в виде использования оружия другим лицом. Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 224 УК РФ необходимо установить, что именно вследствие нарушения правил хранения оружие стало доступным для третьего лица, которое его использовало. Кроме того, нужно доказать, что результатом такого неправомерного использования оружия стало наступление смерти человека или иных тяжких последствий (по ч. 1 ст. 224 УК РФ) либо смерти двух или более лиц (по ч. 2 ст. 224 УК РФ). Причинно-следственная связь должна быть прямой и очевидной, что не всегда присутствует в конкретных уголовных делах. Сложность обусловлена спецификой конструкции состава преступления, который является материальным и характеризуется неосторожной формой вины.

Для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить, что именно нарушение правил хранения, а не иные обстоятельства, привело к тому, что оружие было использовано другим лицом для причинения вреда. Как верно отмечают правоведы, причинная связь при небрежности имеет свою специфику, поскольку последствие опосредовано действием третьего лица или силами природы [4, с. 324]. Это означает, что следствие и суд должны последовательно доказать цепочку: факт нарушения правил хранения (например, оставление оружия в незапертом сейфе), получение доступа к оружию третьим лицом (например, несовершеннолетним), использование этого оружия для причинения вреда.

На практике это приводит к спорам. Например, если лицо хранило оружие в сейфе, но преступник похитил его, взломав сейф, вопрос о причинной связи становится дискуссионным. В данном случае необходимо оценивать, являлось ли хранение в сейфе надлежащим исполнением обязанности или же его взломостойкость была недостаточной, что и позволило совершить хищение. Анализ содержания п. 22 постановления Пленума Верховного Суда России № 5 позволяет заключить, что вопрос о том, являлось ли хранение ненадлежащим, должен решаться судом с учетом конкретных обстоятельств дела. То есть оценка носит строго индивидуальный характер.

Еще одной актуальной проблемой является разграничение уголовно наказуемого небрежного хранения (ст. 224 УК РФ) и административного правонарушения (ст. 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение правил производства, приобретения, продажи, передачи, хранения, ношения…оружия…»; далее по тексту – КоАП РФ)[2]. Критерием разграничения выступает не сам факт нарушения правил, а наличие или отсутствие последствий в виде использования оружия другим лицом. Состав преступления, предусмотренный ст. 224 УК РФ, является материальным, поэтому для его наличия требуется не только деяние (небрежное хранение), но и определенные последствия. Если нарушение правил хранения выявлено до того,

[1] Об оружии: Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 10.12.2025)

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Информационно-правовое обеспечение «Гарант»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/12125267/ (дата обращения: 10.12.2025).

как оружие было кем-либо использовано, деяние квалифицируется по ст. 20.8 КоАП РФ. Если же последствия в виде последующего использования оружия наступили, в таком случае содеянное подлежит квалификации по уголовно-правовой норме.

Не менее значимой проблемой является установление формы и вида вины. Законодатель прямо указывает на неосторожность в виде преступной небрежности. Однако на практике зачастую возникает вопрос о разграничении неосторожного хранения и умысла, направленного на передачу оружия. Так, если владелец оружия сознательно разрешил знакомому воспользоваться его пистолетом, а последний совершил преступление, такие действия могут быть квалифицированы уже по ст. 222 УК РФ (как незаконная передача оружия), а не по ст. 224 УК РФ (как небрежное хранение оружия). В целом для небрежности характерно, что лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. Ключевым критерием здесь является субъективный критерий – могло ли лицо предвидеть последствия. Для его установления необходимо анализировать личность виновного: его жизненный опыт, профессиональную подготовку (например, является ли он действующим или бывшим сотрудником правоохранительных органов), возраст, состояние здоровья.

Еще одной актуальной проблемой является доказывание самого факта небрежности хранения. Федеральный закон «Об оружии» и утвержденные постановлением Правительством России от 21.07.1998 № 814 Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации устанавливают общие требования к хранению[1]. Однако они не регламентируют каждую бытовую ситуацию. В условиях многообразия жизненных ситуаций законодатель не может дать исчерпывающего перечня нарушений, что порождает проблемы толкования диспозиции нормы. Является ли, к примеру, небрежным хранением ситуация, когда владелец на короткое время оставил оружие в автомобиле, припаркованном на охраняемой стоянке? Суды, как правило, оценивают такие случаи комплексно, учитывая продолжительность оставления оружия, принятые меры по маскировке и защите автомобиля, общую криминогенную обстановку в районе.

Таким образом, актуальные вопросы доказывания по делам о небрежном хранении оружия сосредоточены вокруг установления прямой и неразрывной причинно-следственной связи между нарушением правил хранения оружия и тяжкими последствиями, определения формы вины с учетом субъективной возможности лица предвидеть последствия и выявления факта нарушения конкретных правил хранения в условиях их недостаточной детализации в подзаконных актах.

Разрешение этих вопросов во многом зависит от профессионального усмотрения следователя и суда, основанного на всестороннем и полном исследовании всех обстоятельств конкретного уголовного дела. В целом проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ, обусловлены в первую очередь оценочным характером ключевых признаков состава. Их разрешение требует от правоприменителя тщательного анализа всех обстоятельств дела, установления прямой причинно-следственной связи и точного соотнесения с признаками смежных составов. Совершенствование судебной практики и более детальная законодательная регламентация могли бы способствовать единообразию применения данной нормы.

Анализ выявленных системных проблем, связанных с реализацией нормы, закрепленной в ст. 224 УК РФ, позволяет сформулировать конкретное предложение по их разрешению, которое должно выразиться в совершенствовании уголовно-правовой нормы о небрежном хранении оружия. Требуется легальное определение признака «небрежное хранение». Основной проблемой, затрудняющей квалификацию содеянного, является оценочный характер понятия «небрежное хранение». Бланкетность диспозиции ст. 224 УК РФ, с одной стороны, обусловлена спецификой преступления, а с другой – создает почву для широкого судейского усмотрения, что может приводить к судебным ошибкам. В настоящее время содержание этого при-

[1] О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (ред. от 15.10.2025): постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 (вместе с Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19504/ (дата обращения: 10.12.2025).

знака раскрывается исключительно в судебной практике и подзаконных актах.

Нам представляется, что для унификации правоприменения данной сферы общественных отношений целесообразно дополнить ст. 224 УК РФ примечанием с легальным определением указанного термина. Можно предложить следующую формулировку: «Под небрежным хранением понимается хранение огнестрельного оружия с нарушением правил, установленных законодательством Российской Федерации, выразившимся в непринятии мер, исключающих доступ к нему посторонних лиц». Данное определение аккумулирует сложившуюся судебную практику, отраженную в постановлении Пленума Верховного Суда России № 5, и переводит данный термин из оценочной в формализованную категорию.

Помимо изменений в уголовном законе, необходимы организационные меры. Требуется совершенствование механизма взаимодействия контролирующих органов. Целесообразно разработать и внедрить единые методические рекомендации для Росгвардии по проведению проверок соблюдения правил хранения оружия, с акцентом на выявление потенциально опасных ситуаций, а не только на формальное соответствие требованиям (наличие сейфа). Такая мера, на наш взгляд, будет способствовать именно ранней профилактике преступлений, посягающих на легальный оборот оружия, а не только фиксировать последствия, наступившие в связи с неправомерным обращением с оружием.

Реализация предложенных мер – легальное определение ключевого признака состава, дифференциация санкций, введение административной преюдиции и совершенствование профилактической работы – позволит повысить эффективность ст. 224 УК РФ, обеспечить единообразие судебной практики и усилить защиту общественной безопасности от угроз, связанных с неправомерным обращением с оружием.

Список источников

1. Ищенко Д. П., Ищенко Г. К., Григорян Д. К. Оружие как средство криминализации преступных деяний // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 161–169.
2. Харламова А. А. Уголовная ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия // Мировой судья. 2024. № 3. С. 26–31.
3. Задоян А. А. Уголовная ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3 (20). С. 179–192.
4. Верина Г. В. Причинная связь и иные каузальные зависимости в неосторожных преступлениях // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 3 (23). С. 322–330.

Информация об авторах:

Сидорова Екатерина Закариевна, *заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии;*
Шевченко Антон Ростиславович, *начальник кафедры огневой подготовки*

About the authors:

Sidorova Ekaterina Z., *deputy head of the department of criminal law and criminology;*
Shevchenko Anton R., *head of the department of fire training*

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 15.12.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-63-69
EDN: https://elibrary.ru/mszhuv

СТРАУНИНГ ЮЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
sohmet07@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В МЕГАПОЛИСЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию преступности в мегаполисах, с особым акцентом на г. Москву. Автором рассматриваются общие тенденции преступности в мегаполисах: подчеркивается, что мегаполисы являются сложными социальными образованиями, где особенно остро проявляются различные проблемы, включая повышенный уровень преступности. Описывается структура преступности в г. Москве, включая преобладание хищений имущества (кражи, мошенничества), преступлений в сфере экономической деятельности, незаконного оборота наркотиков. Автор делает вывод о том, что для Московского мегаполиса характерно постепенное сокращение числа преступлений. Это снижение сопровождается трансформациями в структуре преступности.*

Ключевые слова: *преступность, мегаполис, динамика преступности, структура преступности, география преступности, городская преступность, агломерация, урбанизация*

Для цитирования: *Страунинг Ю. А. Современное состояние преступности в мегаполисе // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 63–69; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-63-69.*

STRAUNING YULIYA A.
phd in law, associate professor
Moscow University of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

THE CURRENT STATE OF CRIME IN THE MEGA-CITY

Abstract. *The article is devoted to the study of crime in megacities, with a special focus on Moscow. The author examines the general trends of crime in megacities, emphasizing that megacities are complex social formations where various problems, including an increased level of crime, are particularly acute. The article presents data on the ranking of the world's most crime-ridden cities, including Russian megacities and the safest cities. The article describes the structure of crime in Moscow, including the prevalence of property crimes (theft and fraud), economic crimes, and drug trafficking. Special attention is given to crimes committed using information and telecommunication technologies. The author concludes that the Moscow metropolitan area is characterized by a gradual decrease in the number of crimes. This decrease is accompanied by transformations in the structure of crime.*

Keywords: *crime, metropolis, crime dynamics, crime structure, crime geography, urban crime, agglomeration, and urbanization*

For citation: *Strauning Y. A. The current state of crime in the mega-city // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 63–69; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-63-69.*

© Страунинг Ю. А., 2026.

Изучение мегаполисов открывает широкие перспективы для всестороннего изучения многочисленных диссонансов, возникающих в ходе эволюции этого непростого социального образования, поскольку уникальные черты мегаполиса, отличающие его от других типов поселений и территориальной структуры, проявляются особенно ярко и акцентированно. Актуальность изучения криминогенной обстановки в мегаполисах определяется тем, «что в них, во-первых, находят концентрированное выражение все существующие проблемы городской жизни, во-вторых, мегаполисы по своему статусу, значимости в общественной жизни во многом превосходят некоторые регионы» [1, с. 3].

Мегаполисы традиционно считаются местом с повышенным уровнем преступности. На основе последних данных международных исследовательских организаций и статистики правоохранительных органов составлен рейтинг самых опасных городов мира с учетом количества насильственных преступлений, уровня организованной преступности и общей криминогенной обстановки в мегаполисе. В 2024 году из 352 криминальных городов мира первое место по уровню преступности занял Каракас, Венесуэла (индекс преступности – 82,0), второе – Претория, ЮАР (индекс преступности – 81,8), третье – Дурбан, ЮАР (индекс преступности – 81,0), четвертое - Йоханнесбург, ЮАР (индекс преступности – 80,7), пятое – Порт-Морсби, Папуа-Новая Гвинея (индекс преступности – 80,6), шестое – Сан-Педро-Сула, Гондурас (индекс преступности – 80,2), седьмое – Рио-де-Жанейро, Бразилия (индекс преступности – 77,4), восьмое – Порт-Элизабет, ЮАР (индекс преступности – 77,0), девятое – Форталеза, Бразилия (индекс преступности – 76,8), десятое – Сальвадор, Бразилия (индекс преступности –76,8).

Пять российских крупных городов оказались в списке наиболее криминальных мегаполисов мира: Новосибирск занял 182-ю позицию, Екатеринбург – 197-ю, Санкт-Петербург – 254-ю, Москва – 282-ю, Нижний Новгород – 347-ю.

На данный момент самым безопасным населенным пунктом на Земле признан Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты). Второе и третье места занимают Доха (Катар) и Тайбей (Китай соответственно). В Европе самый низкий показатель преступности зафиксирован в испанском городе Сан-Себастьян.

Важно понимать, что оценка степени опасности сверхкрупного города – это многоступенчатая процедура, включающая изучение целого ряда критериев и индикаторов. Следует принимать во внимание, что статистические сведения могут различаться из-за неодинаковых методик расчета и степени доступности информации в различных государствах. Чтобы составить максимально беспристрастную картину, необходимо опираться на данные из разнообразных источников и отслеживать, как меняются показатели с течением времени.

Мегаполисы отличаются высокой плотностью населения, особым демографическим профилем, многопрофильной экономикой, развитой инфраструктурой и транспортными системами, а также интенсивными миграционными процессами. К данной категории, без сомнения, причисляются все города, где проживает свыше одного миллиона человек.

По числу городов-миллионников Россия находится на четвертой строчке в мире. Сведения Росстата на начало 2024 года свидетельствуют о наличии в стране 16 таких населенных пунктов: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Уфа, Красноярск, Пермь, Воронеж, Волгоград и Краснодар. Причем их количество продолжает расти.

Особое место среди этих мегаполисов занимает столица России. Москва является самым многолюдным городом страны и центром Московской агломерации – самой крупной городской агломерации как в России, так и во всей Европе.

Численность постоянного населения г. Москвы на 1 января 2025 г. составила 13 300 000 человек или около 8 % населения России[1]. Особое положение Москвы среди мегаполисов заключается, прежде всего, в ее статусе столицы России и субъекта Российской Федерации. Здесь сосредоточен самый большой в стране комплекс социально-экономических, демографических, правовых и других проблем, характерных для мегаполиса: крупнейший финансовый центр страны (свыше 50 % банков располагается в столице, крупные компании имеют здесь центральные офисы); важное положение в промышленности (главный машиностроительный город);

[1] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 23.12.2025).

крупный мировой научный и образовательный центр; стратегическое положение (мегаполис расположен на пересечении важных транспортных магистралей и является важным узлом связи между различными частями страны).

Важно понимать, что уникальность московской агломерации, обусловленная ее исключительным общественным и политическим статусом, а также колоссальными масштабами, накладывает отпечаток своеобразия на общие принципы ее работы и эволюции, что требует пристального внимания. В этой связи, как отмечают М. М. Бабаев и М. В. Королева, «Москва – город одновременно и типичный, и экстраординарный. Типичное состоит в том, что Москва – это, прежде всего, мегаполис со всеми присущими ему признаками и особенностями. Экстраординарное – это то, что Москва – столица России, самый крупный ее город и один из крупнейших городов мира» [2, с. 10]. Иными словами, сегодняшний день столицы – завтрашний день других крупных городов.

Это относится и к проблемам борьбы с правонарушениями, выработке передовых форм и методов борьбы с противоправными деяниями, получившими в дальнейшем широкое распространение по всей стране. В связи с этим проблемы организации предупреждения преступности в стране в целом важно рассматривать на опыте и примере московского мегаполиса.

Для состояния преступности в московском мегаполисе в период с 2020 по 2025 год, как и в России в целом, характерна тенденция устойчивого снижения числа зарегистрированных преступлений с колебаниями по годам, которые можно отнести к статистической погрешности (табл.).

Сокращение зафиксированной преступности является отголоском «Великого спада преступности»: начиная с 1990-х годов, во многих государствах преступность уменьшилась более чем вдвое. Это явление объясняется рядом причин. Прежде всего, это общемировое старение населения: молодежь до 25 лет более склонна к совершению преступлений, чем люди зрелого возраста. Во-вторых, повсеместное повышение экономического благосостояния: общее улучшение финансового положения населения благоприятствует снижению уровня преступности. В-третьих, совокупность технологических достижений, приводящих к разработке и массивному применению систем безопасности, которые позволяют предупреждать или ограничивать успешность незаконных действий.

Таблица

Динамика преступности в г. Москве с 2020 по 2025 год

Регион	Зарегистрировано преступлений по годам					
	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Москва	146 500 (+3,0 %)	143 600 (–2,1 %)	138 200 (–4,5 %)	132 200 (–2,4 %)	129 700 (–2,3 %)	120 216 (–7,9 %)

В 2020 году в Московском мегаполисе уровень преступности составлял 1 156,0 преступлений (на 100 тыс. населения); в 2021 г. – 1 134,4; в 2022 г. – 1 093,6; в 2023 г. – 1 022,5; в 2024 г. – 995,7. По итогам 2025 года уровень преступности также является низким, а столица лидирует по сокращению этого показателя среди городов России и мира, он составил 903,9 преступлений на 100 тыс. населения, что ниже уровня преступности в Центральном федеральном округе (963,5) и Российской Федерации (1 212,7).

За 2025 год совершено меньше краж (–16,9 %), в том числе краж из квартир (–28,2 %), краж транспортных средств (–19,8 %), мошенничеств (–15,1 %;), грабежей (–9,2 %), преступлений с использованием интернета и мобильной связи сократилось на 14 % и 53,3 % соответственно. Отмечается снижение уличных преступлений почти на 10 %.

В структуре преступности Московского мегаполиса значительная часть всех преступных деяний приходится на хищения чужого имущества, совершенные путем краж (28,8 %), мошенничества (39,6 %), а также преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (49,0 %). Доля преступлений экономической направленности составляет 7,7 %, а противоправных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, – 11,0 % (см. рис. 1).

Рис. 1. *Структура преступности в Московском мегаполисе в 2025 году (в %)*

Необходимо отметить, что три основные категории преступлений – мошенничество, кражи и наркотические преступления – представляют собой ключевую проблему для Москвы. В совокупности эти виды правонарушений составляли, к примеру, около 75 % от общего числа преступлений, зарегистрированных в Москве в 2014 году, и примерно 79 % – в 2024 году (рис. 2).

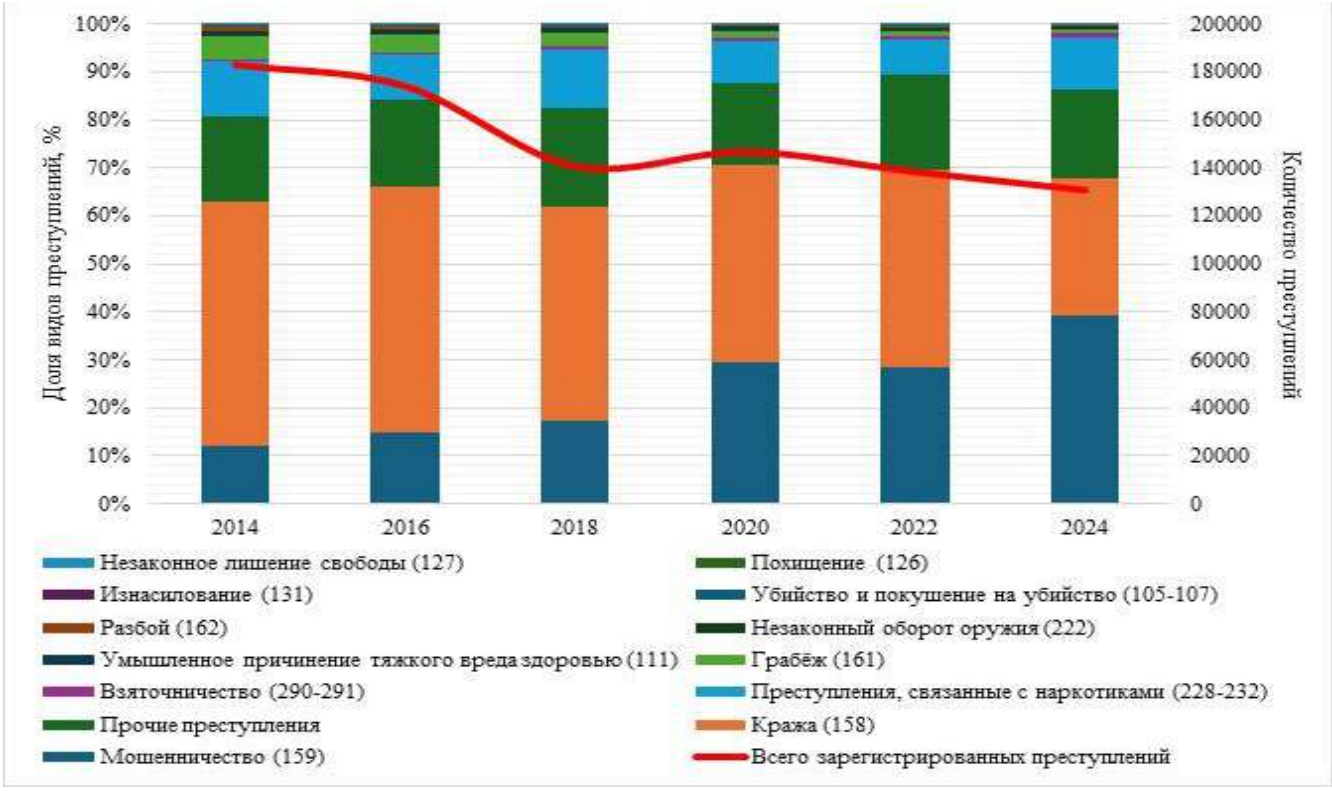

Рис. 2. *Динамика структуры преступлений в г. Москве, 2014–2024 гг.*[1]

[1] В скобках указаны статьи УК РФ, по которым классифицированы преступления.

Для понимания особенностей преступности в мегаполисе важно учитывать ее социально-территориальное распределение. В частности, для Москвы характерна высокая интенсивность внутренней миграции населения, что свойственно всем крупным городам. Это обусловлено, во-первых, историческим расположением административных органов в центре города, а также концентрацией крупных торговых центров, развлекательных комплексов, театров, ресторанов и других мест массового отдыха, что привлекает как приезжих, так и жителей отдаленных районов. Во-вторых, у большинства москвичей обычно наблюдается территориальное разделение между местом работы, проживания и проведения свободного времени. Кроме того, в Московском мегаполисе наметились устойчивые тренды значительной дифференциации округов и районов города по уровню преступности: в 2025 году больше всего преступлений по округам города зарегистрировано в ЮВАО – 11 863, ЦАО – 11 543 и ВАО – 10 904.

На фоне общего снижения количества регистрируемых преступлений в 2024 году заметнее всего уровень преступности упал в ЦАО – на 12,1 % (12 963 преступления). Количество преступлений также резко сократилось в САО (–8,1 %, 11 719 дел), СВАО (–7,6 %, 12 158) и ВАО (–7,5 %, 13 186). Лидерство по общему количеству совершенных преступлений сохраняется за ЮВАО (–1,6 %, 14 173 дела), а по динамике годового прироста на первое место выходит ЗелАО (+17,7 %, 3 521). Рост преступности также зафиксирован в ЗАО (+5,7 %, 12 114 дел) и Новой Москве (+4,3 %, 5 165) (рис. 3).

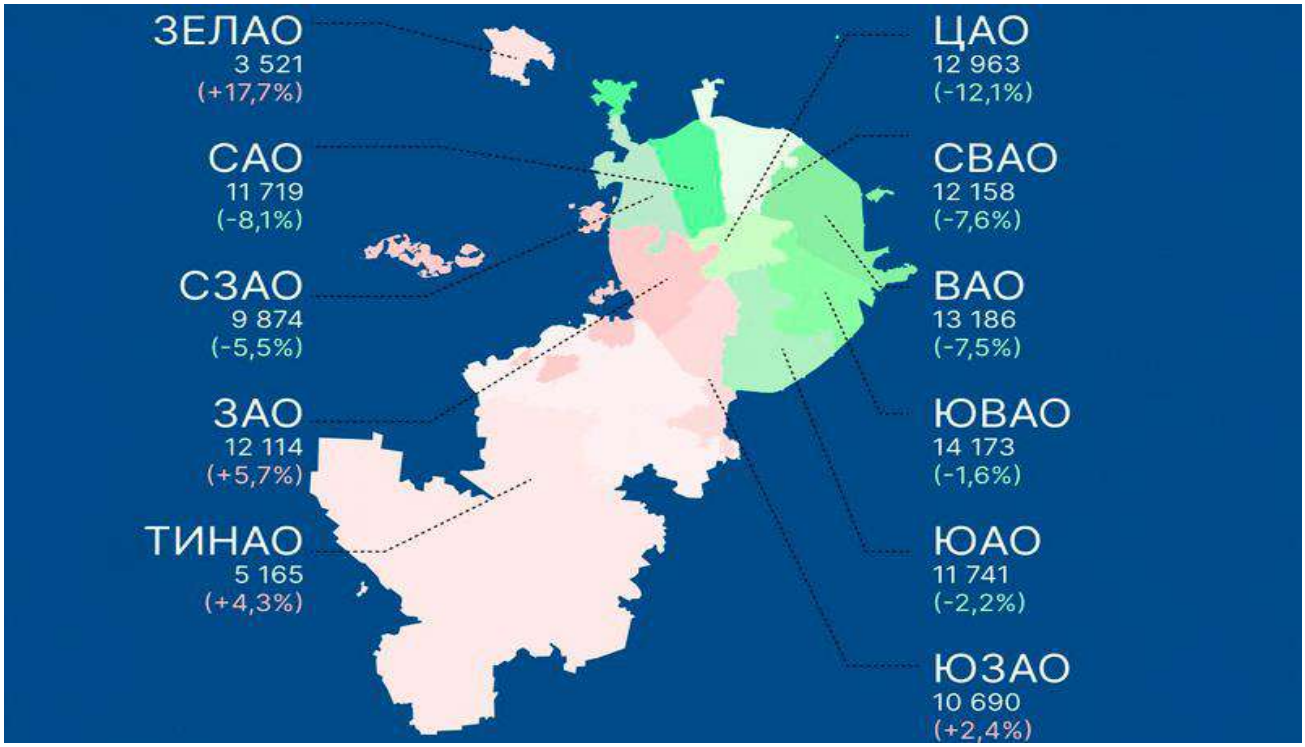

Рис. 3. *Динамика преступности в г. Москве с 2023 по 2024 год*

Преступность в Московском метрополитене требует особого внимания. Хотя она и представляет собой незначительную часть от общего числа городских правонарушений, будучи включенной в общую статистику административных округов, метрополитен является специфическим объектом транспортной системы города, где любое нарушение закона влечет за собой повышенные риски. Ежедневно по 15 линиям столичного метро, общая протяженность которых достигает 466,62 км, курсирует около 12 000 составов, перевозя свыше 9 млн человек. Инфраструктура включает в себя 271 станцию, которыми активно пользуются пассажиры. Обеспечение безопасности на территории метрополитена возложено на службы самого метро и Управление внутренних дел, действующее в структуре ГУВД Москвы.

В среднем за год в Московском метро фиксируется чуть более 3 тыс. преступлений, что стабильно составляет примерно 1,5 % от общего числа зарегистрированных в Москве правонарушений. Данное соотношение объясняется рядом специфических факторов. В силу особенностей объекта, в метрополитене практически не встречаются такие виды преступлений, как контрабанда, некоторые экономические преступления и др. Крайне редки случаи убийств, изнасилований и разбойных нападений. На уровень преступности в метрополитене значительное влияние оказывают активные профилактические меры, широкое применение административных взысканий к нарушителям, а также использование современных технических средств видеонаблюдения и контроля за обстановкой в местах с повышенным криминальным риском.

Преступность в метро характеризуется специфическими чертами. Сопоставление структуры преступлений в метро и в городе показывает, что в подземке чаще встречаются хулиганство, грабежи, а также тяжкие и особо тяжкие деяния. Доля преступлений, совершаемых приезжими, в метрополитене значительно выше [3, с. 76–78]. Если в городе они составляют до 45 % от числа привлеченных к уголовной ответственности, то в метро этот показатель превышает 70 % [4, с. 210–214]. Похожая ситуация наблюдается и с участием в преступлениях лиц без определенного места жительства.

В целом сопоставление данных о правонарушениях, зафиксированных в Московском метро, с количеством перевезенных пассажиров указывает на улучшение ситуации в последние годы. Хотя сеть метрополитена постоянно расширяется, число преступлений, зарегистрированных на его объектах, за последние пять лет уменьшилось более чем вдвое. Одновременно доля раскрытых правонарушений возросла на 75 %, достигнув отметки 52,2 %[1].

Анализ ключевых криминологических параметров дает основание утверждать, что для Московского мегаполиса характерно постепенное снижение числа преступлений, что согласуется с общемировой тенденцией «великого спада преступности». Такое уменьшение сопровождается изменениями в структуре преступности, которые по сути представляют собой перераспределение между тремя основными категориями: кражами, мошенническими действиями и правонарушениями, связанными с оборотом наркотиков.

Выявлены территориальные особенности динамики преступности, среди которых заметно смещение криминальной активности в Центральный административный округ. Также необходимо отметить тесную связь между уровнем преступности и социально-экономическим развитием территорий. В Москве четко прослеживается разделение на «Запад» и «Восток», что проявляется в различиях показателей преступлений, совершаемых безработными гражданами. В целом географическое распределение преступлений в столице демонстрирует определенную пространственную иерархию, соответствующую модели «центр-периферия». В этой структуре «Центр» отличается высокой концентрацией преступлений, тогда как «Полупериферия» и «Периферия» дают более разнородные сочетания высоких, средних и низких значений преступности.

[1] Итоги оперативно-служебной деятельности на Московском метрополитене за 2019 год // Официальный сайт Управления внутренних дел на Московском метрополитене // URL: https://метро.мск.мвд.рф. (дата обращения: 25.12.2025).

Список источников

1. Страунинг Ю. А. Криминологическая характеристика и предупреждение экологических преступлений в условиях мегаполиса (на материалах г. Москвы и Московской области): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Страунинг Юлия Анатольевна. М., 2005.
2. Бабаев М. М., Королева М. В. Преступность приезжих в столичном городе: учеб. пособие. М., 1990.
3. Изюмский Д. И., Страунинг Ю. А. Профилактика преступлений, совершаемых мигрантами // Актуальные проблемы профилактики преступлений: материалы Междунар. науч.-практ. семинара. Омск, 2023.
4. Страунинг Ю. А. Особенности преступности на Московском метрополитене // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов: сб. ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. Самара, 2024.

Информация об авторе:

Страунинг Юлия Анатольевна,
заместитель начальника кафедры криминологии

About the author:

Strauning Yuliya A.,
deputy head of the criminology department

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 27.05.2026; approved after reviewing 10.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-70-78
EDN: https://elibrary.ru/gtrlvc

РОДИЧЕВ МАКСИМ ЛЕОНИДОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
petrogradets@bk.ru
ORCID 0000-0002-9334-0682

СЛИВНИЙ АЛЕКСЕЙ АРТУРОВИЧ
ОМВД России
по Волховскому району Ленинградской области
(г. Волхов, Россия)
lexa19851@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *Актуальность борьбы с организацией незаконной миграции обусловлена проведением целенаправленных мероприятий по решению общегосударственных задач по противодействию нелегальной миграции.*

Постановка проблемы: несмотря на официальное признание государством высокой общественной опасности организации незаконной миграции и отнесение борьбы с ней к числу приоритетных задач правоохранительных органов, статистические данные свидетельствуют о широкой распространенности указанных преступлений и ежегодном росте их количества.

Цель исследования заключается в выявлении законодательных и правоприменительных проблем, возникающих в области противодействия организации незаконной миграции, а также в разработке теоретических положений оптимизации и повышения эффективности деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ.

Методы исследования: анализ нормативных правовых актов, регулирующих обеспечение миграционной политики в Российской Федерации, материалов оперативной, судебной и следственной практики по ст. 322.1–322.3 УК РФ, информационно-аналитических и справочных материалов, представленных ГУЭБиПК МВД России, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также статистических данных о состоянии преступности.

Результаты и ключевые выводы. Возникшая в начале 2025 года необходимость легализации в короткие сроки большого количества иностранных граждан привела к возрастанию спроса в 2025 году на криминальные услуги по их легализации, что, в свою очередь, привело в указанный период к росту количества фактов организации незаконной миграции. Выделены наиболее распространенные способы совершения преступлений, связанных с легализацией иностранных граждан в Российской Федерации.

Ключевые слова: *нелегальная миграция, организация незаконной миграции, миграционная политика, иностранные граждане, фиктивное трудоустройство, аутстаффинг, подделка документов, способы легализации мигрантов, правоохранительные органы*

Для цитирования: *Родичев М. Л., Сливний А. А. Организация незаконной миграции в Российской Федерации: современное состояние и проблемы взаимодействия // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 70–78; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-70-78.*

© Родичев М. Л., Сливний А. А., 2026.

RODICHEV MAXIM L.
phd in law, associate professor
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

SLIVNY ALEXEY A.
OMVD of Russia
for the Volkhovsky district of the Leningrad Region
(Volkhov, Russia)

THE ORGANIZATION OF ILLEGAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PROBLEMS OF COUNTERACTION

Abstract. *The relevance of the fight against the organization of illegal migration is due to the implementation of targeted measures to address national challenges related to illegal migration.*

The problem statement: despite the official recognition of the high public danger posed by the organization of illegal migration and the prioritization of combating it by law enforcement agencies, statistical data indicate the widespread occurrence of these crimes and their annual increase.

The purpose of the study is to identify legislative and law enforcement issues related to combating the organization of illegal migration, as well as to develop theoretical provisions for optimizing and improving the effectiveness of activities aimed at identifying, preventing, suppressing, and solving crimes under Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Research methods: analysis of regulatory legal acts governing the implementation of migration policy in the Russian Federation/

Results and key conclusions. The need to legalize a large number of foreign citizens in a short period of time in early 2025 led to an increase in demand for criminal services related to the legalization of foreign citizens in 2025, which in turn led to an increase in the number of cases of illegal migration during this period. The most common methods of committing crimes related to the legalization of foreign citizens in the Russian Federation have been identified.

Keywords: *illegal migration, organization of illegal migration, migration policy, foreign citizens, fake employment, outstaffing, document forgery, methods of migrant legalization, law enforcement agencies*

For citation: *Rodichev M. L., Slivny A. A. The organization of illegal migration in the Russian Federation: current state and problems of counteraction // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 70–78; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-70-78.*

В настоящее время организация эффективного противодействия нелегальной миграции является актуальной проблемой для правоохранительных органов Российской Федерации.

Данное обстоятельство отмечается и в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы[1], в которой, в том числе, закреплена и такая задача миграционной политики, как совершенствование механизмов и средств предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства (пп. «б» п. 28)[2].

Значительное количество ежегодно выявляемых фактов организации незаконной миграции свидетельствует о наличии системных проблем в механизме контроля за легализацией иностранных граждан в Российской Федерации (далее – РФ), в том числе в деятельности правоохранительных органов по борьбе с организацией незаконной миграции.

Проблематикой борьбы с нелегальной миграцией занималось значительное количество российских и зарубежных ученых, среди которых необходимо выделить: А. В. Богданова и Е. Н. Хазова [1, 2, 3, 4], А. И. Бородича [5], А. В. Каунова [6],

[1] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335/ (дата обращения: 13.11.2025).

[2] Там же.

Р. В. Комарова [7], М. Г. Решняк [8], К. В. Суняеву [9] и Т. Н. Уторову [10].

Вместе с тем работы указанных и некоторых иных ученых в большей степени посвящены вопросам противодействия незаконной миграции, нежели проблематике борьбы с ее организацией.

Авторами настоящей работы проведено исследование проблем противодействия органами внутренних дел РФ организации незаконной миграции, которое позволило определить некоторые современные особенности совершения указанных преступлений, а также разработать рекомендации по решению отдельных проблем противодействия.

Статистические данные о состоянии преступности свидетельствуют о широкой распространенности фактов организации незаконной миграции.

Так, выявлено преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ «Организация незаконной миграции»: в 2021 г. – 926 (+25,6 % к АППГ), в 2022 г. – 1 081 (+16,7 % к АППГ), в 2023 г. – 1 941 (+79,6 % к АППГ), в 2024 г. – 3 320 (+71 % к АППГ), в 2025 г. – 3 998 (+20,4 % к АППГ)[1].

Таким образом, за период с 2021 по 2025 год количество выявленных фактов организации незаконной миграции увеличилось более чем в 4,3 раза, при этом усматривается тенденция к дальнейшему росту количества указанных преступлений.

Большая часть общего количества выявленных фактов организации незаконной миграции квалифицируется по ч. 2 ст. 322.1 УК РФ (совершенная группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо в целях совершения преступления на территории РФ, либо лицом с использованием своего служебного положения).

Например, из выявленных в 2025 году 3 998 преступлений рассматриваемой категории, по ч. 2 ст. 322.1 УК РФ квалифицировано 2 293[2].

Основной предпосылкой распространенности организации незаконной миграции является большое количество находящихся в РФ иностранных граждан, нуждающихся в легализации своего статуса.

Так, по данным МВД России, только в течение 2022–2023 гг. и первого квартала 2024 г. в органы внутренних дел обратилось более 5 млн иностранных граждан, обязанных подтвердить владение русским языком и имеющих соответствующие сертификаты, из них: 4,4 млн – о выдаче патента, 278 тыс. – о выдаче разрешения на временное проживание или вида на жительство, 442 тыс. – о приеме в гражданство РФ[3].

В ходе приема и рассмотрения указанных заявлений выявлено порядка 13,8 тыс. иностранных граждан, не владеющих русским языком и имеющих соответствующие сертификаты[4]. Основная доля таких граждан приходится на лиц, обращающихся с заявлением о выдаче патента (12,9 тыс., 93,5 %)[5].

30 декабря 2024 г. был издан Указ Президента Российской Федерации от № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки»[6], который предписывал иностранным гражданам, подлежащим включению в реестр контролируемых лиц, легализоваться или выехать из России до 30 апреля 2025 г.

Впоследствии указанный срок легализации иностранных граждан был продлен на основании Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2025 № 272[7] до 10 сентября 2025 г.

---

[1] Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Сводный отчет по России о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за 2025 год // Портал ведомственной правовой статистики (дата обращения: 14.04.2026).

[3] О взаимодействии с Рособрнадзором: указание МВД России от 25.06.2024 № 1/7387 // ИСОД МВД России.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки: Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2024 № 1126 // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411137973/ (дата обращения: 13.11.2025).

[7] О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки»: Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2025 № 272 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-28042025-n-272-o-vnesenii/ (дата обращения: 13.11.2025).

Наличие в РФ большого количества иностранных граждан, нуждающихся в легализации своего статуса, с одной стороны, и необходимость их легализации в сжатые сроки, с другой стороны, позволяют выдвинуть предположение о возросшем спросе в 2025 году на криминальные услуги по легализации иностранцев, в том числе по незаконному получению сертификата о знании русского языка, истории и законодательства РФ.

Очевидно, что ситуация была наиболее острой в первом квартале 2025 г., поскольку законодательством от иностранных граждан требовалась легализация их правового статуса фактически в течение трех месяцев.

Легализация имеющегося в РФ количества иностранных граждан в указанные сроки была невозможна как по объективным причинам (ограниченные возможности подразделений по вопросам миграции по приему и обработке документов, ограниченные возможности образовательных организаций обучить всех нуждающихся иностранных граждан знаниям русского языка, истории и законодательства РФ и т. д.), так и по субъективным причинам (например, сложностью выучить русский язык в указанные сроки, особенно, если проблема возникла внезапно).

Наличие указанных и иных обстоятельств, свидетельствующих об невозможности легализации имеющегося количества в Российской Федерации иностранных граждан в первоначальные сроки (до 30 апреля 2025 г.), подтверждается и последующим продлением срока легализации до 10 сентября 2025 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возникшая в начале 2025 года необходимость легализации в короткие сроки большого количества иностранных граждан привела, с высокой степенью вероятности, к возрастанию спроса в 2025 году на криминальные услуги по легализации иностранных граждан, в том числе по незаконному получению сертификата о знании русского языка, истории и законодательства Российской Федерации, что, соответственно, привело в указанный период к росту количества фактов организации незаконной миграции.

Данный вывод подтверждается и статистическими данными: в 2025 году выявлено 3 398 преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ[1]. Указанное количество является максимально большим за период с 2021 года по настоящее время.

Представляется, что 2025 и 2026 годы – периоды выявления максимального количества фактов организации незаконной миграции за последние годы, после чего мы прогнозируем тенденцию к ежегодному уменьшению количества указанных преступлений.

Данный прогноз обусловлен следующими обстоятельствами:

– в 2025 году у большого количества иностранных граждан возникла необходимость в легализации на территории РФ в относительно короткие сроки, что привело к резкому увеличению количества фактов организации незаконной миграции;

– в силу Указа Президента Российской Федерации от 30.12.2024 № 1126, в течение 2025 года большое количество иностранных граждан было вынуждено пройти необходимые процедуры легализации, в результате чего впоследствии сильно сократилось количество лиц, нуждающихся в легализации своего статуса, по указанной причине в 2026 году значительно уменьшится спрос на криминальные услуги организаторов незаконной миграции;

– по указанным причинам, в общем объеме фактов организации незаконной миграции, выявленных в 2026 году, значительная доля будет приходиться на преступления, совершенные в 2025 году;

– ужесточение государственной миграционной политики, иные меры, предпринимаемые государством, также повлияют на сокращение количества преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ, в период с 2026 по 2027 год.

Следует обратить внимание на незначительное количество фактов пресечения организации незаконной миграции на стадии приготовления или покушения. Например, в 2025 году выявлено всего 16 фактов квалификации организации незаконной миграции на указанных стадиях[2].

Наиболее распространенными в Российской Федерации способами организации незаконной миграции являются:

1) фиктивное трудоустройство;
2) фиктивная регистрация по месту пребывания;
3) подделка документов, предоставляющих миграционный статус;
4) неправомерная выдача сертификатов о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации;
5) заключение брака;
6) приглашение на обучение.

[1] Сводный отчет по России о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за 2025 год // Портал ведомственной правовой статистики (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Там же.

Из указанных видов совершения организации незаконной миграции, на наш взгляд, наибольшую общественную опасность представляют фиктивные регистрация по месту пребывания и трудоустройство, поскольку они обеспечивают легализацию значительно большего количества иностранных граждан по сравнению с остальными способами.

Фиктивный брак, а также фиктивное приглашение на обучение, хотя и выявляются в ряде регионов Российской Федерации, по объективным причинам (относительно небольшое количество лиц, соглашающихся стать фиктивными супругами; ограниченные возможности учебных заведений по набору иностранных студентов и т. д.) не позволяют легализовать сопоставимое, например, с фиктивным трудоустройством количество иностранных граждан.

Представляется целесообразным рассмотреть такой способ организации незаконной миграции, как фиктивные регистрация по месту пребывания и (или) трудоустройство, более подробно.

На первоначальном этапе преступники образуют одно или несколько юридических лиц. Достаточно часто учредителями (участниками) и (или) руководителями органов управления указанных юридических лиц являются подставные лица.

Созданное преступниками юридическое лицо начинает заниматься организацией аутстаффинга, под которым понимается подбор и поставка работников – иностранных граждан – заказчикам, к числу которых, как правило, относятся крупные компании (как правило, организации, осуществляющие деятельность в сфере логистики, клининга, доставки, потребительского рынка, строительные компании и др.).

В целях обеспечения деятельности аутстаффинговых агентств преступники также создают медицинские организации, имеющие право проводить медицинские освидетельствования иностранных граждан, а также юридические компании, специализирующиеся на оказании услуг в области миграционного законодательства.

Следует отметить, что достаточно часто созданные организаторами незаконной миграции аутстаффинговые агентства, медицинские и юридические организации располагаются в непосредственной близости друг от друга.

Преступники, с использованием указанных организаций, оформляют иностранным гражданам фиктивные регистрации по месту пребывания, легализуют их статус на территории РФ, а затем оформляют их в качестве работников аутстаффингового агентства, которое, в свою очередь, предоставляет их в качестве рабочей силы заказчикам, чаще всего субъектам среднего и крупного бизнеса.

Типичным примером совершения организации незаконной миграции рассматриваемым способом являются действия обвиняемых по ч. 3 ст. 322.1 УК РФ сотрудников ООО «Лидер Консалт», расположенного в г. Санкт-Петербурге[1].

В ходе следствия установлено, что сотрудники ООО «Лидер Консалт» создали более 80 организаций, в каждую из которых формально было трудоустроено в среднем около 5 тыс. иностранных граждан.

Кроме того, следствием установлено, что никакую реальную хозяйственную деятельность указанные организации не вели и были образованы исключительно для минимизации рисков и правовых последствий при трудоустройстве мигрантов.

Следует отметить, что в ходе расследования указанных преступлений экспертами Санкт-Петербургского государственного университета в области трудового, гражданского и миграционного права проведена комплексная экспертиза, на которую в качестве объектов исследования была представлена трудовая документация, заключенная между фирмами, выступавшими работодателями мигрантов, и самими мигрантами. Экспертиза показала, что указанные документы являются юридически ничтожными.

Следует отметить факт выявления аналогичного преступления в г. Москве. Так, в ходе реализации совместных материалов оперативно-разыскной деятельности ОВД и ФСБ России, СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве 6 августа 2024 г. было возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ в отношении 8 членов организованной группы, которые в целях легализации более 51 тыс. иностранных граждан оформили фиктивные трудовые договоры с 75 юридическими лицами[2].

С учетом того, что рассматриваемый способ организации незаконной миграции представляет наибольшую общественную опасность, поскольку позволяет легализо-

[1] Информационно-справочные материалы ГУЭБиПК МВД России, исх. № 7/1-12728 от 05.06.2025.
[2] Там же.

вать максимальное количество иностранных граждан, одним из наиболее перспективных направлений деятельности по противодействию незаконной миграции в настоящее время должно быть выявление противоправной деятельности аутстаффинговых агентств.

Из-за высокой распространенности легализации иностранных работников указанным способом и доводами стороны защиты о законности подобных схем, правоохранительным органам целесообразно получить в судах обвинительные приговоры по упомянутым выше уголовным делам и в дальнейшем использовать их в качестве прецедентов.

Кроме того, поскольку официальными работодателями иностранных граждан зачастую являются юридические лица, учредителями которых являются подставные лица, необходимо обеспечивать привлечение виновных лиц к уголовной ответственности не только за организацию незаконной миграции по ст. 322.1 УК РФ, но и за незаконное образование юридического лица по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ.

Следует отметить значительную роль коррупционной составляющей при организации незаконной миграции, что подтверждается и материалами следственной практики.

Так, например, в 2025 году сотрудниками ОВД и ФСБ России выявлен факт получения взятки в размере 250 тыс. рублей начальником отдела нормативно-правового регулирования в сфере миграции и языковой политики Правового департамента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от директора Международного центра языкового тестирования и образовательной подготовки мигрантов ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы им. Патриса Лумумбы» за непринятие мер ответственности в случае выявления нарушений в деятельности центра. По данному факту ГСУ СК России по г. Москве 29.01.2025 возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 5 ст. 290, п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ[1].

Среди изученных материалов практики выявлялись факты соучастия в организации незаконной миграции сотрудников отделов ЗАГС, подразделений по вопросам миграции, ФГУП «Паспортно-визовый сервис» МВД России, участковых уполномоченных, сотрудников оперативных подразделений, руководства органов внутренних дел, а также сотрудников образовательных организаций, уполномоченных выдавать сертификаты о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации.

Следует отметить, что последняя категория лиц (сотрудники образовательных организаций), как правило, входила в состав преступных сообществ или организованных групп, преступная деятельность которых имела серийный характер и характеризовалась значительными объемами.

Так, например, в 2024 году в Москве и в Санкт-Петербурге были выявлены преступные сообщества, организовавшие незаконную выдачу нескольким тысячам иностранных граждан сертификатов о владении русским языком[2].

В указанных случаях в число соучастников преступной деятельности входили сотрудники ведущих государственных российских университетов[3].

В связи с решением Минобрнауки России о расторжении с 1 мая 2024 г. договоров с коммерческими организациями, МВД России подготовлено и направлено в Минобрнауки России предложение о расширении перечня высших учебных заведений (по состоянию на май 2024 г. – 13), уполномоченных принимать экзамены и выдавать сертификаты, в целях устранения предпосылок для новых форм коррупционных правонарушений, обусловленных посредничеством региональных учебных заведений в данной деятельности, устранения монополии отдельных уполномоченных выдавать сертификаты образовательных организаций и обеспечения необходимого территориального охвата.

Указанное предложение было поддержано Минобрнауки России и в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.12.2024 № 3641-р[4], количество государственных образовательных учреждений, уполномоченных

[1] Информационно-справочные материалы ГУЭБиПК МВД России, исх. № 7/1-12728 от 05.06.2025.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Об утверждении перечня государственных учреждений, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 10.12.2024 № 3641-р // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410984682/ (дата обращения: 13.11.2025).

принимать экзамены и выдавать сертификаты, было увеличено с 13 до 92.

В настоящее время в каждом субъекте Российской Федерации находится, как правило, одно указанное учреждение.

Вместе с тем монопольное предоставление указанных услуг в каждом регионе только одним государственным учебным заведением, на наш взгляд, образует риски коррупциогенного характера.

В целях их снижения было бы целесообразно расширить перечень государственных образовательных учреждений высшего образования, проводящих соответствующие экзамены, с учетом количества проживающих в регионе мигрантов и наличия в регионе учреждений, осуществляющих образовательную деятельность в области преподавания русского языка, истории России и права.

Так, например, в Санкт-Петербурге к числу указанных образовательных учреждений относятся Санкт-Петербургский государственный университет, НИУ «Высшая школа экономики» и Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, при этом в перечень государственных учреждений, принимающих экзамен у иностранных граждан по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации, включен только последний.

Аналогичная проблема существует и в Москве, которая представлена единственным учреждением – ГАОУ ДПО г. Москвы «Московский центр качества образования» (осуществляет прием экзаменов на единственной площадке – г. Москва, поселение Вороновское, Варшавское шоссе, 64-й км, домовладение 1, строение 47), а также и в других крупных городах.

Изучение практики проведения экзаменов у иностранных граждан позволило нам выявить проблему ограниченного круга вопросов, которые не меняются длительный период времени и по этой причине широко известны в среде иностранных граждан.

Это приводит к тому, что значительная доля экзаменуемых, зная ответы на вопросы, успешно сдает экзамены без изучения, и соответственно, без реального знания русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации.

С учетом вышеизложенного необходимо регулярно обновлять содержание и увеличивать количество вариантов контрольных измерительных материалов иностранным гражданам, используемых на экзаменах.

Во взаимодействии с Рособрнадзором МВД России разработан порядок (алгоритм) реагирования территориальных органов внутренних дел при выявлении факта отсутствия минимального уровня владения русским языком иностранными гражданами, имеющими соответствующие сертификаты.

Данный алгоритм, позволяющий обеспечить фактическую доказательную основу для направления Рособрнадзором предостережений образовательным организациям, уполномоченным выдавать сертификаты, включает:

– опрос иностранного гражданина и сопровождающих его лиц с видеофиксацией и фотографированием данной процедуры;

– заполнение специальной опросной формы (акта), разработанной ГУВМ МВД России;

– информирование посредством системы МЭДО Рособрнадзора о выявленном факте невладения иностранным гражданином, имеющим сертификат, русским языком, с приложением копии сертификата и иных полученных материалов.

Указание МВД России от 26 июня 2024 г. № 1/7387, содержащее приведенный выше алгоритм, направлено для применения в территориальные органы внутренних дел.

Таким образом, в результате проведенного исследования деятельности по противодействию организации незаконной миграции, можно сделать следующие выводы.

1. Возникшая в начале 2025 года необходимость легализации в короткие сроки большого количества иностранных граждан привела к возрастанию спроса в 2025 году на криминальные услуги по легализации иностранных граждан, что, в свою очередь, привело в указанный период к росту количества фактов организации незаконной миграции.

Представляется, что 2025 и 2026 годы – периоды выявления максимального количества фактов организации незаконной миграции за последние годы, после чего количество указанных преступлений будет ежегодно уменьшаться.

2. Правоохранительные органы в подавляющем большинстве случаев начинают противодействие организации незаконной миграции тогда, когда указанная преступная деятельность продолжается длительный период времени.

3. Противодействие организации незаконной миграции в настоящее время осложняется использованием преступниками «серых» схем легализации иностранных граждан, не имеющих видимый криминальный характер.

Наиболее распространенными способами совершения преступлений, связанных с легализацией иностранных граждан в Российской Федерации, являются: подделка документов, предоставляющих миграционный статус; неправомерная выдача сертификатов о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации; фиктивные трудоустройство, заключение брака, регистрация по месту пребывания, а также приглашение на обучение.

С учетом того, что такие способы организации незаконной миграции, как фиктивные трудоустройство и регистрация по месту пребывания, представляют наибольшую общественную опасность, поскольку позволяют легализовать максимальное количество иностранных граждан, одним из наиболее перспективных направлений деятельности по противодействию незаконной миграции в настоящее время должно быть выявление противоправной деятельности аутстаффинговых агентств.

Поскольку формальными работодателями иностранных граждан являются организации, учредителями которых являются подставные лица, необходимо обеспечивать привлечение виновных лиц к уголовной ответственности не только за организацию незаконной миграции по ст. 322.1 УК РФ, но и за действия, связанные с незаконным образованием юридического лица, по ст. 173.1. и 173.2 УК РФ.

4. С учетом значительной коррупционной составляющей при организации незаконной миграции, целесообразно при выявлении и расследовании преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ, проводить работу по выявлению должностных лиц – соучастников преступной деятельности.

5. Прием экзаменов у иностранных граждан только одним государственным учебным заведением потенциально образует риски коррупциогенного характера.

В целях их снижения, а также повышения доступности государственных услуг было бы целесообразно расширить перечень государственных образовательных учреждений, проводящих соответствующие экзамены, с учетом количества проживающих в регионе мигрантов и наличия в регионе указанных организаций, осуществляющих образовательную деятельность в области преподавания русского языка, истории России и права.

6. Необходимо регулярно обновлять содержание и увеличивать количество вариантов контрольных измерительных материалов иностранным гражданам, используемых на экзаменах.

7. Представляется целесообразным нормативно закрепить минимальный срок для повторной сдачи экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации.

Список источников

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Уткин Н. И. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1 (66). С. 73–79.
2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В. Влияние миграционной ситуации в России на экстремизм и терроризм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 97–108.
3. Богданов А. В., Венидиктов М. И., Хазов Е. Н. Миграционная политика России: проблемы и предложения по их решению // Международный журнал конституционного и государственного права. 2024. № 2. С. 5–11.
4. Богданов А. В., Венидиктов М. И., Хазов Е. Н. Противодействие незаконной миграции правоохранительными органами в России // Международный журнал гражданского и торгового права. 2024. № 2. С. 5–11.
5. Бородич А. И., Подупейко А. А. Международное сотрудничество по противодействию организации незаконной миграции // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2019. № 2 (38). С. 176–180.
6. Каунов А. В. Противодействие организованным преступным группам, совершающим противоправную деятельность в сфере организации незаконной миграции // Вестник Все-

российского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 3 (71). С. 42–46.
7. Комаров Р. В. Проблема выявления нелегальных мигрантов на территории Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 3 (51). С. 111–116.
8. Решняк М. Г., Борисов С. В., Гладких В. И. Противодействие организации незаконной миграции в Российской Федерации: новый вектор развития уголовного законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 263–271.
9. Суняева К. В. Противодействие организации незаконной миграции как направление обеспечения национальной безопасности // Научный Лидер. 2023. № 47 (145). С. 178–180.
10. Уторова Т. Н. Уголовно-правовое противодействие организации незаконной миграции: современное состояние, проблемы и пути решения // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 1-1. С. 200–206.

Информация об авторах:

Родичев Максим Леонидович,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД;
Сливний Алексей Артурович,
начальник

About the authors:

Rodichev Maxim L.,
associate professor of the department of operational investigative activities at the department of internal affairs;
Slivny Alexey A., *head*

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 02.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-79-83
EDN: https://elibrary.ru/vifshi

ГОЛУБОВСКИЙ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
ORCID: 0000-0002-0587-2620

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА)

Аннотация. *В статье отмечается, что в советский период развития науки уголовно-процессуального права нет единства в научных подходах относительно реализации принципа состязательности. В процессе проведенного исследования установлено, что одни ученые вовсе отвергают его наличие, другие ограничиваются лишь обозначением существующей проблемы, третьи рассматривают анализируемый принцип применительно лишь к судебным стадиям уголовного процесса. Значение принципа состязательности в советский период развития государства, его содержание и роль нельзя исследовать только на теоретическом уровне. Недостаточная разработанность проблемы нередко приводила к серьезным следственным и судебным ошибкам, к обвинительному уклону советского уголовного процесса.*

Автором установлено, что, несмотря на формальное признание, состязательность в советском уголовном процессе была ограничена и не в полной мере соответствовала классическому пониманию этого принципа.

Ключевые слова: *доказательства, предварительное расследование, равноправие участников, состязательность, стадии*

Для цитирования: *Голубовский В. Ю. Некоторые вопросы принципа состязательности в советском уголовном процессе (теория и практика) // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 79–83; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-79-83.*

GOLUBOVSKY VLADIMIR YU.
doctor of law, professor
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

SOME ISSUES OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN SOVIET CRIMINAL PROCEDURE (THEORY AND PRACTICE)

Abstract. *The article notes that during the Soviet period of development of criminal procedural law, there was no consensus in scholarly approaches regarding the implementation of the adversarial principle. The study revealed that some scholars reject its existence entirely, others limit themselves to merely identifying the existing problem, and still others consider the principle under analysis only in relation to the judicial stages of criminal proceedings. The significance of the adversarial principle in the Soviet period of state development, its content, and role cannot be studied solely at the theoretical level. Insufficient understanding of this issue often led to serious investigative and judicial errors, as well as to an accusatory bias in Soviet*

© Голубовский В. Ю., 2026.

criminal proceedings. The author has established that, despite formal recognition, adversarial proceedings in Soviet criminal proceedings were limited and did not fully comply with the classical understanding of this principl.

Keywords: *evidence, preliminary investigation, equality of participants, adversarial proceedings, stages*

For citation: *Golubovsky V. Yu. Some issues of the adversarial principle in soviet criminal procedure (theory and practice // Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2 (78). С. 79–83; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-79-83.*

Важнейшим свойством принципов советского уголовного процесса является их правовой характер. Права и свободы человека могут быть обеспечены лишь при надлежащей правовой защите суверенитета, конституционного строя государства [3, с. 56]. Независимо от того, находят ли принципы советского уголовного процесса свое непосредственное выражение во всех или в некоторых из них (например, гласность, независимость судей и подчинение их только закону), они выражают своим содержанием наиболее типичное для всей системы советского уголовного процесса.

Следует согласиться с мнением тех ученых, которые указывают на то, что объективные закономерности современного состояния принципов уголовного процесса, а равно перспективы их дальнейшего развития невозможно определить, ограничив изучаемый предмет жесткими временными рамками [1, с. 263].

Некоторые текстуально закреплены в Конституции СССР[1], например принцип гласности и обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 111); принцип национального языка судопроизводства (ст. 110). Отдельные принципы, несмотря на то, что текстуально не закреплены в Конституции СССР, органически из нее вытекают.

Все органы государства в советское время обеспечивали охрану правопорядка, интересов, прав и свобод граждан [2, с. 80].

Принципы советского уголовного процесса являлись результатом соответствующего волеизъявления законодателя, что составляло их субъективное свойство, но лишь волеизъявления, которое основано на полном и всестороннем учете объективных закономерностей советского социалистического общества, в этом состояло их объективное свойство. Именно в силу объективных закономерностей советский уголовный процесс можно охарактеризовать гласным, устным, непосредственным, обеспечивающим обвиняемому право на защиту.

Ограничение вопроса о системе уголовно-процессуальных принципов только их взаимосвязью и взаимообусловленностью неверно. Любая научная система имеет в виду сведение к единству определенных положений под каким-нибудь одним или несколькими классификационными основаниями. Система принципов советского уголовного процесса представляла собой известную классификацию применительно к особенностям, объективно им присущим. Только в своем единстве, выражающем подлинный демократизм и гуманизм уголовного судопроизводства, все принципы уголовного процесса составляли реальную гарантию достижения задач советского уголовного судопроизводства.

Несоблюдение принципов советского уголовного процесса несло в себе сомнения относительно достижения задач уголовного судопроизводства, что означало существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее по общему правилу отмену или изменение актов уголовного судопроизводства.

Строгович М. С., исследовав вопрос относительно социалистического характера принципа состязательности, отмечал, что определяющее и решающее значение для всей системы уголовного процесса имеет принцип состязательности, поскольку им определяется положение субъектов процесса, их права и обязанности и взаимоотношения друг с другом и с судом [8, с. 103].

Рассмотрение принципа состязательности как одного из основных принципов советского уголовного процесса породило достаточно неоднозначные научные дискуссии среди ученых.

[1] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 10.02.2026).

Например, Л. Н. Гусев указывал на то, что было бы совершенно неправильным преувеличивать значение состязательности и возводить ее в одно из основных начал [4, с. 44].

В 50–70-е годы прошлого столетия такое противопоставление нельзя считать оправданным. Попытки отрицания состязательности, основанные на чисто идеологических мотивах, бесперспективны.

Уголовно-процессуальное законодательство не содержало термина «состязательность», отсутствовала норма, которая была бы посвящена данному принципу, что порождало выступать против принципа состязательности.

Например, И. Х. Якуб отстаивал мнение о том, что нельзя считать закрепленными в законе положения, которые там как таковые не сформулированы, а вытекают из ряда норм [10, с. 61]. В данном случае речь идет о формальном подходе к пониманию принципа уголовного процесса.

Вместе с тем следует поддержать позицию Т. Н. Добровольской, которая акцентировала внимание на том, что различие в приемах законодательного закрепления не может служить основанием для признания или непризнания принципа процесса [5, с. 17].

В общей теории права возможность логического выведения принципов права и правосудия из более конкретных норм никогда не подвергалась сомнению. В противном случае речь бы шла об отсутствии в уголовном процессе презумпции невиновности, так как содержание этого принципа также выводится из ряда норм уголовно-процессуального закона, и даже об отсутствии принципа публичности, в законе также отсутствует данный термин. В то же время следует признать, что наличие в тексте закона специальной нормы, формулирующей принцип состязательности, способствовало бы устранению споров, затрагивающих в основном терминологию и технику изложения уголовно-процессуального закона.

Отрицая наличие принципа состязательности в советском уголовном процессе, К. Ф. Скворцов писал: «Фундаментом состязательности, по мнению большинства процессуалистов, является наличие сторон, противоборствующих в споре. До 1959–1960 гг. были юридические основания говорить о состязательности в нашем уголовном процессе: УПК РСФСР 1923 г.[1] содержал понятие «стороны» [7, с. 34].

Советский уголовно-процессуальный закон использовал термин «участники процесса», в число которых включались прокурор, гражданский истец, гражданский ответчик, обвиняемый, защитник, потерпевший и его представители.

Согласно ст. 23 УПК 1923 г[2]. субъекты признавались сторонами в судебном разбирательстве. Термином «сторона» обозначали участника уголовного процесса, которого характеризуют следующие признаки: осуществление им одной из процессуальных функций; наличие у него процессуального интереса, равных процессуальных прав для выполнения возложенных на него процессуальных функций; наличие в процессе противной стороны; наличие суда, занимающего руководящее положение в процессе.

Принцип процессуального равноправия может быть понят не иначе как с учетом того, что «суд по существу есть третье лицо между двумя сторонами. Процессуальные формы должны быть так поставлены, чтобы в них была возможность этим сторонам защищать свои интересы» [6, с. 115].

Равным процессуальным правам указанных лиц соответствовали не одинаковые процессуальные обязанности. Прокурор поддерживал перед судом государственное обвинение. Если, однако, в результате судебного разбирательства он придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, прокурор обязан от обвинения отказаться (ст. 248 УПК РСФСР[3]). Защитник, наоборот, обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты. Он не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого (ст. 51 УПК РСФСР)[4].

Часть 1 ст. 51 УПК РСФСР[5] определяла, что защитник обязан использовать все ука-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Музей истории российских реформ имени. П. А. Столыпина: электронная библиотека: [сайт] // URL: http://museumreforms.ru/node/13986 (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Там же.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Там же.

[5] Там же.

занные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь. Задача защиты – полное или частичное опровержение обвинения.

Стороной, противостоящей защите, выступал обвинитель – прокурор. В соответствии со ст. 248 УПК РСФСР[1] прокурор поддерживал перед судом государственное обвинение. Задача прокурора – доказать суду обоснованность выводов предварительного расследования, изложенных в обвинительном заключении. Прокурор мог не присутствовать в судебном заседании, но и в таких случаях он оставался стороной обвинения: ведь именно им утверждается обвинительное заключение и направляется дело в суд. Противоположность интересов защитника и обвинителя, осуществление ими различных процессуальных функций предопределяет полемику, борьбу между ними, другие участники процесса в силу определенных процессуальных интересов примыкают к стороне защиты или обвинения.

Особое место в системе процессуальных функций занимал суд. Разделение процессуальных функций защиты, обвинения и разрешения дела – одна из основ состязательного уголовного процесса.

Другой основой состязательности процесса выступало равенство прав участников судебного разбирательства.

Статья 38 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик[2] (ст. 245 УПК РСФСР[3]) предоставляла обвинителю, подсудимому, защитнику, потерпевшему, а также гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям равные процессуальные права «по представлению доказательств, участию в «следовании доказательств и заявлению ходатайств». Законодатель наделял равными процессуальными правами не всех, а только некоторых участников судебного разбирательства.

Однако равенство сторон обвинения и защиты должно проявляться не только в способе исследования доказательств в судебном разбирательстве. Подобная трактовка ведет к ограничению действия принципа состязательности в уголовном процессе.

Задачи, стоящие перед органами предварительного расследования, заключаются во всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, в установлении истины по делу. Их выполнение не может находиться вне общих закономерностей познания, поэтому правильно говорить о наличии состязательности и на стадии предварительного расследования.

Как представляется, в максимально возможной степени принцип состязательности реализуется при избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения по судебному решению [9, с. 177].

Элементы содержания принципа состязательности, разделение процессуальных функций защиты, обвинения, разрешения дела и равенство процессуальных прав участников процесса должны быть в полной мере осуществлены на стадии предварительного расследования. С допуском защитника к участию в деле с момента предъявления обвинения было усилено состязательное начало предварительного расследования. Однако в полной мере реализовать принцип состязательности на данной стадии это, конечно, не могло.

Логично возникали вопросы: о более четком разграничении функций обвинения и разрешения дела, например при прекращении уголовных дел следователем по нереабилитирующим основаниям; о процессуальном пояснении прокурора, осуществляющего в соответствии со ст. 211 УПК РСФСР[4] надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, выполняет ли прокурор функцию обвинения или обвинительной властью он наделяется только в судебном разбирательстве; вправе ли адвокат самостоятельно собирать доказательства, оправдывающие или смягчающие ответственность обвиняемого с проведением определенных

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25.12.1958 // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт] (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Там же.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 10.03.2026).

процессуальных действий, не дублируя при этом действия следователя.

Заслуживал внимания вопрос о предоставлении адвокатам по определенным категориям дел права проведения «адвокатского» расследования с составлением итогового документа и представлением его наряду с обвинительным заключением в суд.

Таким образом, состязательность как принцип уголовного судопроизводства охватывала в советский период все стадии процесса. В форме состязания равноправных субъектов, свободно отстаивающих свое мнение, реализовывались права, которыми пользовались стороны в силу принципа состязательности, что подтверждает наличие его в общей системе принципов уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Безруков С. С., Самоделкин А. С. О правомерности выделения принципов уголовного процесса Древней Руси // Вопросы истории. 2022. № 1-1.
2. Голубовский В. Ю. Процесс доказывания и оценка доказательств: советский и современный опыт // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 3.
3. Голубовский В. Ю. Процессуальная самостоятельность следователя: теория и практика // Oeconomia et Jus. 2025. № 3.
4. Гусев Л. Н. Конституционные принципы советского уголовного процесса // Ученые записки ВЮЗИ. М., 1958. Вып. VI.
5. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса: вопросы теории и практики. М.: Юрид. лит., 1971.
6. Калинин М. И. Вопросы советского строительства: статьи и речи (1919–1946). М.: Госполитиздат, 1958.
7. Скворцов К. Ф. Конституционные основы законодательства о прокуратуре СССР // Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, прокуратуре СССР и адвокатуре в СССР. Воронеж, 1981.
8. Строгович М. С. (1894–1984). Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности / проф. М. С. Строгович; Ин-т права Акад. наук СССР. М.: Юриздат, 1939.
9. Цоколова О. И., Безруков С. С. Проблемы реализации принципа состязательности при избрании мер пресечения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33.
10. Якуб М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 1.

Информация об авторе:

Голубовский Владимир Юрьевич,
главный научный сотрудник,
почетный сотрудник МВД России,
почетный работник высшего
профессионального образования

About the author:

Golubovsky Vladimir Yu.,
chief researcher, honorary employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
honorary worker
of higher professional education

Статья поступила в редакцию 01.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 01.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-84-88
EDN: https://elibrary.ru/jedwri

ГРИГОРЬЕВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ[1]
доктор юридических наук, профессор
Научно-исследовательский институт ФСИН России
(Москва, Россия)
grigorev.viktor@gmail.com

ТАРАСОВ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ
доктор юридических наук
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
(Москва, Россия)
tarasov0123@gmail.com
РИНЦ Author ID: 1062015; SPIN-код 3078-1349

ОТКАЗ РЯДА ГОСУДАРСТВ ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ В ВОПРОСАХ ЭКСТРАДИЦИИ ТЕРРОРИСТОВ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА ИЛИ СИСТЕМНАЯ ПРОБЛЕМА?

Аннотация. *В условиях изменившейся современной мировой геополитической ситуации стала заметной тенденция ряда иностранных государств к отказу от сотрудничества по выдаче разыскиваемых лиц, совершивших преступления террористического характера.*

Неисполнение зарубежными партнерами своих обязательств, прямо предусмотренных международными договорами, не только позволяет преступникам избежать уголовной ответственности за совершенные преступления, но и фактически создает угрозу национальной безопасности как для Российской Федерации, так и для самих стран, отказавших в выдаче террористов. В статье раскрывается суть изменившейся для Российской Федерации ситуации в современной международно-правовой обстановке, приводится анализ имеющихся проблем с точки зрения их системности и политической обусловленности. На основе проведенного исследования сформулированы некоторые предложения о том, как преодолеть сложившуюся негативную тенденцию и выработать адекватные пути противодействия.

Ключевые слова: *международный розыск, терроризм, политические преступления, выдача разыскиваемых, экстрадиция, Генпрокуратура России, МВД России, ФСИН России*

Для цитирования: *Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю. Отказ ряда государств от сотрудничества с Россией в вопросах экстрадиции террористов: политическая конъюнктура или системная проблема? // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 84–88; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-84-88.*

© Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю., 2026.

GRIGORIEV VICTOR N.
doctor of law, professor
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
(Moscow, Russia)

TARASOV MAXIM YU.
doctor of law
Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
(Moscow, Russia)

THE REFUSAL OF A NUMBER OF STATES TO COOPERATE WITH RUSSIA ON THE EXTRADITION OF TERRORISTS: POLITICAL CONJUNCTURE OR A SYSTEMIC PROBLEM?

Abstract. *In the changing global geopolitical environment, a number of foreign states have become increasingly reluctant to cooperate in the extradition of wanted individuals who have committed terrorist crimes.*

Failure by foreign partners to fulfill their obligations expressly stipulated by international treaties not only allows criminals to avoid criminal liability for their crimes but also creates a threat to national security for both the Russian Federation and the countries that have refused to extradite terrorists. This article explores the changing situation for the Russian Federation in the current international legal environment and analyzes the existing problems from the perspective of their systemic nature and political determinacy. Based on the conducted research, several proposals are formulated for overcoming the current negative trend and developing adequate countermeasures.

Keywords: *international wanted list, terrorism, political crimes, extradition of wanted individuals, extradition, Prosecutor General's Office of Russia, Ministry of Internal Affairs of Russia, Federal Penitentiary Service of Russia*

For citation: *Grigoriev V. N., Tarasov M. Yu. The refusal of a number of states to cooperate with Russia on the extradition of terrorists: political conjuncture or a systemic problem? // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 84–88; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-84-88.*

Накопив за свою историю огромную систему разносторонних знаний, мировое сообщество, к сожалению, не смогло создать надежного заслона против терроризма и экстремизма – явлений, превратившихся в серьезную проблему всего человечества. В современных условиях они превзошли рамки национальной проблемы не только отдельных государств, но и приобрели международные масштабы [1, с. 3].

Если ранее терроризм носил индивидуальный характер, то в настоящее время это хорошо организованные объединения, все чаще транснациональные, которые функционируют по четкому алгоритму. Подтверждением этому является террористическая атака на концертный зал «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г. в Красногорске [2, с. 141–145].

Вот почему активная борьба с преступлениями террористического характера и международное сотрудничество в этой сфере различных правоохранительных органов крайне важны и всегда актуальны.

Вместе с тем не все зарубежные партнеры, в особенности европейские, идут на сотрудничество в вопросах выдачи террористов и выносят решения об отказе в их экстрадиции по запросам российской стороны [3, с. 108–112].

В качестве обоснования таких отказов иностранные компетентные органы без приведения информации о конкретных нарушениях с нашей стороны ссылаются

на отсутствие уверенности в надежности гарантий Российской Федерации в соблюдении прав запрашиваемых лиц в связи с выходом России из Совета Европы и ЕСПЧ[1], а именно на то, что условия содержания в местах лишения свободы не будут соответствовать международным нормам [4, с. 14].

Так, Министерством юстиции Чешской Республики 16.11.2023 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19.06.2023 о выдаче В. Г. Акуева для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 208, ч. 2 ст. 205.5, ч. 4 ст. 205.1 УК РФ.

Причина отказа: на основании решения Городского (муниципального) суда г. Праги о несовместимости вопроса выдачи В. Г. Акуева с обязательствами Чешской Республики, вытекающими из других международных договоров[2].

Министерством юстиции и общественного порядка Республики Кипр 14.09.2023 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 08.02.2023 о выдаче А. М. Аушева для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 205.2, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ в связи с тем, что инкриминируемые ему преступления квалифицируются как политические, выдача за которые запрещена.

Министерством юстиции Боснии и Герцеговины 22.02.2024 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20.11.2023 о выдаче А. М. Ахмадова для привлечения к уголовной ответственности на основании постановления суда Боснии и Герцеговины от 07.02.2024, по мнению которого выдача не может быть удовлетворена в соответствии со ст. 34 Закона о международной правовой помощи по уголовным делам, по причине обращения А. М. Ахмадова с ходатайством о предоставлении ему убежища на территории данного государства.

Министерством юстиции Республики Польша 19.12.2024 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12.08.2024 о выдаче Ш. М. Абдулаева для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 208 (2 преступления), ч. 2 ст. 205.5, ст. 205.3 УК РФ на основании п. 1 и 2 статьи 3 Европейской конвенции о выдаче от 13.12.1957[3] «Политические преступления». По аналогичным основаниям Министерством юстиции Республики Польша 22.01.2025 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23.09.2024 о выдаче М. К. Нурмагомедова для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 208, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ.

Министерством юстиции Королевства Швеция 03.04.2025 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13.10.2022 о выдаче А. А. Аппаева для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 208 УК РФ на основании п. 2 ст. 3 Европейской конвенции о выдаче от 13.12.1957 «Политические преступления» и решения Верховного суда Швеции, установившего наличие препятствий к выдаче с учетом характера инкриминируемых ему преступлений.

Федеральным министерством юстиции Федеративной Республики Германия 18.02.2025 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23.01.2025 о выдаче В. Л. Волохонского для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2

[1] Россия официально прекратила членство в Совете Европы 15–16 марта 2022 г. и перестала быть стороной Европейской конвенции по правам человека с 16 сентября 2022 г. См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419072/ (дата обращения: 02.02.2026).

[2] Здесь и далее источником сведений о деятельности прокуратуры Российской Федерации и ее результатах являются ежегодно обобщаемые сводные данные об основных итогах работы Генеральной прокуратуры Российской Федерации в сфере международно-правового сотрудничества.

[3] Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) (с изм. от 20.09.2012) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121346/ (дата обращения: 02.02.2026).

ст. 205. 2, ч. 1 ст. 207. 3, ч. 1 ст. 280.3 УК РФ с формулировкой: «Выдача невозможна в силу внутригосударственного законодательства», что позволяет относить это решение к разряду политических.

Есть также ряд отказов, вызывающих обоснованные вопросы. Так, Министерством юстиции и общественного порядка Республики Кипр 27.12.2024 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19.08.2024 о выдаче Ш. Ш. Калаева для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 208 УК РФ на основании ст. 9 Европейской конвенции о выдаче от 13.12.1957, поскольку судом Антальи Турецкой Республики в отношении обвиняемого ранее вынесено оправдательное решение в связи с преступлением, по поводу которого запрашивается выдача.

Спрашивается, на каком основании турецкая сторона прекратила дело в отношении террориста, фактически освободив его от уголовной ответственности?

Или другой пример, опять связанный с Турцией. Министерством юстиции Турецкой Республики 25.03.2025 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29.01.2025 о выдаче К. С. Баталова для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, на основании того, что «фигурант покинул территорию Турции». Здесь возникает вопрос: как турецкая сторона могла беспрепятственно сначала впустить, а затем выпустить из страны боевика, находящегося в международном розыске?

Приведенные примеры ярко свидетельствуют о продолжающейся практике нарушения рядом стран своих обязательств, прямо предусмотренных международными договорами в сфере борьбы с терроризмом. Данные явно политизированные либо вызывающие обоснованные вопросы решения фактически позволяют террористам избежать уголовной ответственности за совершенные преступления и создают угрозу государственной и общественной безопасности, в том числе и в самих странах, отказавших в экстрадиции либо не задержавших преступников и не подвергших их уголовному преследованию.

К счастью, говорить о системной проблеме пока не приходится, с учетом имеющейся положительной практики выдачи другими государствами лиц за совершение общественно опасных деяний террористической и экстремистской направленности [5, с. 10–14].

Однако и «сидеть сложа руки» нельзя. Необходимо доводить до зарубежных коллег по дипломатическим каналам и на различных международных мероприятиях информацию о неконструктивном подходе к сотрудничеству в сфере экстрадиции, обращая внимание на необходимость выполнения своих международных обязательств. Кроме того, следует добиваться реализации важнейшего принципа международного права: «выдай либо суди», направляя, в случае отказов в выдаче, копии материалов уголовных дел в запрашиваемые страны с целью возбуждения уголовных дел и привлечения террористов к уголовной ответственности по национальному законодательству [6, с. 113–121].

Этому есть положительные примеры. Так, решением Земельного суда Вены по уголовным делам от 24.10.2023 отказано в удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24.08.2023 о выдаче А. С. Арустамяна для привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 208, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ в связи с тем, что, по мнению суда, имеются опасения, что Российская Федерация не выполнит свои международно-правовые обязательства и уголовный процесс не будет соответствовать принципам статей 3 и 6 Конвенции о защите прав и основных свобод от 04.11.1950[1].

Вместе с тем компетентными органами Австрии на основании материалов, представленных Генпрокуратурой России, было возбуждено уголовное дело по подозрению А. С. Арустамяна в совершении преступле-

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004). Начало действия редакции (за исключением изм., внесенных Протоколом от 11.05.1994 № 11) – 01.09.1998 // Собр. зак-ва РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

ний, за совершение которых запрашивалась его экстрадиция.

Таким образом, можно заключить, что отказ ряда зарубежных государств от сотрудничества с Россией в вопросах экстрадиции террористов – это все же не системная проблема, а всего лишь политическая конъюнктура, что само по себе не снимает ее обоюдной остроты в конкретных ситуациях. Очевидно, что неисполнение зарубежными партнерами своих обязательств, прямо предусмотренных международными договорами, не только позволяет преступникам избежать уголовной ответственности за совершенные преступления, но и фактически создает угрозу национальной безопасности не только для Российской Федерации, но и для самих стран, отказавших в выдаче террористов.

Список источников

1. Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие / И. Е. Елизаров, С. Я. Казанцев, В. Я. Кикоть [и др.]; под ред. В. Я. Кикотя, Н. Д. Эриашвили. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 592 с.
2. Токбаев А. А. Современный терроризм как реальная угроза обществу и государственности // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 4. С. 141–145.
3. Тарасов М. Ю., Ступаченко Е. В. Как страны Европейского Союза укрывают беглых преступников из России // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 1. С. 108–112.
4. Тарасов М. Ю. Экстрадиция и проверка условий в местах принудительного содержания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 5. С. 13–16.
5. Тарасов М. Ю. Действия зарубежных органов юстиции и правоохранительных органов в связи с объявлением в Российской Федерации лица в международный розыск // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 10–14.
6. Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю. Об основных результатах международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации и его перспективных направлениях в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 1. С. 113–121.

Информация об авторах:

Григорьев Виктор Николаевич,
ведущий научный сотрудник;
Тарасов Максим Юрьевич,
профессор кафедры
надзорной деятельности

About the authors:

Grigoriev Victor N.,
leading researcher;
Tarasov Maxim Yu.,
professor of the department
of supervision activities

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.*
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article.*
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2026; одобрена после рецензирования 09.03.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 15.02.2026; approved after reviewing 09.03.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-89-93
EDN: https://elibrary.ru/tyedan

КЛЕЩИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА[1]
доктор юридических наук, профессор
Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
(Москва, Россия)
Elena-kleshchina@mail.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕМУ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением. Анализируются как правовые, так и правоприменительные проблемы. Сделан вывод о том, что законодателем недостаточно уделено внимание вопросам возмещения вреда на стадии подготовки к судебному заседанию. К организационным проблемам отнесены такие, как: несвоевременность принятия мер в ходе производства по уголовному делу по возмещению вреда, причиненного преступлением; длительность сроков проверки сообщений о преступлениях; длительность сроков расследования уголовных дел. Для устранения организационных проблем обосновывается необходимость совершенствования ведомственного контроля и прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовным делам. В качестве еще одного инструмента в механизме возмещения вреда, причиненного преступлением, предложено создание на государственном уровне Фонда компенсации вреда жертвам преступлений.*

Ключевые слова: *потерпевший; вред, причиненный преступлением; возмещение вреда, причиненного преступлением; уголовное дело*

Для цитирования: *Клещина Е. Н. Возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением: вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 89–93; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-89-93.*

KLESCHINA ELENA N.
doctor of law, professor
Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev
(Moscow, Russia)

COMPENSATION TO THE VICTIM OF THE HARM CAUSED BY THE CRIME: ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Abstract. *The article discusses the problems of compensation for victims of harm caused by a crime. Both legal and organizational problems are analyzed. It is concluded that the legislator has not paid enough attention to the issue of compensation for harm at the stage of preparation for the court session. The organizational problems of compensation for harm caused by a crime include such as: the delay in taking measures to compensate for harm; the length of time required to verify reports of crimes; the length of time required to investigate criminal cases. In order to eliminate organizational problems, the necessity of improving departmental control and prosecutorial supervision in pre-trial criminal proceedings is substantiated. As another tool in the mechanism of compensation for harm caused by a crime, it is proposed to create a state-level Compensation Fund for Victims of Crime.*

© Клещина Е. Н., 2026.

Keywords: *the victim, the harm caused by the crime, compensation for the harm caused by the crime, the criminal case*

For citation: *Kleschina E. N. Compensation to the victim of the harm caused by the crime: issues of legislative regulation and law enforcement // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 89–93; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-89-93.*

Проблемам возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, в науке многие годы уделяется пристальное внимание. Вместе с тем на современном этапе в уголовном судопроизводстве эти проблемы остаются одними из ключевых.

Обязанность государства обеспечить потерпевшему компенсацию причиненного преступлением ущерба является конституционным предписанием (ст. 52 Конституции РФ), реализация которого должна обеспечиваться не только правовыми положениями, но и практикой возмещения вреда.

С учетом отмеченного возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением, является важнейшей задачей при производстве по уголовному делу.

Ежегодно совершенными преступлениями причиняется колоссальный вред. Так, например, по данным ГИАЦ МВД России, в 2025 году ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 767,8 млрд руб.[1]

На расширенном заседании коллегии МВД России (4 марта 2026 г.) Президент Российской Федерации В. В. Путин указал на необходимость активизировать возмещение ущерба потерпевшим от действий мошенников[2].

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин также отмечает, что возмещение вреда, причиненного преступлением, является одной из приоритетных задач ведомства. Как им было сказано, «за 15 лет Следственный комитет РФ направил в суд почти 1,5 млн уголовных дел. Сумма возмещенного на стадии следствия ущерба составляет более 1 трлн рублей. А в целях обеспечения компенсации причиненного ущерба и исполнения приговоров наложен арест на имущество обвиняемых на сумму почти 900 млрд рублей»[3].

Возмещение вреда, причиненного преступлением, при производстве по уголовному делу может осуществляться в различных формах. В качестве таковых может быть, например: обнаружение и возвращение дознавателем, следователем похищенного имущества потерпевшему; добровольное возмещение вреда подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или иными лицами; возмещение вреда в результате деятельного раскаяния и др.

Важным правом потерпевшего, направленного на возмещение вреда, причиненного преступлением, является заявление гражданского иска.

В УПК РФ предусмотрены меры процессуального принуждения, направленные на обеспечение гражданского иска и возмещения вреда потерпевшим.

Так, одной из таких мер является наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), которое применяется для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий, возможной конфискации имущества.

Следует отметить, что за период действия УПК РФ в эту статью вносились изменения и дополнения. В 2026 году статья была дополнена положениями, касающимися наложения ареста на цифровую валюту.

В 2025 году УПК РФ был дополнен ст. 115.2, предусматривающей новую меру процессуального принуждения «приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи».

В уголовно-процессуальном законе предусмотрено такое общее условие предварительного расследования, предусмотренное ст. 160.1 УПК РФ, как «меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий». Согласно рассматриваемой норме, если установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, а равно возможно применение мер по конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ либо за совершенное преступление предусмотрены наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания, следователь, дознаватель обязаны незамедлительно

[1] Состояние преступности в России за 2025 год // ГИАЦ МВД России.

[2] Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/79255 (дата обращения: 30.03.2026).

[3] Глава СК А. И. Бастрыкин: за 15 лет добились возмещения ущерба от преступлений на 1 трлн рублей // ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/interviews/26136899 (дата обращения: 30.03.2026).

принять меры по установлению указанного имущества.

Поскольку общие условия предварительного расследования являются правилами, обязательными для исполнения, то, соответственно, приведенное положение закона должно находить полную реализацию в практической деятельности при производстве по уголовному делу. Следователь, дознаватель обязаны принимать меры по установлению имущества в случаях, предусмотренных в статье.

Кроме того, укажем на ряд норм уголовного закона, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности. Так, в гл. 11 УК РФ установлены основания и условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в связи с возмещением ущерба (ст. 77). При этом в указанных нормах наряду с рядом условий общим является возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда. В пункте «к» ст. 61 УК РФ в качестве смягчающего обстоятельства предусмотрено «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему». Приведенные нормы стимулируют лицо, совершившее преступление, на возмещение вреда, причиненного преступлением. Таким позитивным действиям суды при постановлении приговора дают оценку и учитывают при назначении наказания. Приведем пример судебной практики. Так, 29 сентября 2025 г. Р., находясь в служебном помещении магазина «Магнолия», действуя из корыстных побуждений, открыл сейф ключом, находившимся в нем, и тайно похитил денежные средства, после чего скрылся. Тем самым причинил ущерб в крупном размере. Суд в приговоре указал на факт признания своей вины подсудимым, раскаяние в совершенном преступлении и в качестве смягчающего обстоятельства признал добровольное возмещение ущерба[1].

Обозначенные нормы уголовного и уголовно-процессуального законов указывают на то, что вопросы возмещения вреда в уголовном судопроизводстве находятся во внимании законодателя. Однако существенные проблемы остаются.

Одними из проблем возмещения вреда потерпевшим являются организационные проблемы, возникающие в деятельности дознавателей и следователей. Речь идет о тех случаях, когда в ходе производства по уголовному делу не предпринимается достаточных и своевременных мер по установлению имущества потерпевшего, например похищенного в результате преступления.

К рассматриваемым организационным проблемам следует, по нашему мнению, отнести, случаи недостаточного разъяснения процессуальных прав потерпевшему либо физическому или юридическому лицу, если имеются основания полагать что ему причинен имущественный вред преступлением. Проблема актуализируется тем, что потерпевший часто реализует свои процессуальные права самостоятельно, без участия представителя, являющегося адвокатом. Поэтому подробное разъяснение прав потерпевшему имеет важнейшее значение, что способствует активному его участию в уголовном судопроизводстве.

В 2025–2026 гг. нами было проведено анкетирование 120 дознавателей, следователей органов внутренних дел и 45 адвокатов по актуальным вопросам возмещения вреда потерпевшему. Большинство из респондентов, являющихся дознавателями и следователями, указывали на недостатки в деятельности по возмещению вреда, обусловленные большой загруженностью (98 %), несвоевременным заявлением потерпевшим гражданского иска (78 %), а также объективными причинами, связанными с тем, что, несмотря на предпринимаемые меры, возместить вред не представляется возможным (например: когда не удается установить похищенное имущество потерпевшего; когда подозреваемый или обвиняемый не могут возместить вред в силу неплатежеспособности или имеющихся материальных проблем).

Адвокатами, участвующими в качестве защитников и представителей по уголовным делам, в ходе анкетирования было обращено внимание на недостаточную активность дознавателей и следователей в деятельности по возмещению вреда, причиненного преступлением, а также на частные случаи неплатежеспособности обвиняемых (92 %).

О проблемах возмещения причиненного преступлением вреда потерпевшим акцентирует внимание в своем Докладе о деятельности за 2025 год Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова, указывая, что доля жалоб по вопросу возмещения вреда составила почти половину.

Как представляется, своевременному принятию мер, направленных на возмеще-

[1] Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 10.12.2025 № 1-609/2025.

ние вреда, причиненного преступлением, препятствуют длительные сроки проверки сообщения о преступлении и длительные сроки расследования уголовных дел.

О длительных сроках проверки сообщения о преступлении и в целом целесообразности стадии возбуждения уголовного дела в системе стадий уголовного судопроизводства в науке обращалось внимание многими учеными. Вместе с тем в настоящее время эти вопросы также остаются актуальными.

Длительные сроки проверки сообщения, бесспорно, препятствуют принятию своевременных мер по возмещению причиненного преступлением вреда, приводят к утрате доказательств. Следует учитывать, что основное предназначение и сущность этой стадии, как верно отмечается в научной литературе, «заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования» [1, с. 282]. В этой связи, как представляется, необходима ее оптимизация.

Длительные сроки расследования также являются препятствием реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Приведем пример. Заявитель был жестоко избит группой лиц еще в 2019 году. В результате ему была нанесена травма головы, он стал инвалидом II группы. При обращении в правоохранительные органы им были предоставлены сведения об этих лицах. Однако на протяжении 6 лет возбужденное уголовное дело так и не было направлено в суд. Виновные лица не были привлечены к ответственности, не были приняты меры по возмещению вреда, причиненного преступлением. Потерпевший для защиты своих прав обратился к Уполномоченному по правам человека в РФ. В ходе проверки обращения были выявлены нарушения, связанные с неполнотой предварительного расследования, многократном принятии необоснованных процессуальных решений о приостановлении предварительного следствия[1].

Представляется, что приведенная ситуация свидетельствует, в том числе, и о недостатках ведомственного контроля и прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовным делам.

Именно ведомственный контроль и прокурорский надзор являются важным инструментом в устранении организационных проблем возмещения вреда, причиненного преступлением в досудебном производстве. Устранение указанных недостатков возможно посредством принятия соответствующих ведомственных нормативных актов Генеральной прокуратурой РФ, МВД России, ФСБ России и Следственного комитета РФ, в которых необходимо предусмотреть вопросы организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением законодательства в части возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему. Соответственно, необходимы обобщение и анализ практики в связи с совершенствованием ведомственного контроля и прокурорского надзора.

Нами уже отмечалось, что при постановлении приговора судом дается оценка вопросам, связанным с возмещением вреда потерпевшему. Речь идет, в том числе, о тех случаях, когда вред уже возмещен потерпевшему обвиняемым или другими лицами, если наложен арест на имущество и т. д.

Однако, как представляется, законодателем недостаточно уделено внимание вопросу возмещения вреда на стадии подготовки к судебному заседанию. Так, в п. 5 ч. 1 ст. 228 УПК РФ предусмотрено, что по поступившему в суд уголовному делу судья выясняет в отношении каждого обвиняемого, приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, или возможной конфискации имущества, а также подлежит ли продлению срок ареста, наложенного на имущество. Малышева О. А. справедливо подчеркивает, что «исполнение данного законодательного установления закономерно влечет ряд вопросов, в частности, каковы пределы полномочий судьи при установлении факта непринятия дознавателем, следователем мер по обеспечению возмещения вреда, а также какие процессуальные действия должен выполнить и принять процессуальные решения судья при недостаточности принятия мер в досудебном производстве. В унифицированной форме уголовно-процессуальный закон не определяет содержание таких пределов, не закрепляет конкретизированный перечень действий и решений» [2, с. 227]. Как представляется, факт непринятия мер или недостаточного принятия мер по обеспечению возмещения вреда на рассматриваемой стадии уголовного процесса мог бы явиться основанием для возвращения уголовного дела прокурору. В этой связи необходимы соответствующие изменения в УПК РФ.

[1] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/0c28c26d-7d8b-490d-900f-97b81e3a58f1 (дата обращения: 30.03.2026).

По нашему мнению, в качестве еще одного инструмента в механизме возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением, следует рассматривать создание на государственном уровне Фонда компенсации вреда жертвам преступлений. В теории на протяжении последних десятилетий были обозначены позиции о необходимости его создания и функционирования [3].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова полагает, что необходим механизм возмещения ущерба потерпевшим по уголовному делу в случаях, когда преступник не установлен и потерпевший не имеет возможности требовать с него компенсации. По ее мнению, каждый налогоплательщик платит в бюджет деньги для того, чтобы он был защищен от преступления, а если в отношении него совершено преступление, то государство должно обеспечить поиск виновного и возмещение вреда [4].

Таким образом, очевидно, что имеются как правовые, так и организационные проблемы возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением. Сделан вывод о том, что законодателем недостаточно уделено внимание вопросу возмещения вреда на стадии подготовки к судебному заседанию. Факт непринятия мер или недостаточного принятия мер по обеспечению возмещения вреда на рассматриваемой стадии уголовного процесса мог бы явиться основанием для возвращения уголовного дела прокурору. В этой связи необходимы соответствующие изменения в ст. 228 УПК РФ.

Среди организационных проблем возмещения вреда, причиненного преступлением, выделены следующие: непринятие достаточных и своевременных мер по возмещению вреда; длительные сроки проверки сообщений о преступлениях; длительные сроки расследования уголовных дел. Для устранения организационных проблем необходимо усиление ведомственного контроля и прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовным делам. В связи с этим необходимо принятие соответствующих ведомственных нормативных актов Генеральной прокуратурой РФ, МВД России, ФСБ России и СК России, в которых предусмотреть вопросы организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением законодательства в части возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему.

Список источников

1. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной. М., 2014.
2. Малышева О. А. Перспективы возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450.
3. Клещина Е. Н. Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Клещина Елена Николаевна. М., 2010. С. 187; Поддубняк А. А. Компенсация ущерба «жертвам» преступлений: миф или реальность? // Ученые записки Крымского университета имени В. И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71), № 4. С. 219–229.
4. Москалькова Т. Н. Нужен механизм возмещения вреда потерпевшим, если преступника не установили // Парламентская газета. 2020. 23 июля.

Информация об авторе:

Клещина Елена Николаевна,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии

About the author:

Kleshchina Elena N.,
professor of the department
of criminal law and criminology

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 23.05.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 12.05.2026; approved after reviewing 23.05.2026; accepted for publication 19.06.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-94-99
EDN: https://elibrary.ru/jkqoqe

КАУНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат юридических наук
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
alexspb0917@mail.ru

АГАФОНОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
sagafonov14@mvd.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблемных вопросов правового регулирования противодействия организованной преступности. В статье исследуются законодательные нормативные правовые акты и доктринальные источники, касающиеся противодействия организованной преступности на современном этапе развития государства.*

Авторами предложены конкретные пути совершенствования правовой регламентации противодействия организованной преступности, включая разработку и принятие Концепции противодействия преступности в Российской Федерации, Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», а также внесение изменений в ведомственные нормативные акты в части включения в состав оперативных подразделений органов внутренних дел подразделения по борьбе с организованной преступностью.

Ключевые слова: *организованная преступность, правовое регулирование, противодействие, подразделение, законодательство, концепция, федеральный закон*

Для цитирования: *Каунов А. В., Агафонов С. И. Правовое регулирование противодействия организованным формам преступности в Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 94–99; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-94-99.*

KAUNOV ALEXANDER V.
candidate of law
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

© Каунов А. В., Агафонов С. И., 2026.

AGAFONOV SERGEY I.
candidate of law, associate professor
Moscow University of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

LEGAL REGULATION OF COUNTERING ORGANIZED CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of problematic issues of legal regulation of countering organized crime. The article examines legislative regulatory legal acts and doctrinal sources related to countering organized crime at the current stage of state development.*

The authors suggests specific ways to improve the legal regulation of countering organized crime, including the development and adoption of a crime prevention Concept. in the Russian Federation, the Federal Law «On Combating Organized Crime», as well as amendments to departmental regulations regarding the inclusion of organized crime units in the operational units of the internal affairs bodies.

Keywords: *organized crime, legal regulation, counteraction, division, legislation, concept, federal law*

For citation: *Kaunov A. V., Agafonov S. I. Legal regulation of countering organized crime in the Russian Federation // Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2 (78). P. 94–99; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-94-99.*

Противодействие организованной преступности является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) Российской Федерации.

Современный мир сталкивается с многогранными и постоянно эволюционирующими угрозами, среди которых организованная преступность занимает одно из центральных мест. Ее деструктивное влияние проникает во все сферы жизни общества, подрывая основы законности, экономического развития и социальной стабильности. Несмотря на усилия правоохранительных органов и законодателей, противодействие этому явлению остается сложной задачей, требующей постоянного анализа и адаптации стратегий.

Как справедливо указывает С. Д. Гринько, «организованная преступность является серьезной угрозой для национальной безопасности России, так как занимает в преступности все более высокий процент и представляет собой разрушительное для общества и государства явление, способствует дальнейшему распространению преступности и оказывает влияние на социально-экономические, морально-психологические и культурные процессы» [5, с. 79].

Организованные преступные группировки представляют собой сложную, иерархически выстроенную систему, обладающую значительными ресурсами, которая способная оказывать серьезное влияние на общество и государство. Борьба с ней требует комплексного и эффективного правового инструментария. Однако, несмотря на постоянное совершенствование законодательства, в сфере правового регулирования противодействия организованной преступности существует ряд острых проблем, которые затрудняют достижение желаемых результатов. Во-первых, отсутствие Концепции противодействия преступности в Российской Федерации; во-вторых, на законодательном уровне отсутствует нормативный правовой акт, регламентирующий правовые и организационные основы противодействия организованным формам преступности; в-третьих, отсутствие специализированного подразделения ОВД, осуществляющего функции по обеспечению экономической безопасности, борьбе с коррупцией, организованной преступностью и экстремизмом.

Организованная преступность постоянно эволюционирует, осваивая новые сферы деятельности (киберпреступность, экологические преступления и т. д.) и используя новые технологии. Законодательство же зачастую не успевает за этими изменениями, что создает плодотворную почву для совершения преступлений представителями организованных групп (далее – ОГ) и преступных сообществ (далее – ПС).

Отсутствие четких правовых норм, регулирующих отдельные аспекты противодействия преступной деятельности ОГ и ПС, затрудняет проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных их выявление и пресечение.

Доказать факт существования ОГ и ПС, их иерархию, распределение ролей и совместное намерение совершать преступления – задача крайне сложная, требующая кропотливой работы сотрудников оперативных подразделений ОВД по установлению криминальных связей между членами преступной группировки, системы распределения доходов, полученных преступным путем, документированию эпизодов совместной преступной деятельности представителей уголовно-криминальной среды.

Следует отметить, что значительную роль в правовой регламентации борьбы с организованной преступностью играет Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»[1].

На основании указанного федерального закона документирование противоправной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в Российской Федерации, начиная с апреля 2019 г., осуществляется в рамках ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ)[2].

Важно отметить, что наличие у лица криминального статуса «вор в законе», «положенец», «смотрящий» не всегда способствует привлечению его к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ.

Основополагающим фактором для привлечения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, по ст. 210 УК РФ является наличие у него возможности оказывать реальное влияние на процессы, происходящие в уголовно-криминальной среде, а также обладать значительной властью над членами преступного мира, занимающими более низкий ранг.

При документировании криминального статуса лидера уголовно-криминальной среды оперативным сотрудникам ОВД необходимо собирать доказательственную базу, свидетельствующую о том, что лицо обладает устойчивым авторитетом, контролирует деятельность ОГ либо ПС, распределяет ресурсы и принимает ключевые решения.

Согласно судебной статистике Российской Федерации, по ст. 210.1 УК РФ осуждено: за 2020 год – 0 чел.; за 2021 – 8 чел.; за 2022 – 20 чел.; за 2023 – 33 чел.; за 2024 – 23 чел.[3].

Указанная статистика свидетельствует о том, что с каждым годом происходит наработка положительной правоприменительной практики оперативных подразделений по направлению привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

В целях создания универсального алгоритма документирования преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, целесообразна подготовка соответствующих методических рекомендаций, учитывающих правоприменительную практику оперативных подразделений, осуществляющих борьбу с организованной преступностью,

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321411/ (дата обращения: 24.04.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.04.2026).

[3] Судебная статистика РФ: [сайт]. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 20.05.2026).

с учетом мнения представителей научного сообщества, занимающихся исследованием проблемных вопросов, связанных с противодействием организованным формам преступности.

Гармонизация правовых норм, касающихся борьбы с организованной преступностью, является критически необходимой. Это включает в себя не только совершенствование уже существующих нормативных правовых актов, но и разработку новых, отвечающих вызовам времени, например в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

На сегодняшний день требуется совершенствование законодательства с учетом появления новых форм и методов преступной деятельности организованных групп и преступных сообществ, включая разработку более четких критериев определения организованной преступной группы, усиление ответственности за участие в ней, а также совершенствование норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность и сбор доказательств.

На сегодняшний день назрела необходимость принятия Концепции противодействия преступности в Российской Федерации (далее – Концепция), в содержании которой были бы отражены основные принципы государственной политики в области противодействия организованной преступности в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия организованным формам преступности в Российской Федерации.

Необходимо, чтобы Концепция включала:

– понятие и основные тенденции современных проявлений организованной преступности в Российской Федерации;

– общегосударственную систему противодействия организованной преступности;

– правовое, информационно-аналитическое, научное, материально-техническое, финансовое и кадровое обеспечение противодействия организованной преступности;

– международное сотрудничество в области противодействия организованной преступности.

Принятие Концепции диктуется необходимостью выявления и устранения причин и условий, способствующих возникновению и распространению организованной преступности в Российской Федерации.

Кроме того, в Концепции должны быть отражены задачи по выявлению, предупреждению и пресечению действий лиц, входящих в ОГ и ПС, направленных на подготовку и совершение преступлений, совершаемых в организованных формах, включая их привлечение к уголовной ответственности.

Следует отметить, что на основании Указа Президента Российской Федерации от 06.09.2008 № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации»[1] ликвидированы подразделения по борьбе с организованной преступностью, а в ОВД в пределах установленной штатной численности и на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью образованы:

• подразделения по противодействию экстремизму, на которые возложены функции по противодействию экстремистской деятельности;

• подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, на которые возложены функции по применению мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья лиц, подлежащих государственной защите, а также по обеспечению сохранности их имущества.

На подразделения уголовного розыска ОВД Российской Федерации возложены функции по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности, а на подразделения по борьбе с экономическими преступлениями ОВД Российской Федерации – функции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью экономической направленности.

Вместе с тем в целях повышения эффективности законодательного регулирования правовых и организационных основ

[1] О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 № 1316 (ред. от 05.09.2011) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79834/ (дата обращения: 20.05.2026).

противодействия организованной преступности в настоящее время представляется целесообразным принятие федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», включающего применение как общих положений, как и специфических мер по данному направлению оперативно-служебной деятельности.

Представляется, что Федеральный закон «О борьбе с организованной преступностью» должен включать в себя правовую основу, понятийный аппарат, основные принципы противодействия организованной преступности.

Принятие вышеуказанного нормативного правового акта диктуется необходимостью упорядочивания правоотношений, возникающих в сфере борьбы с организованной преступностью, а также повышения эффективности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых в организованных формах.

Схожей точки зрения придерживается С. Д. Белоцерковский, отмечающий в своих работах необходимость принятия вышеуказанного Закона по противодействию организованной преступности [1, 2, 3, 4].

Кроме того, на сегодняшний день существует необходимость внесения изменений в приказ МВД России от 31.03.2023 № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность»[1], включив в состав оперативных подразделений ОВД Управление по борьбе с организованной преступностью, которое бы являлось самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД России, обеспечивающим и осуществляющим в пределах компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области организации противодействия организованным формам преступности.

Недостаточная проработанность отдельных правовых норм, направленных на противодействие организованной преступности, может приводить к некорректной квалификации сотрудниками следственных подразделений преступлений, совершаемых лидерами и активными участниками преступных группировок. В целях облегчения доказывания фактов преступной деятельности, совершаемых в организованных формах, следователи при отсутствии неопровержимых доказательств, свидетельствующих о том, что преступления совершались в составе ОГ или ПС, стараются возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении лидеров и активных участников уголовно-криминальной среды с квалификацией «группой лиц по предварительному сговору», что обусловлено экономией их сил и средств и гарантированным направлением уголовных дел в суд с минимальной вероятностью возврата на дополнительное расследование.

Данная правоприменительная практика, безусловно, несет негативный характер и отрицательным образом сказывается на эффективности принимаемых правоохранительными органами мер, направленных на борьбу с организованной преступностью.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что законодательство, регламентирующее противодействие организованным формам преступности, нуждается в постоянном совершенствовании, включая обобщение правоприменительной практики и адаптацию к новым технологическим вызовам. На сегодняшний день в целях повышения эффективности противодействия организованным формам преступности и обеспечения безопасности общества и государства назрела необходимость разработки и принятия Концепции противодействия преступности в Российской Федерации, Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», а также внесения изменений в ведомственные нормативные акты в части включения в состав оперативных подразделений ОВД подразделения по борьбе с организованной преступностью.

[1] Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность: приказ МВД России от 31.03.2023 № 199 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://mvd.consultant.ru/documents/1058162 (дата обращения: 20.05.2026).

Список источников
1. Белоцерковский С. Д. Комплексный закон в системе правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 266–268.
2. Белоцерковский С. Д. Оптимизация уголовно-исполнительного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 273–277.
3. Белоцерковский С. Д. Организованная преступность в системе угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 4. С. 48–51.
4. Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью: её структура и содержание // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 95–97.
5. Гринько С. Д. Борьба с организованной преступностью в системе обеспечения национальной безопасности России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5 (173). С. 79–81.

Информация об авторах:

Каунов Александр Владимирович,
начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Международного межведомственного учебного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева;
Агафонов Сергей Иванович,
начальник Управления организации научной и редакционно-издательской деятельности

About the authors:

Kaunov Alexander V.,
head of the department of operational investigative activities of internal affairs bodies of the International interdepartmental training center for employees of operational units named after lieutenant general of militia A. N. Sergeev;
Agafonov Sergey I.,
head of the Department of scientific and editorial activities

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 09.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.
The article was submitted to the editorial office 25.05.2026; approved after reviewing 09.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-100-106
EDN: https://elibrary.ru/gcgtol

БАБАБЕКОВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА
Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)
dbababekova@mvd.ru

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ АКТИВНОГО ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей функционирования подразделений органов внутренних дел (полиции), специализирующихся на делах несовершеннолетних, в контексте возрастающего влияния негативных факторов внешней среды, оказывающих дестабилизирующее воздействие на подростковую среду. Рассматриваются основные направления профилактической работы сотрудников указанных подразделений, особенности взаимодействия с подростковой аудиторией и органами социальной защиты населения.*

Анализируются наиболее значимые факторы риска современного общества: информационная агрессия, влияние субкультур и социальных сетей, доступность запрещенных веществ и асоциальное поведение сверстников.

Ключевые слова: *органы внутренних дел, подразделения по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние, субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, деструктивное поведение, девиантное поведение, терроризм, экстремизм, наркомания*

Для цитирования: *Бабабекова Д. А. Особенности осуществления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в условиях активного деструктивного воздействия на несовершеннолетних на современном этапе // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 100–106; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-2-100-106.*

BABABEKOVA DARYA A.
Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

FEATURES OF IMPLEMENTING THE ACTIVITIES OF MINORITY PROSECUTION UNITS IN THE CONDITIONS OF ACTIVE DESTRUCTIVE INFLUENCE ON MINORITIES AT THE PRESENT STAGE

Abstract. *The article is devoted to the study of the features of the functioning of the internal affairs bodies (police) units specializing in juvenile affairs, in the context of the increasing influence of negative en-*

© Бабабекова Д. А., 2026.

vironmental factors that have a destabilizing effect on the adolescent environment. The main areas of preventive work carried out by the employees of these units, as well as the specifics of interaction with the adolescent audience and social protection agencies, are considered.

The most significant risk factors of modern society, such as information aggression, the influence of subcultures and social networks, the availability of illegal substances, and the antisocial behavior of peers, are analyzed.

Keywords: *internal affairs agencies, juvenile affairs units, minors, subjects of prevention of juvenile delinquency and neglect, destructive behavior, deviant behavior, terrorism, extremism, drug addiction*

For citation: *Bababekova D. A. Features of implementing the activities of minority prosecution units in the conditions of active destructive influence on minorities at the present stage // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 100–106; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2006-2-100-106.*

На сегодняшний день подразделения полиции, занимающиеся делами несовершеннолетних, сталкиваются с рядом новых вызовов и угроз, обусловленных изменением социокультурной ситуации в обществе, активной политикой западных государств, направленной на дестабилизацию российского общества и его подрастающего поколения в условиях проведения специальной военной операции. Молодежь подвергается влиянию различных идеологических течений и культурных продуктов, транслируемых через СМИ и интернет. Эти каналы коммуникации оказывают значительное воздействие на формирование мировоззрения молодых людей, нередко порождая конфликт ценностей между поколениями и обществом в целом. Особую роль здесь играет информационная политика государства, направленная на поддержку официальной позиции относительно проводимых мероприятий.

Президент России Владимир Путин в ходе расширенного заседания коллегии МВД отметил: «Практика показывает, что молодых людей нередко целенаправленно втягивают в преступную деятельность, вербуют в криминальную среду. Почти половина – 45 процентов – подростков совершили противоправные деяния в групповых формах соучастия»[1].

Рост преступности среди подростков, распространение виртуальных сообществ экстремистской направленности, вовлечение детей и молодежи в противоправную деятельность через социальные сети являются примерами современных проблем, существенно усложняющих работу сотрудников правоохранительных органов.

Современная социальная среда характеризуется интенсивным воздействием различных источников негативного влияния на психику и сознание несовершеннолетних. Среди основных деструктивных факторов выделяются следующие аспекты:

– активизация агрессивных форм информационного воздействия через сеть Интернет, включающая пропаганду экстремизма, насилия, самоубийства, наркотиков и другие формы девиантного поведения;

– широкая распространенность компьютерных игр, фильмов и телепередач с элементами жестокости и агрессии, формирующих искаженное представление о нормах морали и законах общества;

– воздействие сетевых молодежных группировок, ориентированных на идеологию ненависти, гедонизма, нарушение норм правопорядка;

– повышенная склонность молодежи к рискованному поведению, вызванная особенностями возраста – поиском самоутверждения, стремлением выделяться среди сверстников.

Под ***деструктивным воздействием*** понимается совокупность внешних и внутренних факторов, оказывающих отрицательное влияние на личностное формирование ребенка или подростка, приводящее к нарушениям психологического благополучия, поведения и социального функционирования.

Проявления деструктивного поведения подростков по отношению к окружающим и внешней среде можно схематично представить следующим образом (см. рис. 1).

[1] Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/79255 (дата обращения: 21.04.2026).

Рис. 1. *Проявления деструктивного поведения несовершеннолетних*

К основным видам деструктивного поведения относятся:

– агрессивное поведение (физическое и вербальное);

– девиации (наркотическая зависимость, злоупотребление алкоголем, курение);

– рискованное поведение (экстремальные виды спорта, участие в криминальных группах);

– самоагрессия (суицидальные попытки, самоповреждения);

– нарушение правил (хулиганство, побеги из дома, правонарушения).

Деструктивное поведение несовершеннолетних следует подразделять на делинквентное (противоправное) поведение и отклоняющееся от общепринятых норм поведение, не относящееся к противоправному (рис. 2).

Рис. 2. *Виды деструктивного поведения несовершеннолетних*

Опасность деструктивных проявлений подростков заключается, прежде всего, в том, что они представляют серьезную проблему современного общества, характеризуемую нарушением социальных норм, агрессией, девиантными действиями и рискованным поведением несовершеннолетних. Подобные проявления наносят значительный ущерб психическому здоровью самих подростков, способствуют повышению уровня суицидального поведения, развитию токсикомании и наркомании среди подростков, приводят к росту числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Такие опасные проявления нарушают процесс социализации и адаптации личности, вызывают серьезные последствия для окружающих людей и социального окружения.

С большой горечью приходится констатировать факт участившихся в последнее время случаев зверских нападений несовершеннолетних на людей пожилого возраста.

Так, в Кемеровской области двое подростков 13 и 14 лет до смерти избили пожилую жительницу г. Топки. По данным следствия, молодые люди увидели в окне частного дома пожилую женщину и решили посмеяться над ней, включая и выключая рубильником свет в ее доме. Хозяйка отругала хулиганов и потребовала уйти. Однако подростки разбили окна в доме, а затем проникли внутрь и избили ее, после чего ушли гулять. Через некоторое время друзья решили вернуться в дом потерпевшей, однако зашел туда только 14-летний подросток, он и продолжил избиение хозяйки. От полученных травм женщина скончалась[1].

В Нижнем Новгороде в феврале 2026 г. скончалась пожилая женщина, которая осенью прошлого года стала жертвой издевательств со стороны подростков. Ранее в интернете распространялось видео, где несовершеннолетние избивают пенсионерку и бреют ее налысо. По данным публикаций, издевательства продолжались несколько дней, после чего женщину госпитализировали, и она оказалась в реанимации[2].

В ноябре 2025 г. подростки под надуманным предлогом поиска пропавшей банковской карты проникли в комнату пожилого мужчины в коммунальной квартире в Лыткарино. Один из обвиняемых похитил телефон мужчины и более 27 тыс. руб. Потерпевший попытался помешать подросткам, но они оттолкнули его. Все происходящее обвиняемые снимали на видео, которое впоследствии попало в сеть[3].

Это лишь малая часть жутких случаев, которые происходят ежедневно в различных субъектах нашей страны.

Еще одной печальной тенденцией является травля и массовое избиение несовершеннолетними своих сверстников и детей гораздо младшего возраста.

Так, в Хабаровске подростки травили второклассницу и избивали ее втроем. Инцидент произошел на улице, где группа подростков, явно старших по возрасту, напала на восьмилетнюю девочку. На видео с камеры видеонаблюдения видно, как они наносят ребенку удары руками и ногами, а также толкают ее. Предварительно, малолетняя длительное время сталкивалась с буллингом в школе из-за лишнего веса[4].

В одной из московских школ ученика восьмого класса избили из-за внешнего вида двое подростков из девятого, в результате чего молодой человек попал в реанимацию. Подросток долгое время не сообщал родителям и учителям о продолжительном буллинге и издевательствах со стороны старшеклассников.

По данным аналитической справки мониторингового центра «Безопасность 2.0» Российского фонда мира, опубликованной

[1] Два школьника до смерти забили пенсионерку // Редакция Вести.Ру: [сайт] // URL: https://www.vesti.ru/article/1913977 (дата обращения: 21.04.2026).

[2] В Нижнем Новгороде умерла пенсионерка, над которой осенью издевались подростки // ОСН (Общественная служба новостей): [сайт]. URL: https://www.osnmedia.ru/proisshestviya/v-nizhnem-novgorode-umerla-pensionerka-nad-kotoroj-osenyu-izdevalis-podrostki/ (дата обращения: 21.04.2026).

[3] В Подмосковье будут судить подростков, избивших и ограбивших пенсионера // РИА Новости: [сайт]. URL: https://ria.ru/20260331/lytkarino-2083976904.html (дата обращения: 21.04.2026).

[4] Подростки травили хабаровскую второклассницу больше полугода, а затем избили ее втроем // Газета.Ру: [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/11/11/27157352.shtml (дата обращения: 21.04.2026).

в феврале 2026 г., за 12 месяцев 2025 г. было зафиксировано около 10 000 резонансных эпизодов кибербуллинга с участием несовершеннолетних, что на 14 % больше, чем за аналогичный период 2024 года. Ключевым трендом стало использование технологий ИИ для создания дипфейков»[1]. Это еще одна новая и серьезная проблема, с которой приходится бороться правоохранительным органам.

Что же является причиной такого зверства среди детей? Причины деструктивного поведения многообразны и комплексны. Среди основных выделяют следующие группы факторов:

1. *Биологический фактор:*

– наследственная предрасположенность (генетически обусловленные особенности нервной системы, темперамента);

– гормональная перестройка организма в пубертатный период, влияющая на эмоциональную стабильность и способность контролировать импульсы.

2. *Психосоциальный фактор:*

– семейные проблемы (неполные семьи, конфликтные отношения между родителями, недостаток внимания и поддержки);

– низкий уровень социальной зрелости, незрелость морального сознания;

– отсутствие позитивных образцов для подражания, влияние негативных примеров сверстников;

– стрессовые ситуации (развод родителей, потеря близких, финансовые трудности).

3. *Культурно-социальный фактор:*

– влияние массовой культуры, СМИ, интернета, компьютерных игр, пропагандирующих насилие и жестокость;

– социальная нестабильность, низкий уровень жизни, экономическая бедность;

– недостаточная занятость детей досуговыми мероприятиями, отсутствие организованных спортивных секций и кружков.

Последствия подросткового деструктивного поведения весьма серьезны и разнообразны, среди них:

– формирование устойчивых антиобщественных установок и моделей поведения;

– развитие хронических заболеваний вследствие вредных привычек (алкоголь, наркотики, табакокурение);

– травматизм, повреждения здоровья вплоть до инвалидности и смерти;

– ухудшение успеваемости, сложности в обучении, невозможность завершить образование;

– потеря доверия со стороны окружающих, разрушение отношений с семьей и друзьями;

– повышенный риск вовлечения в преступную деятельность, повторные правонарушения.

Для предотвращения развития деструктивного поведения необходимы системные профилактические меры, включающие психологическую помощь, социальное сопровождение, семейную поддержку, образовательные программы и работу специалистов.

Среди эффективных подходов выделяются:

• психологическая диагностика и консультирование подростков, выявление ранних признаков проблемного поведения;

• создание благоприятной семейной атмосферы, укрепление доверительных отношений между детьми и родителями;

• организация досуга подростков, развитие творческих способностей, поддержка интересов и увлечений молодежи;

• проведение образовательных мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни, воспитание нравственности и толерантности;

• профессиональная работа педагогов-психологов, учителей, медицинских работников, сотрудников правоохранительных органов.

Подразделения по делам несовершеннолетних осуществляют свою деятельность в рамках реализации мер профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, обеспечения безопасности жизни и здоровья подростков, выявления лиц, вовлеченных в антиобщественное поведение. Особенность данной деятельности заключается в комплексном подходе к решению поставленных задач, который предполагает тесное взаимодействие с педагогическими коллективами образовательных

[1] Аналитическая справка мониторингового центра «Безопасность 2.0» Российского фонда мира (обзор приурочен к Неделе Безопасного Рунета, февраль 2026 г.) // URL: https://peacefound.ru/news/tpost/o6643m4bu1-elena-sutormina-tsifrovaya-sreda-stanovi (дата обращения: 21.04.2026).

учреждений, учреждениями здравоохранения, специалистами системы опеки и попечительства, психологами и социальными работниками.

Для эффективного противодействия негативным тенденциям сотрудники специализированных подразделений полиции проводят мероприятия, направленные на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Основными направлениями их деятельности выступают:

• выявление фактов нарушения прав ребенка, семейного неблагополучия, случаев жестокого обращения родителей или иных взрослых лиц;

• организация мероприятий воспитательно-профилактического характера совместно с образовательными организациями, культурными центрами, религиозными объединениями;

• обеспечение участия специалистов-психологов, педагогов, врачей-наркологов в проведении индивидуальной коррекционной работы с детьми группы риска;

• осуществление контроля над исполнением законодательства Российской Федерации, регулирующего сферу ответственности несовершеннолетних, привлечения их к уголовной и административной ответственности;

• проведение рейдов, профилактических бесед и консультаций с родителями подростков, находящихся в группе повышенного социального риска.

Важнейшую роль играет работа по формированию положительного имиджа сотрудника полиции среди подрастающего поколения, построение доверительных отношений между полицией и молодежью.

На сегодняшний день деятельность подразделений по делам несовершеннолетних сталкивается с рядом трудностей организационного и методологического характера. К числу основных проблем следует отнести:

1. Недостаточная координация действий субъектов профилактической работы (органы образования, здравоохранение, органы соцзащиты).

2. Отсутствие четких методик оценки эффективности проводимых профилактических мероприятий.

3. Сложности оперативного реагирования на случаи виртуальной пропаганды радикализма и криминала среди несовершеннолетних.

4. Ограниченные ресурсы материально-технического оснащения подразделений, нехватка квалифицированного персонала.

Эффективность работы уполномоченных субъектов зависит от комплексного подхода к профилактике правонарушений, своевременного выявления потенциальных жертв насильственных преступлений, оказания адресной помощи детям и семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о высокой степени важности специализированной деятельности подразделений полиции по делам несовершеннолетних в условиях существенного роста рисков деструктивного воздействия на детскую аудиторию. Ведь проблема деструктивного поведения подростков требует комплексного подхода, учета множества факторов, ведущих к развитию данного феномена. Важнейшими аспектами являются: ранняя профилактика, своевременная диагностика, квалифицированная помощь и активное взаимодействие всех заинтересованных сторон – школы, семьи, общественных организаций, государственных структур, правоохранительных органов. Только совместные усилия позволят снизить негативные последствия деструктивного поведения, способствовать гармоничному развитию молодых людей и формированию здоровых членов общества.

Для повышения результативности необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы, развитие инфраструктуры и технологий поддержки семьи и детства, повышение квалификации кадров соответствующих подразделений, формирование эффективной модели сотрудничества всех заинтересованных сторон.

Очевидно, что эффективная профилактика преступлений среди несовершеннолетних требует интегрированной системы взаимодействия государства, гражданского общества и институтов воспитания. Дальнейшие исследования и практические шаги направлены на оптимизацию подходов к работе с несовершеннолетними правонарушителями и предупреждение распространения криминальных явлений среди молодого поколения.

Литература

1. Беженцев, А. А. Профилактика правонарушений несовершеннолетних : учебное пособие / А. А. Беженцев. – Москва : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2024. – 272 с. – (Среднее профессиональное образование). – ISBN 978-5-9558-0656-3. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2096783.
2. Деструктивное воздействие на несовершеннолетних: теория и практика противодействия : монография / С. М. Воробьев, А. М. Бычкова, К. А. Курилкин [и др.] ; под ред. С. М. Воробьева. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 179 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-017880-6. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2138770.
3. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних: актуальные вопросы правового регулирования и правоприменения : сборник материалов Всероссийского научно-практического форума с международным участием (Москва, 28 мая 2025 г.) / под общ. ред. И. М. Мацкевича ; науч. ред. Р. В. Жубрин ; сост. Д. И. Ережипалиев, В. И. Мещерякова, О. В. Морозова, М. Л. Огурцова ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2025. – 224 с. – ISBN 978-5-94952-128-1. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2253071.
4. Особенности защиты прав и интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации : учебное пособие / сост. О. И. Дерюшева, Т. О. Праницкая ; ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. – Иваново : Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто», 2023. – 80 с. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2158315.
5. Поликашина, О. В. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий : монография / О. В. Поликашина. – Москва : МПГУ, 2013. – 140 с. – ISBN 978-5-7042-2388-7. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/757972.

Информация об авторе:

Бабабекова Дарья Александровна,
преподаватель кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Учебного центра подготовки сотрудников органов внутренних дел для участия в миротворческих миссиях

About the author:

Bababekova Darya A.,
lecturer of the department of countering illicit drug trafficking training center for Training of internal affairs officers for participation in peacekeeping missions

Статья поступила в редакцию 25.05.2026;
одобрена после рецензирования 09.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.
The article was submitted to the editorial office 25.05.2026;
approved after reviewing 09.06.2026; accepted for publication 19.06.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-107-112
EDN: https://elibrary.ru/peatdq

ЧЕРКАСОВ РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ[1]
кандидат юридических наук
cherkasov_roman@list.ru

ТЕБИЕВ РУСТАМ РУСЛАНОВИЧ[2]
кандидат юридических наук
r.tebiev@yandex.ru

[1, 2] Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные методологические основы формирования и совершенствования частной криминалистической методики расследования жестокого обращения с животными. Отдельное внимание уделяется использованию криминалистических знаний о механизме преступления, закономерностях следообразования, типичных следственных ситуациях и версиях. Обосновывается необходимость совершенствования научно обоснованной методики расследования рассматриваемой категории преступлений.*

Ключевые слова: *криминалистика, методика расследования, криминалистическая характеристика, следственная ситуация, цифровые следы, жестокое обращение с животными*

Для цитирования: *Черкасов Р. В., Тебиев Р. Р. Современные методологические основы совершенствования методики расследования жестокого обращения с животными // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 107–112; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-107-112.*

CHERKASOV ROMAN V.[1]
candidate of law

TEBIEV RUSTAM R.[2]
candidate of law

[1, 2] National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

MODERN METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR IMPROVING THE METHODS OF INVESTIGATING ANIMAL CRUELTY

Abstract. *The article discusses the modern methodological foundations of the formation of a private forensic methodology for investigating animal cruelty. Special attention is paid to the use of forensic knowledge about the mechanism of crime, the patterns of trace formation, typical investigative situations*

© Черкасов Р. В., Тебиев Р. Р., 2026.

and versions. The current trends in the development of digital forensics and their impact on the proof process are analyzed. The necessity of improving the scientifically based methods of investigation of the category of crimes under consideration is substantiated.

Keywords: *criminalistics, investigation methodology, criminalistic characteristics, investigative situation, digital traces, animal cruelty*

For citation: *Cherkasov R. V., Tebiev R. R. Modern methodological foundations for improving the methods of investigating animal cruelty // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 107–112; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-107-112.*

Криминалистические методики расследования преступлений формируются в результате долгой научной и практической работы, основанной в основном на материалах уголовных дел. При этом учитываются также и другие факторы, такие как достижения науки и техники различных областей знаний, неразрывная связь с уголовным правом и процессом, оперативно-розыскной деятельностью и т. д. Не является исключением в этом процессе формирование и совершенствование частной криминалистической методики расследования жестокого обращения с животными.

Жестокость по отношению к животным способствует формированию у личности чувства равнодушия к страданиям живых существ, порождает агрессию и насилие. Общепризнанным является тот факт, что совершение преступлений в отношении животных в большинстве случаев коррелирует с последующим совершением насильственных преступлений против личности [4, с. 12].

Об особом внимании государства к проблеме жестокого обращения с животными свидетельствуют также нормативно-правовые преобразования, произошедшие за последние годы, в частности принятие Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], изменение диспозиции и санкции ст. 245 УК РФ[2], предусматривающей уголовную ответственность за данное преступление, а также поправки в ст. 114 Конституции РФ[3].

Жестокое обращение с животными представляет собой преступление, обладающее выраженной криминологической и криминалистической спецификой.

В современных условиях рассматриваемое преступление трансформируется под влиянием в том числе цифровизации общественных отношений, что выражается в появлении новых способов фиксации и распространения преступной деятельности, а также формировании специфической электронной следовой информации [8, с. 13].

Несмотря на совершенствование нормативного регулирования, уровень раскрываемости данных преступлений остается недостаточным. За последние годы количество приостановленных уголовных дел по п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ составляет более половины от общего числа ежегодно регистрируемых данных преступлений. Это во многом обусловлено несовершенством имеющейся частной криминалистической методики, разрозненностью знаний о данных преступлениях и фрагментарным описанием некоторых криминалистически важных аспектов, что ранее отмечалось в научной литературе [9, с. 39].

Кроме того, устарела ранее сформулированная классификация типичных исходных следственных ситуаций по рассматриваемой категории дел; не проработаны вопросы о типичных следственных версиях и программных мерах по их проверке; не разработаны алгоритмы взаимодействия должностных лиц органов предварительного расследования со специалистами и общественностью и другие важные элементы криминалистической методики рас-

[1] Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 21.04.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 21.04.2026).

[3] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.04.2026).

следования данных преступлений, не изучены детально вопросы работы с цифровыми следами и др.

Говоря непосредственно о методологической основе формирования и совершенствования частной криминалистической методики расследования жестокого обращения с животными, отметим, что она базируется на совокупности общенаучных, частных и специальных методов.

Фундаментальное базовое значение для всех криминалистических методик расследования (включая жестокое обращение с животными) имеет диалектический метод познания, позволяющий рассматривать механизм преступления как динамическую систему взаимосвязанных элементов [1, с. 62]. Данный метод обеспечивает выявление закономерностей формирования следовой информации и построение научно обоснованных моделей расследования. Кроме того, диалектический метод познания позволяет сформулировать факторы, влияющие на методику расследования жестокого обращения с животными. К числу таких факторов относятся: информационные, тактические и организационные.

С точки зрения науки криминалистики расследование уголовных дел представляет собой познавательный процесс, направленный на установление объективной истины посредством исследования следов преступления [6, с. 15]. Знание криминалистических факторов расследования жестокого обращения с животными способствует более успешному раскрытию и расследованию преступлений.

Информационные факторы определяются уровнем владения следователем криминалистически значимыми сведениями о преступлении на протяжении всего хода предварительного расследования. В их структуру входят: полнота осведомленности следователя относительно обстоятельств расследуемого события; знание элементов криминалистической характеристики и практическое владение методикой расследования жестокого обращения с животными; установление степени и вида телесных повреждений либо причин гибели животного; наличие данных о личности подозреваемого; сведения о ранее совершенных данным лицом актах жестокости; информация о причинно-следственной связи между противоправными действиями человека и наступившей смертью либо травмами животного; данные о наличии или отсутствии свидетелей совершенного преступления и материальных следов.

Тактические факторы, находясь в тесной взаимосвязи с информационными и, по сути, являясь их производными, в значительной степени предопределяют тактику проведения отдельных следственных действий. К числу тактических факторов относятся: следственная ситуация, сложившаяся на конкретном этапе расследования; избранная подозреваемым линия поведения; наличие противодействия расследованию, оказываемого подозреваемым (обвиняемым) либо связанными с ним лицами; степень общественного резонанса расследуемого события, а также эффективность проводимых мероприятий, направленных на предупреждение совершения аналогичных преступлений.

Организационные факторы занимают в рассматриваемой системе особое положение ввиду специфики самого преступления и преимущественно выражаются во взаимодействии – как внутреннем, так и внешнем. Элементами организационных факторов выступают: характер взаимодействия с участниками расследования и иными должностными лицами в пределах их компетенции (включая федеральные и региональные органы государственной власти в сфере ветеринарии, а также частные ветеринарные клиники); взаимодействие со средствами массовой информации, с владельцами и администраторами интернет-ресурсов (веб-сайтов, социальных сетей, мессенджеров); взаимодействие с общественными объединениями (зоозащитниками и зоозащитными организациями).

Анализ факторов, оказывающих влияние на расследование жестокого обращения с животными, должен осуществляться с учетом, прежде всего, той следственной ситуации, в условиях которой протекает расследование, поскольку по мере ее развития и трансформации будет изменяться и степень значимости отдельных элементов каждого из факторов [10, с. 30].

К числу общенаучных методов относятся анализ, синтез, индукция, дедукция и моделирование, обеспечивающие логико-гносеологическую основу исследования [5, с. 680]. При этом процесс формирования методики расследования жестокого обращения с животными происходит также с применением частных методов, таких как: наблюдение (фиксация следовой информации), сравнение (установление сходства и различий), эксперимент (проверка следственных версий).

Особое значение приобретают специальные методы, заимствованные из других

наук, включая судебную медицину, ветеринарию и психологию [3, с. 206]. Их использование обусловлено спецификой предмета посягательства и механизма преступления. В частности, знания из области судебной ветеринарии позволяют установить причины смерти животного, характер причиненных ему увечий и т. д.

Следующим элементом формирования методики расследования жестокого обращения с животными является ее ***криминалистическая характеристика***, которая включает в себя сведения о предмете преступного посягательства, способ преступления, личность преступника и обстановку преступления.

Криминалистическая характеристика преступлений рассматриваемой категории являясь системной моделью, отражает взаимосвязь элементов преступной деятельности и позволяет формировать те самые закономерности между этими элементами (подавляющее большинство исследователей при формулировании элементов криминалистической характеристики какого-либо преступления ограничиваются их перечислением, без выявления закономерностей, а ведь это одно из основных предназначений криминалистической характеристики) с последующим выдвижением общих и частных версий [9, с. 680].

Ключевое значение в данной категории традиционно отводится к *способу преступления*, включающему в себя типичные приемы подготовки, совершения и сокрытия следов преступления. Ввиду его серьезного влияния на другие элементы криминалистической характеристики жестокого обращения с животными, особенно на следовую картинку, рассмотрим способ преступления более подробно.

В рамках подготовки к совершению преступления преступник определяет конкретный предмет посягательства (домашнее животное, принадлежащее иному лицу, либо бездомное животное); продумывает будущие объяснения, призванные оправдать содеянное (например, причинение вреда как способ защиты от агрессии животного или как метод прекращения его страданий); подбирает орудия преступления (огнестрельное либо холодное оружие, арматура, палки, цепи, веревки и прочие предметы); приискивает соучастников (через социальные сети или путем сговора со знакомыми); изучает место будущего преступного посягательства с точки зрения сохранения тайности (гаражные массивы, подвалы, чердаки, заброшенные строения).

Исходя из характера совершаемых противоправных действий, способы жестокого обращения с животными могут быть разделены на три основные группы:

1) способы, связанные с физическим либо механическим воздействием на животное: нанесение ударов (руками, ногами или с применением орудий), сбрасывание с высоты, удар о преграду, воздействие открытым пламенем или высокими температурами, отравление ядовитыми веществами либо медикаментами, наезд транспортным средством;

2) способы, выражающиеся в нарушении нормативных требований к содержанию животных: отказ владельца от выполнения обязанностей по содержанию животного; организация и проведение боев с участием животных; нарушения условий содержания, допускаемые должностными лицами культурно-зрелищных учреждений или лицами, на которых возложена обязанность по содержанию животных;

3) способы, квалифицируемые как истязание: длительное лишение пищи или воды, создание недопустимого температурного или кислородного режима, лишение животного физической активности.

К числу *типичных приемов сокрытия преступления* относятся: уничтожение трупа животного (путем закапывания или сжигания); удаление с места происшествия крови и иных биологических выделений животного; избавление от орудий совершения преступления. Кроме того, активно используются приемы сокрытия в сети Интернет: указание вымышленных имен владельцев аккаунтов в социальных сетях, через которые были опубликованы материалы, содержащие сцены жестокого обращения с животными; закрашивание на фото- и видеозаписях лиц виновных, что делает их идентификацию невозможной, а также существенно затрудняет установление места совершения преступления и иных значимых обстоятельств; неправомерное использование впн-сервисов, позволяющих шифровать интернет-трафик.

Говоря о следовой картине, необходимо отметить, что она включает в себя: материальные следы (орудия, предметы, используемые в качестве оружия, палки, металлическая арматура и т. д.); биологические следы животного и человека; идеальные следы (показания); цифровые следы.

При этом под цифровыми следами понимается информация, зафиксированная в электронном виде, включая метаданные файлов и сетевую активность [8, с. 14].

Обстановка жестокого обращения с животными характеризуется высокой латентностью, частной сферой совершения (преимущественно в ходе бытовых ссор между супругами и родственниками), цифровым пространством как новой криминогенной средой.

Личность преступника, являясь категорией, пристальное внимание к которой уделяется разными науками, в том числе криминологией, в криминалистическом аспекте определяет особенности механизма преступления, формируя при этом общие и частные версии [2, с. 46].

Следующим элементом, оказывающим значительное влияние на формирование методики расследования жестокого обращения с животными, являются *типичные следственные ситуации*, представляющие собой совокупность условий, в которых осуществляется расследование, и вытекающие из них общие и частные версии. Рассмотрим более подробно следственные ситуации данных преступлений.

Классификация следственных ситуаций в зависимости от источников исходной информации о расследуемом преступлении выглядит следующим образом:

первый тип источника – сведения, предоставляемые владельцем пострадавшего животного, очевидцами произошедшего, активистами и зоозащитными организациями. В рамках этой группы складывается неблагоприятная следственная ситуация, поскольку к моменту начала первоначального этапа расследования личность лица, совершившего преступление, остается неустановленной;

второй тип источника – фото- и видеоматериалы, фиксирующие акты жестокого обращения с животными и размещенные в сети Интернет, на платформах социальных сетей, а также в различных мессенджерах.

В рамках каждой ситуации формируются общие и частные *следственные версии*, представляющие собой обоснованные предположения о событии преступления, механизме преступления, личности преступника и т. д. [7, с. 112]. В подавляющем большинстве случаев источники информации предопределяют поводы к возбуждению уголовного дела. В зависимости от того или иного повода следователь (дознаватель) проводит комплекс мероприятий по проверке сообщения о преступлении.

Проверка версий традиционно осуществляется посредством: следственных действий (осмотр места происшествия, животного (его трупа или частей), допрос, освидетельствование и т. д.); оперативно-розыскных мероприятий; криминалистических экспертиз (преимущественно судебно-ветеринарной, зоологической и др.).

Современный этап развития криминалистики характеризуется активным внедрением цифровых технологий. Учитывая тот факт, что на сегодняшний день практически любое преступление в той или иной степени оставляет цифровые следы в электронно-информационной среде, практическое развитие в данном направлении является весьма важным. Не является исключением в этом аспекте и такое преступление, как жестокое обращение с животными.

Наиболее типичными цифровыми следами по делам рассматриваемой категории являются такие следы, которые остаются в случаях опубликования фото- и видеоматериалов жестокого обращения с животными, а также непосредственно пострадавших животных в сети Интернет, в профилях социальных сетей, пересылке сообщений в мессенджерах и т. п.

Таким образом, рассмотрев лишь некоторые методологические основы формирования и совершенствования методики расследования жестокого обращения с животными, состояние научной разработки, деятельность должностных лиц по расследованию данного вида преступлений, можно обоснованно утверждать, что в настоящее время имеются все предпосылки для дальнейшего совершенствования частной методики расследования жестокого обращения с животными.

Совершенствование методики расследования жестокого обращения с животными должно основываться на правоприменительной практике, комплексном использовании современных криминалистических знаний о механизме преступления, закономерностях следообразования и особенностях доказательственной деятельности.

Развитие цифровой среды обусловливает необходимость интеграции традиционных и инновационных методов расследования, что также будет способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений данной категории.

Список источников
1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Норма, 1997. 640 с.
2. Волкова Г. П. К вопросу о личности преступника, жестоко обращающегося с животными // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 45–49.
3. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М.: Норма, 2001. 560 с.
4. Мирошниченко В. С. Жестокое обращение с животными (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мирошниченко Виталий Сергеевич. М., 2013. 26 с.
5. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. М.: Норма, 1999. 990 с.
6. Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М.: ВШ МВД СССР, 1969. 178 с.
7. Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов. М.: Норма, 2022. 768 с.
8. Кузнецов А. В. Использование цифровых следов при расследовании преступлений // Российский следователь. 2022. № 5. С. 12–16.
9. Петров И. В. Проблемы расследования преступлений, связанных с жестоким обращением с животными // Законность. 2021. № 9. С. 38–42.
10. Тебиев Р. Р. Методика расследования жестокого обращения с животными. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2024. 148 с.

Информация об авторах:

***Черкасов Роман Владимирович**,*
начальник 2 отдела НИЦ № 1;
Тебиев Рустам Русланович,
ведущий научный сотрудник
1 отдела НИЦ № 1

About the authors:

Cherkasov Roman V.,
head of department 2 at Research Center no. 1;
Tebiev Rustam R.,
leading researcher
at department 1 of Research Center No. 1

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.*
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article.*
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 08.05.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 19.06.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-113-118
EDN: https://elibrary.ru/ztlcps

ХЛУС АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)
hlus.home@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6342-4754

ТАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье проводится анализ состояния, проблем и тенденций в развитии учения (теории) о криминалистических операциях. Показано различие научных подходов к пониманию криминалистических (тактических) операций и отсутствие единства среди ученых в вопросе их классификации. Проведено сравнение понятий «тактическая операция» и «оперативно-тактическая операция». Сделан вывод о необходимости рассмотрения оперативно-тактических операций в качестве самостоятельного элемента в системе классификации криминалистических операций.*

Ключевые слова: *расследование, тактическая операция, классификация, оперативно-тактическая операция*

Для цитирования: *Хлус А. М. Тактические операции: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 113–118; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-113-118.*

KHLUS ALEXANDER M.
candidate of law, associate professor
Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

TACTICAL OPERATIONS: CURRENT ISSUES AND SOLUTIONS

Abstract. *The article conducts an analysis of the state, problems and trends in the development of the doctrine (theory) about forensic operations. The difference in scientific approaches to the understanding of forensic (tactical) operations and the lack of unity among scientists in the issue of their classification is shown. A comparison of the concepts of «tactical operation» and «operational-tactical operation» was carried out. The conclusion was made about the need to consider operational-tactical operations as an independent element in the system of classification of forensic operations.*

Keywords: *investigation, tactical operation, classification, operational-tactical operation*

For citation: *Khlus A. M. Tactical operations: current issues and solutions // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 113–118; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-113-118.*

© Хлус А. М., 2026.

В криминалистике в качестве тактических средств рассматриваются следственные действия, тактические приемы, тактические комбинации и тактические операции. Не останавливаясь на рассмотрении особенностей каждого тактического средства, акцентируем внимание на отдельных теоретических и прикладных проблемах тактических операций.

О необходимости разработки тактических операций впервые упомянул А. В. Дулов [1, с. 23–26], идея которого получила развитие в работах В. И. Шиканова [2, с. 155–159; 3] и многих других ученых [4].

К настоящему времени опубликовано множество научных работ (статьи, монографии, диссертации), актуализировавших проблемы, связанные с тактическими операциями.

Одной их них является отсутствие единого подхода к пониманию тактической операции. Дулов А. В. представил тактическую операцию как совокупность различных по своему содержанию «следственных, оперативных, ревизионных и иных действий» [5, с. 44]. На системный характер тактической операции указывают многие ученые, определяя тактическую операцию, например, как «систему действий субъектов уголовного преследования и лиц, оказывающих им содействие, последовательно реализуемых по заранее разработанному плану в целях решения определенной поисковой и/или познавательной задачи в досудебном производстве» [6, с. 189]. Такой подход представляется верным, если не учитывать, что важной составной частью многих тактических операций являются оперативно-розыскные мероприятия, обеспечивающие результативность и безопасность следственных действий [7, с. 115]. Их наличие в содержании тактической операции ставит вопрос о возможности ее рассмотрения в качестве системы.

Некоторые ученые одним из признаков тактической операции называют «системность, т. е. совокупность следственных (судебных), оперативно-розыскных мероприятий» и иных действий [8]. При этом ставится знак равенства между понятиями «система» и «совокупность». Если понятие «система» рассматривать как «нечто целое», единое, а понятие «совокупность» как возможность «сочетать», «соединять» разнородное [9, с. 586, 605], то тактическую операцию следует рассматривать как *совокупность разнородных элементов*, среди которых оперативно-розыскные мероприятия. Их составными компонентами являются: «оперативно-розыскные действия, оперативно-розыскные мероприятия и оперативно-розыскные операции» [10, с. 301–302]. Нередко в рамках реализуемой в процессе расследования тактической операции осуществляется оперативно-розыскная операция как звено комплексного тактического средства.

В современных научных работах тактическая операция представлена в качестве криминалистического метода познания [11; 12, с. 144] либо «в качестве специального метода криминалистики – одного из видов структурно-криминалистического метода» [13, с. 87]. В связи с этим А. В. Дулов отметил, что тактическая операция – это средство реализации методов расследования [14, с. 393]. Это согласуется с мнением ученых, считающих, что «метод реализуется через средство, коим может являться и тактическая операция» [8].

Высказано предложение, уточняющее общее наименование тактических операций. Эта идея принадлежит И. М. Комарову, в научных работах которого речь идет о понятии «криминалистическая операция». Сущность криминалистических операций ученый определил «как системный, полифункциональный способ целенаправленной информационно-познавательной и конструктивной деятельности субъекта доказывания в решении задач досудебного производства» [11].

Рассмотрение криминалистической операции только как способа деятельности субъектов доказывания ограничивает сферу ее применения. Субъекты доказывания наделены правом собирать, проверять и оценивать доказательства [15, с. 81], т. е. речь идет о следователе, органе дознания и прокуроре, в случае принятия им уголовного дела к своему производству. А как быть с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), сотрудники которых на этапе выявления преступлений проводят оперативно-розыскные операции, по сути, тактико-криминалистического характера? По нашему мнению, такой вид операций, несмотря на их непроцессуальный характер, должен занять свое место в системе классификации криминалистических операций. Такого же мнения придерживался А. В. Дулов. В числе вариантов реализации содержания тактической операции им

названы контролируемые перевозки груза наркотиков, который «не изымают, а осуществляют контроль за процессом перемещения груза, его получения и распределения, что обеспечивает полноту выявления преступной группы, захват с поличным на последнем этапе его перемещения» [14, с. 394]. Данный пример имеет отношение к оперативно-розыскной операции «контролируемая поставка» [10, с. 315], тактический характер которой позволяет ее рассматривать как оперативно-тактическую операцию.

Отличительной особенностью оперативно-тактических операций является их непроцессуальный характер, т. е. осуществление в рамках ОРД должностными лицами оперативных подразделений. Полученные в результате их проведения материалы могут служить «источником доказательств» [16, с. 210] при условии легализации в уголовном процессе.

Нет единства среди ученых в вопросе классификации тактических (криминалистических) операций.

Первая методическая разработка тактической операции принадлежит В. И. Шиканову и посвящена тактической операции «Атрибуция трупа» [17], где рассмотрена система действий, направленных на получение полных и достоверных данных о неизвестном трупе, его социально-демографических, психических и иных личностных характеристиках.

В зависимости от решаемой задачи все тактические операции, по мнению А. В. Дулова, подразделяются на несколько групп: сбор информации, фиксация, поиск и проверка [14, с. 401–411].

К настоящему времени изменились представления ученых о видах тактических операций.

В учебном пособии по криминалистической тактике под редакцией Л. Я. Драпкина представлены следующие виды тактических операций:

1. В зависимости от содержания – *однородные и неоднородные*. Первые состоят только из следственных действий, а в содержание вторых кроме следственных действий входят оперативно-розыскные мероприятия.

2. В зависимости от времени проведения – *сквозные,* охватывающие весь период расследования, *и локальные*. Первые проводятся на протяжении всего расследования уголовного дела, вторые – на одном этапе расследования.

3. По организационной структуре – проводимые сотрудниками правоохранительных органов, действующими в постоянном структурном звене (следственные отделы, отделы уголовного розыска и т. д.) или временном (следственная группа).

4. По ведомственной принадлежности – проводимые сотрудниками одного правоохранительного органа и проводимые сотрудниками нескольких ведомств [18, с. 19–20].

Выскажем некоторые соображения по поводу предложенной и, следует заметить, многими воспринятой классификации тактических операций.

По нашему мнению, авторы представленной классификации не учли разновидность тактических операций, содержащих преимущественно оперативно-розыскные мероприятия. Наличие такого вида тактических операций не вызывает сомнения, несмотря на то, что в ОРД их именуют «оперативно-розыскные операции» [10, с. 302]. В качестве примера можно назвать оперативно-розыскную операцию «проверочная закупка», состоящую из таких оперативно-розыскных мероприятий, как оперативное наблюдение, контроль в сетях электросвязи, исследование предметов и веществ и др.

На наш взгляд, не существует тактических операций, состоящих только из одних следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий. Всегда в тактической операции можно выделить действия (мероприятия), которые не относятся к группе следственных либо оперативно-розыскных. В качестве таковых можно рассматривать, например, действия по организации проведения любой тактической операции.

По основанию содержания тактической операции, учитывая различие форм осуществления правоохранительной деятельности, мы предлагаем выделять три разновидности тактических операций: *процессуальные, непроцессуальные и комбинированные.*

В содержание процессуальных тактических операций входят следственные и иные процессуальные действия. Соответственно, непроцессуальные тактические операции состоят из оперативно-розыскных и иных мероприятий. В качестве последних можно представить, например, привлече-

ние к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, гражданина, участие которого предполагается в проведении оперативно-розыскного мероприятия. В комбинированных тактических операциях наличествуют как следственные (процессуальные) действия, так и оперативно-розыскные (непроцессуальные) мероприятия.

Достаточно сложно представить сквозные тактические операции. Можно предположить, что весь процесс расследования и направленные на изобличение преступника следственные и иные действия (мероприятия) рассматриваются как единая, цельная тактическая операции. Вряд ли с этим можно согласиться. Временной интервал начала и окончания тактической операции следует рассматривать в сочетании с этапами доследственной проверки и предварительного расследования, в пределах которых осуществляется производство следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В связи с этим основанием можно выделить тактические операции, начало и окончание которых связано с доследственной проверкой. В этот временной период могут быть реализованы непроцессуальные и смешанные тактические операции. Смешанные тактические операции имеют ограничительный характер, т. к. в доследственный период закон позволяет проведение отдельных следственных действий: следственный осмотр (трупа, местности, предметов и документов), освидетельствование, назначение судебной экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования [19].

На этапе доследственной проверки берут свое начало и те смешанные тактические операции, которые завершаются на первоначальном этапе расследования уголовного дела. В пределах таких операций возможно производство любых следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом, условием производства некоторых является возбужденное уголовное дело (обыски, допросы, следственные эксперименты и др.).

В пределах этапа предварительного расследования возможна реализация любой тактической операции, в том числе и осуществляемой в рамках ОРД, но в связи с расследуемым уголовным делом.

Интерес представляет мнение И. М. Комарова, выделившего в досудебном производстве технико-криминалистические операции, тактико-криминалистические операции в качестве ведущих методов познания и методико-криминалистические операции как локальные методики [11].

Идеи И. М. Комарова послужили основой для разработки конкретных видов криминалистических операций. В настоящее время существует широкий спектр вариантов криминалистических операций: «Задержание с поличным» [20, с. 59–63], «Осмотр места происшествия» [21], «Досудебное соглашение о сотрудничестве» [22, с. 111–116] и др.

Наиболее теоретически обоснованной является тактическая операция «задержание с поличным», которую можно проводить в процессе раскрытия и расследования многих преступлений: незаконного оборота наркотических средств, вымогательства, взяточничества и др.

Теоретическую разработку новых видов тактических операций нельзя считать завершенной. Наличие спорных аспектов дает основу для научных дискуссий. Например, отдельные следственные действия приобрели статус тактической операции. Так, под высокотехнологичной тактической операцией «Осмотр места происшествия» «понимается логистичная, наукоемкая и технологичная система следственных, оперативно-розыскных и организационно-технических мероприятий, направленных на получение и проверку фактических данных о самом объекте осмотра, об участниках происшествия, его характере, механизме и отражении других обстоятельств …» [23, с. 11]. Не возлагая на себя обязанности детального анализа данного определения, обратим внимание, что остается неясной сфера применения такой операции: процессуальная или непроцессуальная? Применение тактической операции «Осмотр места происшествия» на большой территории с большим количеством жертв [21, с. 17] предполагает осуществление действий до момента возбуждения уголовного дела. Но в этом случае непонятна система следственных и иных действий (мероприятий), предлагаемых в рамках этой тактической операции.

Вызывает сомнение необходимость в разработке такой тактической операции, как «Досудебное соглашение о сотрудничестве». Инициативное рассмотрение О. Я. Баевым тактической операции «Досудебное соглашение о сотрудничестве» в аспекте постановки проблемы [24, с. 11–15]

было воспринято в виде научной идеи и реализовано учеными [25].

По нашему мнению, «досудебное соглашение о сотрудничестве» не более чем процессуальное действие, служащее базой для проведения иных тактических операций, которые А. В. Дуловым были объединены в группы и названы «сбор информации», «фиксация», «поиск» и «проверка» [14, с. 401–411].

Несмотря на объективную значимость и теоретическую разработку тактических операций, их применение в практической деятельности оставляет желать лучшего. Основной причиной такого положения, по нашему мнению, является нежелание субъекта, осуществляющего предварительное расследование, возлагать на себя достаточно сложную работу в условиях возможности действовать по своему усмотрению.

Решение этой проблемы представляется возможным в условиях нормативной регламентации обязанности следователей организовывать и проводить тактические операции при наличии объективной возможности. Также необходимо обеспечить их научно обоснованными методическими рекомендациями по проведению тактических операций различных видов.

Список источников

1. Дулов А. В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений // 50 лет Советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972.
2. Шиканов В. И. Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конф. (г. Одесса, ноябрь 1976 г.). М., 1976.
3. Шиканов В. И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1983.
4. Тактические операции и эффективность расследования: межвузовский сб. науч. тр. / под ред. И. Ф. Герасимова и Л. Я. Драпкина. Свердловск: СЮИ, 1986.
5. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск: Университетское, 1979.
6. Степаненко Д. А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Степаненко Диана Аркадьевна. Иркутск, 2006.
7. Якушин С. Ю. Понятие, задачи и средства тактико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2 (1).
8. Завьялов В. А. Понятие и признаки тактической операции // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 9 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-takticheskoy-operatsii (дата обращения: 30.01.2026).
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд. М.: Рус. яз., 1988.
10. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М, 2001.
11. Комаров И. М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Комаров Игорь Михайлович. М., 2003. URL: https://www.dissercat.com/content/problemy-teorii-i-praktiki-kriminalisticheskikh-operatsii-v-dosudebnom-proizvodstve (дата обращения: 30.01.2025).
12. Комаров И. М. Криминалистические операции досудебного производства в системе методики расследования преступлений: монография. М., 2012.
13. Лакомская М. Ю. Тактические операции и следственные версии как средства преодоления проблемной ситуации расследования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3 (17).
14. Криминалистика: учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. Минск: ИП «Экоперспектива», 1996.
15. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (2).

16. Хлус А. М. Теоретические и практические аспекты задержания взяточника с поличным // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3.
17. Шиканов В. И. Информация к тактической операции «Атрибуция трупа»: учеб. пособие. Иркутск: изд-во ИГУ, 1975.
18. Криминалистическая тактика: учеб. пособие для академического бакалавриата / под ред. Л. Я. Драпкина. М., 2015.
19. Шкаплеров Ю. П., Данько И. В. Следственные действия: пособие. Могилев: Могилев. институт МВД, 2017. URL: http://www.institutemvd.by/images/NIO/Sledstvennie_deistvia_Shkaplerov_Danko.pdf. (дата обращения: 30.01.2025).
20. Хлус А. М. Тактическая операция «задержание с поличным» и ее особенности при раскрытии и расследовании взяточничества // Законность и правопорядок. Правовой научно-практический журнал. 2018. № 1 (45).
21. Чернышев М. А., Алымов Д. В. Тактическая операция «Осмотр места происшествия»: монография. Курск: Университетская книга, 2015.
22. Попова Е. И., Асалханов Т. Ю. Основы тактической операции «Заключение с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве» по уголовным делам об убийствах // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 2 (47).
23. Костюченко О. Г. Высокотехнологичная тактическая операция «Осмотр места происшествия»: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4 / Костюченко Олег Георгиевич. М., 2023.
24. Баев О. Я. Тактическая операция «Досудебное соглашение о сотрудничестве» (постановка проблемы) // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине»: в 2 т. / отв. ред. И. М. Комаров. Белгород, 2011. Т. 1.
25. Попова Е. И., Гаджиев В. Э. Основы тактической операции «Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о хищениях скота» // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 3. DOI: 10.25136/2409-7810.2019.3.30079.

Информация об авторе:

Хлус Александр Михайлович,
доцент кафедры криминалистики

About the author:

Khlus Alexander M., *associate professor of the department of criminalistics*

Статья поступила в редакцию 18.03.2026; одобрена после рецензирования 19.05.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 18.03.2026; approved after reviewing 19.05.2026; accepted for publication 19.06.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-119-125
EDN: https://elibrary.ru/nxtazu

ПЕТРУХИНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
кандидат юридических наук
Белгородский юридический института МВД России имени И. Д. Путилина,
(Белгород, Россия)
p.e.a.86@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-6475-677X

ЖУРБЕНКО АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
кандидат экономических наук
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)
zhurbenkoal@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6022-272X

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ СЛЕДОВ DEEPFAKE ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *В статье рассматривается применение искусственного интеллекта для анализа следов deepfake-технологий в расследованиях кибертерроризма. Авторы анализируют алгоритмы искусственного интеллекта на основе нейронных сетей для выявления артефактов в аудио- и видеоматериалах, сгенерированных deepfake. Предложена модель автоматизированного анализа следов, повышающая эффективность досудебного расследования.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, deepfake, кибертерроризм, анализ следов, нейронные сети, расследование преступлений, цифровая криминалистика*

Для цитирования: *Петрухина Е. А., Журбенко А. М. Применение искусственного интеллекта в анализе следов deepfake технологий при расследовании кибертерроризма // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 119–125; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-119-125.*

PETRUKHINA EKATERINA A
candidate of law
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I. D. Putilin
(Belgorod, Russia)

ZHURBENKO ALEXEY M.
candidate of economic sciences
National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ANALYSIS OF TRACES OF DEEPFAKE TECHNOLOGIES IN THE INVESTIGATION OF CYBERTERRORISM

Abstract. *The article examines the use of artificial intelligence to analyze traces of deepfake technology in cyberterrorism investigations. The authors analyze artificial intelligence algorithms based on neural*

© Петрухина Е. А., Журбенко А. М., 2026.

networks to identify artifacts in audio and video materials generated by deepfake. A model of automated trace analysis has been proposed, which increases the effectiveness of pre-trial investigation.

Keywords: *artificial intelligence, deepfake, cyber terrorism, trace analysis, neural networks, crime investigation, digital forensics*

For citation: *Petrukhina E. A., Zhurbenko A. M. The use of artificial intelligence in the analysis of traces of deepfake technologies in the investigation of cyberterrorism // Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2 (78). P. 119–125; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-119-125.*

В настоящее время киберпространство больше не просто сеть, а полноценное «поле боя», где возникают новые типы угроз. Кибертерроризм среди них необходимо выделить особо.

Один из самых опасных инструментов в руках кибертеррористов – deepfake-технологии. Генеративные нейросети производят синтетический контент, который с пугающей точностью копирует речь, мимику и манеры реальных людей.

Deepfake-технологии создают синтетические медиафайлы. Они имитируют реальное видео, звук или фото с помощью алгоритмов искусственного интеллекта (далее – ИИ).

В основе таких файлов лежат генеративные модели, например GAN или VAE.

В GAN соревнуются две нейросети. Генератор делает подделку, а дискриминатор пытается ее распознать. Так модели повышают свою реалистичность. Обе сети обучаются на больших массивах лиц и голосов. В итоге они умеют заменять лица в видео или синтезировать речь.

Термин «deepfake» образован от deep learning (глубокое обучение) и fake (подделка). Это технология на основе нейросетей, которая выдает очень правдоподобные фальшивые медиа [1, с. 212–217).

«Подделки» эволюционируют до фотореалистичного уровня. VAE, в свою очередь, кодируют данные в латентное пространство, чтобы затем вариативно их восстанавливать. Для видео и звука VAE часто комбинируют с GAN, так алгоритмы анализируют мимику, освещение и произношение. Например, программа DeepFaceLab заменяет лица в роликах, а инструменты voice cloning копируют голос.

Кибертерроризм – незаконные действия в цифровом пространстве. Они угрожают государству, обществу и конкретным людям. Цель – повлиять на политику, экономику или социальные процессы[1].

Deepfake серьезно усиливает возможности кибертеррористов. Они могут создавать пропаганду с аватарами ИИ, фабриковать речи политиков, преувеличивать последствия реальных терактов для громкого резонанса. Такие материалы шокируют общество. Люди теряют доверие к СМИ и властям. Возникает хаос: сбои на выборах, кризисы в дипломатии, страх перед ложными угрозами[2].

ИИ отлично справляется с большими объемами данных. Он находит скрытые закономерности и аномалии в сетевом трафике, поведении пользователей и системных логах. Это позволяет оперативно обнаружить угрозу – будь то DDoS-атака[3] или действия инсайдера.

Так, например, системы машинного обучения выстраивают эталонную модель нормальной работы. Любое отклонение от нее вызывает сигнал тревоги. В итоге время реакции сокращается с часов до секунд. Кроме того, ИИ анализирует историю атак и прогнозирует будущие угрозы. Мониторинг идет в автоматическом режиме, и многие инциденты просто не успевают случиться [2].

В криминалистике ИИ исследует цифровые следы: метаданные файлов, логи доступа, перемещения в сети. Так, эксперты восстанавливают цепочку событий и устанавливают действия злоумышленников.

Методы глубокого обучения распознают дипфейки. Они проверяют артефакты сжатия, неестественную мимику, нестыковки в аудио и видео. Без этого не обойтись, когда нужно опровергнуть фальсификацию по делу о мошенничестве или шантаже.

---

[1] Кибертерроризм // Anti-Malware.ru. URL: https://www.anti-malware.ru/threats/cyberterrorism (дата обращения: 08.04.2026).

[2] Панасенко А. Технологии Deepfake как угроза информационной безопасности // Anti-Malware.ru. 08.04.2020. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Deepfakes-as-a-information-security-threat (дата обращения: 08.04.2026).

[3] *DDoS-атака (Distributed Denial of Service* – «распределенный отказ в обслуживании») – это кибератака, при которой злоумышленники перегружают сервер, сеть или веб-приложение огромным количеством запросов с множества устройств. Цель – сделать систему недоступной для реальных пользователей за счет перегрузки ее ресурсов.

Чтобы отнести инцидент к кибертерроризму, ИИ сопоставляет паттерны атак – их масштаб, цели, возможные мотивы – с базами данных угроз. На выходе получаем классификацию, например по критерию ущерба критической инфраструктуре[1]:

• автоматизация работы. ИИ сортирует миллионы событий безопасности. Аналитики освобождаются для стратегических задач;

• система обрабатывает данные в реальном времени и реагирует мгновенно. Ущерб от атаки снижается, а число ложных срабатываний падает – ИИ учится непрерывно;

• масштабируемость. ИИ легко работает с огромными объемами данных. Он встраивается в SIEM и XDR, обеспечивая полное покрытие сетей, облаков и конечных устройств[2].

Существует несколько методов по распознанию ИИ:

1. Фотоплетизмография как оптический признак.

Метод удаленной фотоплетизмографии улавливает пульс по едва заметным изменениям цвета кожи. Каждое сокращение сердца меняет кровенаполнение, и алгоритм фиксирует эти микроколебания. Сердце сокращается, концентрация кислородной крови в коже на мгновение растет. Красный канал (в RGB или Lab*) тут же меняет свою интенсивность. На реальных видео такие изменения выглядят периодично и когерентно: они синхронно пробегают по лбу, щекам и подбородку.

Синтезированные видео либо вовсе не содержат rPPG-сигнала[3], либо выдают хаотичный шум. У этого шума нет характерной частотной структуры в диапазоне 0,6–1,2 Гц (это соответствует пульсу 36–72 удара в минуту).

Алгоритм выявления подделки:

• выделение ROI[4] – участков лица с густой капиллярной сетью;

• усреднение значения красного канала на этих участках по времени и получение временного ряда;

• применение Фурье- или Вейвлет-анализа[5], чтобы найти доминирующую частоту или физиологический паттерн;

• сравнение характеристики сигнала: амплитуды, стабильности, согласованности между разными ROI. Deepfake почти всегда выдает рассогласование или полное отсутствие живого ритма.

В контролируемых условиях записи такие методы дают точность 90–95 %. А если добавить к ним другие признаки – точность становится еще выше[6].

2. Цвет и текстура кожи: гистограммы и пространство Lab*.

Синтезированные лица часто выглядят подозрительно гладкими. Цвет на них переходит слишком плавно, неестественно. Цветовой и текстурный анализ легко это выявляет.

Гистограммы Lab*-каналов живого человека демонстрируют небольшой естественный разброс яркости и оттенков.

У deepfake эти гистограммы словно «прилизаны»: дисперсия ниже, мелкие пиковые отклонения исчезают, цвета становятся подозрительно равномерными.

Анализ текстур обнаруживает, что синтезированные участки кожи менее вариативны и слишком регулярны.

Эти признаки нейросети используют как локальные «мезоскопические» паттерны размером от нескольких до десятков пикселей. Именно на них нацелены детекторы вроде MesoNet (сеть для обнаружения подделок в видео, особенно связанных с манипуляциями лицом)[7].

3. Микродвижения глаз и мимики.

---

[1] Цифровые следы, ИИ, биометрия: как исследуют психологию серийных убийц // РБК Тренды. 03.04.2025. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/67ee283b9a7947314389d27f (дата обращения: 08.04.2026).

[2] Искусственный интеллект в сфере кибербезопасности // International academy of cyber security journal, 2025. URL: https://www.iacj.ru/ru/nauka/article/86419/view (дата обращения: 08.04.2026).

[3] *rPPG-сигнал* – сигнал, получаемый методом дистанционной фотоплетизмографии (rPPG). Неконтактный способ измерения физиологических параметров, таких как частота сердечных сокращений, частота дыхания, насыщение крови кислородом и артериальное давление, с помощью видеокамер

[4] *ROI (Region of Interest)* – область интереса, которая в контексте медицинских исследований и диагностики может обозначать конкретные участки тела, подлежащие изучению или анализу.

[5] *Фурье- и Вейвлет-анализ* – методы обработки сигналов и данных, которые позволяют преобразовывать сигналы из временной области в частотную или проводить частотно-временной анализ соответственно.

[6] Новая инфраструктура доверия: технический анализ технологий обнаружения дипфейков и аутентификации цифрового контента // Radensa Newsletter. 30.10.2025. URL: https://newsletter.radensa.ru/archives/9408 (дата обращения: 08.04.2026).

[7] Микунов А. В., Елизаров Д. А. Применение модели MesoNet для обнаружения дипфейков // Материалы III конференции (онлайн-ресурс birskin.ru). 18.11.2025. URL: https://birskin.ru/index.php/2012-02-07-11-31-02/57-iii-/1438---mesonet--- (дата обращения: 08.04.2026).

Живое лицо никогда не замирает. Оно постоянно дрожит: тремор глаз, моргание, микросокращения мышц, легкая асимметрия мимики. Большинство deepfake-моделей, особенно в реальном времени, эти детали воспроизводят плохо.

Взрослый человек моргает 15–20 раз в минуту. Длительность закрытия века и симметрия между глазами подчиняются определенной статистике. У deepfake моргание либо отсутствует, либо выглядит механически: слишком регулярно, синхронно, одинаково по длительности, почти никогда не согласуется с другими движениями лица.

Живой глаз слегка и нестабильно дрожит, мы можем отследить это по движению зрачка и контура века. В синтезированных видео таких движений либо нет вовсе, либо траектория выглядит неестественно гладкой и стабильной.

Реальные лица редко двигаются идеально симметрично. Левая и правая половины расходятся – иногда на миллисекунды, иногда по амплитуде. Deepfake-модели, обученные на больших массивах синтезированных кадров, эти различия сглаживают. Они создают «идеально» симметричные движения.

Оптический поток отслеживает движение пикселей между кадрами и выявляет слишком плавные или аномальные траектории.

Facial-landmark-модели фиксируют координаты уголков рта, век, бровей. На выходе – временные ряды движения, которые мы сравниваем с эталонными статистиками живого человека[1].

4. Биометрическая детекция: rPPG, глаза и тепловые карты.

Биометрические методы идут дальше простого rPPG. Они анализируют глаза, тепловое излучение и другие физиологические параметры.

Мы смотрим не только на цвет кожи, но и на изменение диаметра зрачка. Реальный зрачок реагирует на свет, эмоции, когнитивную нагрузку и подчиняется строгим физиологическим законам. В deepfake таких реакций либо нет, либо они заданы жестко и не варьируют.

Кроме того, живое лицо выделяет тепло – от мышц, капилляров, движений. Тепловая карта получается сложной и неоднородной. У синтетических лиц термальные следы отсутствуют или некорректны, особенно в области глаз, лба и щек.

Натуральная радужка имеет уникальные микроструктуры. Идеально смоделировать их крайне сложно. Детекторы, которые работают с крупным планом, анализируют эти micro-textural-паттерны и отличают живого человека от синтетического двойника.

Такие признаки особенно ценны в системах биометрической аутентификации, где deepfake-спуфинг стал реальной угрозой[2].

5. 3D-морфинг и проверка глубины.

По видеокадрам алгоритм восстанавливает 3D-меш лица[3] или нормализованную карту глубины. В реальном видео глубина и освещение меняются согласованно – вместе с движением источника света и камеры.

Deepfake-методы чаще всего работают в двухмерном пространстве: они накладывают синтезированное лицо на плоский фон. Это порождает рассогласование между картой глубины и реальными тенями, отражениями, движением. Системы, работающие с FaceForensics++[4], сравнивают локальные 3D-структуры и находят аномалии в форме, контурах и овале лица[5].

Далее рассмотрим, каким образом ИИ позволяет повысить результативность расследования киберпреступлений, совершенных с использованием deepfake-технологий.

ИИ-системы перерабатывают многотерабайтные массивы цифровых данных – видео, аудио, текст, метаданные. Они вылавливают скрытые паттерны, проясняют связи между аккаунтами и находят похожие сценарии распространения экстремистского и террористического контента. Исследо-

[1] Обзор методов и техник генерации и выявления «дипфейков» // Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ»: [сайт]. 30.06.2022. URL: https://rdc.grfc.ru/2022/06/deepfakes_generation_method_review/ (дата обращения: 08.04.2026).

[2] Дипфейки переписывают правила биометрической безопасности // Lazarus Alliance, 2025. URL: https://lazarusalliance.com/ru/Дипфейки-переписывают-правила-биометрической-безопасности./ (дата обращения: 08.04.2026).

[3] *3D-меш лица (Face Mesh)* – трехмерная модель человеческого лица, состоящая из сети вершин (точек) и ребер (линий, соединяющих точки), которые определяют форму и контуры лица. Такая модель позволяет точно отслеживать выражения лица, движения и особенности внешности в реальном времени.

[4] *FaceForensics++* – набор данных для обучения методов обнаружения манипулированных изображений лиц. Он был создан в рамках исследования, посвященного анализу реалистичности современных методов манипуляции изображениями и сложности их обнаружения – как автоматически, так и людьми.

[5] Обзор технологий выявления модифицированного контента класса deepfake // Сбербанк: [сайт]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/experts/obzor_tehnologiy_vyyavleniya_modificirovannogo_kontenta_klassa_deepfake (дата обращения: 08.04.2026).

ватели подтверждают: связка машинного обучения с цифровой криминалистикой резко ускоряет предварительное расследование и повышает качество экспертизы онлайн-материалов.

Применительно к кибертерроризму ИИ работает в двух режимах: профилактическом и следственном, что позволяет:

• мониторить сеть и находить террористический и экстремистский контент;

• сортировать материалы по степени опасности и принадлежности к группировкам;

• строить версии и предсказывать вероятные цели и методы атак.

Рассмотримпоследовательность расследования рассматриваемых нами преступлений:

1. Выявляем deepfake в пропагандистских роликах.

Deepfake-технологии работают на генеративных моделях – GAN, диффузионные сети. Они накладывают чужое лицо, голос или анимацию на исходное видео, и подделка выглядит убедительно. Чтобы ее распознать, нужны специальные инструменты:

– нейросетевые детекторы – они ищут артефакты маскировки: несовпадение движения губ и речи, аномальные тени, странное освещение;

– базы эталонных образцов лиц и голосов (так называемый «биометрический контур»), на которых обучаются модели;

– метаданные – временные метки, геоданные, кодеки, данные об устройстве-источнике. Они помогают отличить смонтированную фальшивку от оригинальной съемки.

Автоматизированные ИИ-сканеры прочесывают крупные видеохостинги и мессенджеры, отсеивая подозрительные ролики. Найденные материалы отправляются на экспертную криминалистическую проверку.

2. Устанавливаем автора и каналы распространения.

На этом этапе ИИ берет на себя три задачи.

– связывает контент с конкретными аккаунтами, доменами и серверами по поведенческим паттернам: частота постов, типы ссылок, сеть ретрансляций;

– обнаруживает скрытые связи между аккаунтами с помощью анализа графов (соцсети, форумы, шифрованные чаты – через временные и логические пересечения);

– восстанавливает цепочку распространения: от первого источника (пользователь, канал, сайт) через ретвиты и мессенджеры до конечных ресурсов.

Ключевую роль здесь играют алгоритмы временной и логической корреляции. Они сопоставляют публикацию ролика с другими событиями, например с выступлениями организаций, призывами или инструкциями. Так следователи получают версии о том, какую роль в кампании сыграл тот или иной фактор.

3. Находим связь с экстремистскими и террористическими группировками.

ИИ-модели на основе машинного обучения классифицируют контент по тематическим признакам. Они выделяют:

– призывы к насилию, разжигание ненависти, оправдание терактов;

– ключевые символы, терминологию и нарративы конкретных группировок, например ISIS или «Хаканы национального сопротивления».

Для этого применяются два подхода.

Первый – тематическое моделирование и текстовые классификаторы, обученные на массивах экстремистских материалов.

Второй – эмотивный и тональный анализы[1]: оценивают агрессивность, призывность и мобилизующий потенциал текста.

Такие системы автоматически ранжируют контент по степени угрозы и привязывают его к уже известным профилям экстремистских сообществ [3, с. 20–24].

4. Определяем геолокацию и проводим пространственный анализ.

Аналитические алгоритмы ИИ используют три источника:

– геотеги из метаданных изображений и видео;

– контекстные признаки кадра: дорожные знаки, архитектура, ландшафт, транспорт, надписи (их сравнивают с картографическими базами);

– IP-трассировку и данные о серверах-хостингах – так выясняют возможные точки распространения и хранения контента.

На основе этого анализа строятся геопространственные карты распространения. Они показывают, где формируются и откуда ретранслируются пропагандистские ролики. Следствие получает возможность планировать оперативные и международные мероприятия.

[1] *Эмотивный и тональный анализы* – методы исследования текстов, направленные на выявление эмоциональной окраски, отношения автора к описываемым объектам, событиям или явлениям.

5. Анализируем текст лингвистически.

Лингвистические методы, усиленные ИИ, решают две главные задачи. Первая – установить авторство и стилистические особенности текста: идиолект, характерные лексические и грамматические конструкции. Вторая – определить принадлежность автора к экстремистским сообществам по типичным оборотам, сленгу и метафорам.

Инструментарий включает:

– морфологические и синтаксические анализаторы – они вычленяют структурные паттерны текста;

– количественные модели, которые связывают параметры текста (частота слов, доля эмоциональной лексики, длина предложений) с вероятностью экстремистской или террористической направленности.

Эти алгоритмы не просто автоматически находят подозрительные посты и сообщения. Они еще и формируют предварительные экспертные суждения о социальной и мотивационной вовлеченности автора [4, с. 107–113].

6. Автоматизируем обработку видео.

ИИ-системы здесь дают три ключевых преимущества:

– распознают лица и номера в видеозаписях – даже на низкокачественных и фрагментарных кадрах;

– улучшают качество изображения: суперразрешение, стабилизация, выделение ключевых кадров и сцен;

– создают клип-сводки[1] и временные линии событий на основе видео из разных источников. Это особенно ценно при анализе совместных действий террористических групп.

В криминалистике такой подход эффективно сокращает ручной просмотр – часы, а иногда и сутки видеоматериалов. Эксперты концентрируются только на отобранных и уже проанализированных фрагментах.

7. Строим версии и пути расследования.

ИИ-модели помогают следователям формировать версии развития событий на основе совокупности данных (временные метки, логистика, геолокация, текстовые сообщения). Алгоритмы также оценивают, как контент будет распространяться дальше, какие действия группировки могут предпринять следом.

Необходимо отметить, что ИИ не заменяет следователя. Он работает как аналитический фильтр и эксперт-помощник. Система предлагает несколько рабочих версий, опираясь на статистические и логические закономерности, а человек уже принимает решение.

8. Выявляем цепочки распространения и точки уязвимости.

Графовые и ML-модели[2] помогают ИИ находить ключевые узлы в сети распространения. Это аккаунты-дублеры, каналы-ретрансляторы, форумы-агрегаторы. Алгоритмы также распознают типичные паттерны вирусного распространения, например движение из закрытых чатов в публичные каналы или переход от текстовых постов к видеороликам.

Благодаря этому службы безопасности и следственные органы могут:

– оперативно блокировать самые критические точки распространения;

– готовить оперативно-розыскные и технические мероприятия против выявленных узлов сети [5, с. 266–268].

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Цифровизация и развитие ИИ радикально меняют облик киберпреступности. Особенно это заметно в сферах кибертерроризма и дипфейк-угроз.

2. Террористические акты в цифровой среде множатся. Злоумышленники активно используют синтетический контент, чтобы сеять дезинформацию и подрывать доверие к государственным институтам. Киберпространство превратилось в полноценное «поле битвы» – здесь идет информационно-психологическое и политическое противоборство.

3. При расследовании кибертерроризма нейросети берут на себя огромные объемы работы: обрабатывают большие данные, анализируют метаданные, проводят лингвистическую и геопространственную «разведку», выявляют цепочки распространения и строят вероятные сценарии развития событий. Все это освобождает следователя от рутины и ускоряет ход раскрытия и расследования рассматриваемой группы преступлений.

[1] *Клип-сводки* – тематические видеоматериалы, которые содержат краткие обобщенные сведения или новости по определенной теме.

[2] *Графовые и ML-модели* – это два взаимосвязанных подхода для анализа данных, особенно сложных взаимосвязей и структур.

Список источников

1. Севостьянова С. О., Кравцов С. С. Технологии создания deepfake и методы их выявления // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2 (113).
2. Газизов А. Р., Хагуш Р. Э. Роль искусственного интеллекта в улучшении обнаружения угроз // Педагогический вестник. 2025. Вып. 36.
3. Квасов В. Ю. Особенности применения ИИ при расследовании преступлений в сфере компьютерных технологий // Парадигма. 2025. № 11.4.
4. Литвинова Т. А., Загоровская О. В. Лингвистические методы выявления в Сети экстремистского контента и лиц, склонных к экстремизму // Современное право. 2016. № 3. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Лингвистические-методы-выявления-в-Сети-экстремистского-контента-и-лиц-склонных-к-экстремизму (дата обращения: 08.04.2026).
5. Вознесенская А. Е. Применение цифровизации в криминалистике: современное состояние и перспективы развития // Молодой ученый. 2024. № 20 (519). URL: https://moluch.ru/archive/519/114359 (дата обращения: 08.04.2026).

Литература

1. Europol IOCTA cybercrime report reveals growing use of AI models and data theft // Biometric Update. – 2025. – Jun. 16. – URL: https://www.biometricupdate.com/202506/europol-iocta-cybercrime-report-reveals-growing-use-of-ai-models-and-data-theft (дата обращения: 08.04.2026).
2. Таршева, М. Н. Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений террористического характера в цифровую эпоху / М. Н. Таршева, Н. Н. Толкунова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 1.

Информация об авторах:

Петрухина Екатерина Александровна, *доцент кафедры криминалистики;*
Журбенко Алексей Михайлович, *ведущий научный сотрудник 3 отдела НИЦ № 3*

About the authors:

Petrukhina Ekaterina A., *associate professor of the department of criminalistics;*
Zhurbenko Alexey M., *leading researcher of the 3rd department of the Research Center No. 3*

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 09.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.
The article was submitted to the editorial office 19.05.2026; approved after reviewing 09.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-126-130
EDN: https://elibrary.ru/efadhe

НИКУЛИЧЕВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
кандидат педагогических наук
Брянский филиал ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
(Брянск, Россия)
nik77ira@yandex.ru

БАГИРОВ ЗАУР РУСЛАНОВИЧ
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
(Нальчик, Россия)
bagirov07.05@gmail.com

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. *Обеспечение правопорядка и общественной безопасности в современных условиях функционирования органов внутренних дел Российской Федерации характеризуется качественным расширением взаимодействия с институтами гражданского общества. В условиях динамичного изменения оперативной обстановки и появления новых угроз, в том числе в информационно-телекоммуникационной сфере, участие граждан в охране общественного порядка становится стратегическим ресурсом профилактики правонарушений.*

Актуальность обусловлена развитием положений законодательства, регламентирующего участие граждан в охране общественного порядка, и появлением принципиально новых вызовов безопасности. Необходимость противодействия данным вызовам требует пересмотра традиционных форм взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями правоохранительной направленности и выработки алгоритмов их привлечения к профилактической работе в цифровой среде. Современные условия диктуют потребность в оптимизации механизмов управления смешанными нарядами и повышении качества правовой подготовки граждан, привлекаемых к охране общественного порядка, для обеспечения законности при выполнении ими содействия полиции.

Ключевые слова: *полиция, взаимодействие, цифровизация, информация, общественные объединения*

Для цитирования: *Никуличева И. В., Багиров З. Р. Инновационные формы и цифровые инструменты взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями правоохранительной направленности // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 126–130; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-126-130.*

NIKULICHEVA IRINA V.
candidate of pedagogical sciences
Bryansk Branch of Lukianov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
(Bryansk, Russia)

© Никуличева И. В., Багиров З. Р., 2026.

BAGIROV ZAUR R.
North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Nalchik, Russia)

INNOVATIVE FORMS AND DIGITAL TOOLS FOR INTERACTION BETWEEN INTERNAL AFFAIRS BODIES AND LAW ENFORCEMENT PUBLIC ASSOCIATIONS

Abstract. *Ensuring law and order and public safety in the current conditions of the functioning of the internal affairs bodies of the Russian Federation is characterized by a qualitative expansion of interaction with civil society institutions. In the context of a dynamic change in the operational situation and the emergence of new threats, including in the information and telecommunications sphere, the participation of citizens in the protection of public order becomes a strategic resource for the prevention of offenses. The relevance is due to the development of the provisions of legislation regulating the participation of citizens in the protection of public order and the emergence of fundamentally new security challenges. The need to counter these challenges requires a review of the traditional forms of interaction between law enforcement agencies and public law enforcement associations, as well as the development of algorithms for their involvement in preventive work in the digital environment. Modern conditions dictate the need to optimize management mechanisms.*

Keywords: *police, interaction, digitalization, information, and public associations*

For citation: *Nikulicheva I. V., Bagirov Z. R. Innovative forms and digital tools for interaction between internal affairs bodies and law enforcement public associations // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 126–130; https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-126-130.*

Современная цифровая трансформация общественных отношений и переход значительной части криминальной активности в информационно-телекоммуникационную среду обуславливают необходимость качественной модернизации форм взаимодействия органов внутренних дел с гражданским обществом. Традиционные механизмы привлечения общественности к охране правопорядка в современных условиях дополняются высокотехнологичными инструментами, позволяющими включать потенциал добровольческих объединений в единую систему обеспечения общественной безопасности.

Расширение цифрового пространства привело к возникновению принципиально новых криминальных вызовов, характеризующихся высокой степенью анонимности и трансграничности. Традиционные методы полицейского надзора в сетевой среде сталкиваются с проблемой колоссальных объемов данных, что диктует необходимость перехода к интеллектуальным системам раннего обнаружения угроз. В этих условиях эффективность правоохранительной деятельности напрямую зависит от способности государства интегрировать гражданские экспертные ресурсы в единый контур мониторинга безопасности. Трансформация угроз в условиях глобальной цифровизации требует внедрения специализированных механизмов контроля за информационными потоками и оперативного пресечения деструктивного контента. В системе обеспечения кибербезопасности ключевое значение приобретает государственно-частное партнерство, позволяющее сочетать административный ресурс с передовыми технологиями мониторинга.

В условиях значительных объемов неструктурированной информации традиционные ведомственные методы контроля нуждаются в дополнении со стороны высокотехнологичных гражданских ресурсов, обладающих специфическими компетенциями в области анализа сетевого контента. В рамках этой стратегии крупнейшая Российская экспертная организация «Лига безопасного интернета»[1], созданная в 2011 году при поддержке Министерства экономического развития и связи и Министерства внутренних дел Российской Федерации функционирует как фильтр, обеспечивающий предварительный мониторинг информационного пространства.

Механизм упорядочивания и передачи данных «Лиги безопасного интернета» представляет собой высокотехнологичный цикл, сочетающий интеллектуальный мо-

[1] Лига безопасного интернета: [офиц. сайт]. URL: https://ligainternet.ru (дата обращения: 15.03.2026).

ниторинг с использованием нейросетей для автоматического выявления деструктивного контента и последующую экспертную оценку. На этом этапе юристы и психологи организации проводят правовой анализ собранных материалов и формируют аргументированное заключение о наличии признаков состава правонарушения с фиксацией цифровых следов, что переводит первичную информацию в данные, готовые для процессуальной обработки профильными подразделениями МВД России.

За последние годы информационно-аналитическое взаимодействие добровольцев и правоохранительных органов перешло на этап цифровой интеграции и использование искусственного интеллекта [1, с. 215–224]. В условиях тотальной цифровизации общественных отношений вектор активности добровольных формирований смещается из физического пространства в информационно-телекоммуникационную среду. Традиционное патрулирование улиц дополняется дистанционным мониторингом киберпространства, что предусматривает наличие специализированных компетенций у участников общественных объединений.

Современные общественные объединения граждан представляют собой экспертные сообщества, деятельность которых направлена на выявление деструктивного контента, в том числе поиск и фиксацию материалов, пропагандирующих экстремизм, терроризм, суицидальное поведение и девиантные формы субкультур. Деятельность таких сообществ выходит за рамки простого поиска ссылок и предусматривает сложную аналитическую функцию[1].

Использование методов мониторинга открытых источников информации общественными экспертными сообществами позволяет органам внутренних дел получать предупреждающую информацию, не прибегая к оперативно-техническим мероприятиям. Эксперты-общественники используют специализированное программное обеспечение для визуального и математического анализа структуры связей между аккаунтами в социальных сетях, группами и узлами связи, что позволяет выявить лидеров мнений в радикальных средах и определять реальные центры создания деструктивной информации, скрывающиеся за анонимными профилями [2, с. 145–149].

Результаты математического анализа связей, представленные общественными организациями в виде справок-меморандумов, служат для органов внутренних дел юридическим основанием для инициирования оперативно-розыскных мероприятий[2]. Полученные данные позволяют специализированным техническим подразделениям МВД России эффективно проводить процесс установления личности злоумышленников, сопоставляя выявленные цифровые следы с реальными IP-адресами устройств для установления их местонахождения и последующих процессуальных действий.

Трансформация методов бесконтактного сбыта запрещенных веществ требует от правоохранительной системы постоянного расширения инструментов мониторинга как в физическом, так и в виртуальном пространстве. Эффективное противодействие сетевой наркоторговле невозможно без оперативного сбора данных о новых каналах распространения и методах визуальной рекламы, используемых для вовлечения граждан в преступную деятельность. В качестве содействия специализированным подразделениям МВД России общественные объединения осуществляют мониторинг теневых площадок, социальных сетей и мессенджеров на предмет выявления рекламы наркотических средств, а также фиксируют деятельность наркограффити с привязкой к геолокации.

Согласно обновленной Стратегии до 2030 года[3], взаимодействие с общественными объединениями перешло на качественно новый уровень, от хаотичного выявления отдельных ссылок к созданию единых цифровых контуров мониторинга, позволяющих формировать структурированные базы данных о наркоугрозах в режиме реального времени. Актуализированная в 2024 году редакция Стратегии

[1] Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р // Собр. зак-ва РФ. 2023. № 44. Ст. 7984.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026). Пункт 3 ч. 1 ст. 140: «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников» // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 21.04.2026).

[3] Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 (ред. от 20.02.2024) // Собр. зак-ва РФ. 2020. № 48. Ст. 7705.

до 2030 года задает направление на технологическое объединение усилий и ресурсов государства и общества. Создание единых цифровых механизмов мониторинга превращает общественные объединения из пассивных информаторов в активных участников аналитического процесса, обеспечивая формирование развивающихся баз данных о наркоугрозах.

Внедрение волонтерскими объединениями специализированного программного обеспечения с функционалом GPS-трекинга и автоматической верификацией координат при фотофиксации правонарушений предусматривает качественное изменение системы сбора первичной информации. Процесс документирования визуальной рекламы бесконтактного сбыта запрещенных веществ (граффити-надписей) сопровождается формированием реестра геолокационных меток, что обеспечивает высокую достоверность привязки объектов к участкам местности. Систематизация массивов данных в рамках АПК «Безопасный город» позволяет территориальным органам МВД осуществлять предиктивный анализ плотности криминогенной активности.

В рамках реализации межведомственных комплексных оперативно-профилактических операций, таких как «Чистое поколение – 2024» и региональных программ «Чистый город», представители волонтерских объединений привлекаются к мероприятиям по физическому устранению визуальной рекламы бесконтактного сбыта психоактивных веществ[1]. Системное участие субъектов общественной профилактики в рейдовых мероприятиях позволяет территориальным органам МВД минимизировать визуальную доступность противоправного контента, формируя в зоне ответственности зоны контроля, свободные от деструктивного информационного воздействия на несовершеннолетних. Межведомственная комплексная оперативно-профилактическая акция «Чистое поколение – 2024» продемонстрировала высокую эффективность в объединении усилий органов внутренних дел и волонтерских объединений [3, с. 115–121].

В условиях масштабного роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, традиционные меры правоохранительных органов дополняются потенциалом гражданского общества. Общественные экспертные сообщества и цифровые дружины выступают информационными фильтрами, сокращая время реакции органов внутренних дел на новые угрозы. Волонтеры-аналитики осуществляют мониторинг социальных сетей, выявляя новые схемы мошенников. Систематизированная информация о новых схемах обмана и подозрительных реквизитах, номерах телефонов, криптокошельках, счетах передается в Управление по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России и позволяет полиции инициировать блокировку ресурсов через взаимодействие с Центробанком и Роскомнадзором до того, как схема станет массовой [4, с. 22–29].

Трансформация методов совершения правонарушений требует от правоохранительных органов постоянного поиска новых механизмов противодействия. Особая роль в этой системе отводится волонтерским инициативам, направленным на повышение цифровой грамотности и создание защищенной информационной среды для наиболее уязвимых категорий граждан. Учитывая, что основной мишенью мошенников остаются лица пожилого возраста, присутствует необходимость в реализации мер адресной психологической защиты. В связи с этим институт цифровых кураторов рассматривается как перспективное направление, в рамках которого волонтеры закрепляются за локальными сообществами (советами ветеранов, ТСЖ) для оперативного консультирования граждан в сомнительных ситуациях и предотвращения хищений денежных средств[2].

Таким образом, подводя итог, отметим, что стремительная цифровая трансформация преступности и перенос криминальной активности в анонимные сегменты информационно-телекоммуникационной сети предполагают необходимость внедрения инновационных подходов к мониторингу общественной безопасности. Взаимодействие правоохранительных органов и современных волонтерских групп позволяет не только своевременно выявлять скрытые угрозы, но и эффективно реализовывать

[1] Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2024 году // Государственный антинаркотический комитет: [сайт]. URL: https://media.mvd.ru/files/embed/13166215 (дата обращения: 23.02.2026).

[2] Об утверждении профессионального стандарта «Консультант в области развития цифровой грамотности населения (цифровой куратор)»: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31.10.2018 № 682н // Рос. газ. 2018. 10 дек. (№ 277).

принцип неотвратимости наказания в виртуальном пространстве. Вспомогательная деятельность киберволонтеров по фиксации наркограффити с применением геолокационных меток и мониторингу скрытых сегментов мессенджеров формирует комплексный информационный массив, позволяющий подразделениям полиции своевременно вскрывать новые каналы сбыта запрещенных веществ и нейтрализовывать угрозы в информационно-телекоммуникационной сфере.

Резюмируя современное взаимодействие полиции с общественными объединениями, следует отметить смену модели от закрытой ведомственной к открытому партнерству, основанному на цифровом объединении ресурсов и функциональном содействии. Общественные объединения выступают в роли интеллектуального и физического фильтра, обеспечивая раннее обнаружение угроз, в то время как за органами внутренних дел остается исключительное право на применение мер государственного принуждения. Соблюдение этого баланса и конституционных гарантий является фундаментом законности и доверия населения к правоохранительной системе, в том числе в условиях цифровизации.

Список источников

1. Гришин Д. А. Организационно-правовые аспекты взаимодействия органов внутренних дел с волонтерскими организациями при поиске лиц, пропавших без вести // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31, № 2.
2. Кузнецов С. В. Использование методов OSINT в деятельности правоохранительных органов по противодействию терроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3.
3. Майоров А. В. Правовое просвещение и профилактика правонарушений в молодежной среде: по материалам акции «Чистое поколение – 2024» // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41).
4. Гаврилов Б. Я. Современные подходы к профилактике ИТ-преступности: от ведомственных мер к общественному партнерству // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1 (73).

Информация об авторах:

Никуличева Ирина Васильевна,
начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин;
Багиров Заур Русланович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки

About the authors:

Nikulicheva Irina V.,
head of the department of social sciences and humanities
Bagirov Zaur R.,
senior lecturer at the department of fire training

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 09.05.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 19.06.2026.
The article was submitted to the editorial office 09.05.2026; approved after reviewing 25.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-131-136
EDN: https://elibrary.ru/smooui

ДАНИЛКИНА ВИТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
v-danilkina@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных возможностей использования информационных технологий следователем при проведении следственного эксперимента в ходе расследования дорожно-транспортных происшествий. Обосновывается, что традиционные методы фиксации хода и результатов следственного эксперимента, закрепленные в ст. 181 УПК РФ, не в полной мере отвечают потребностям современной следственной практики, испытывающей необходимость в точной и объективной реконструкции обстоятельств ДТП. На основе анализа нормативно-правовой базы, научных публикаций и судебной практики рассматриваются перспективы интеграции в следственный эксперимент таких технологий, как 3D-сканирование и фотограмметрия, программные комплексы компьютерного моделирования (PC-Crash, Virtual Crash), беспилотные летательные аппараты, а также данные телематических систем ГЛОНАСС/GPS. По результатам исследования сформулированы предложения по совершенствованию нормативного обеспечения цифровизации следственных действий.*

Ключевые слова: *следственный эксперимент, дорожно-транспортное происшествие, информационные технологии, 3D-моделирование, допустимость доказательств, компьютерная реконструкция, цифровизация расследования*

Для цитирования: *Данилкина В. М. Применение следователем информационных технологий в процессе проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 131–136; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-131-136.*

DANILKINA VITALIYA M.
candidate of law, associate professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

USE OF INFORMATION TECHNOLOGY BY AN INVESTIGATOR DURING AN INVESTIGATIVE EXPERIMENT IN THE INVESTIGATION OF ROAD ACCIDENTS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of modern possibilities of using information technologies by an investigator during conducting an investigative experiment in the course of the investigation of traffic accidents. It is substantiated that the traditional methods of fixing the course and results of an investigative experiment, enshrined in Article 181 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, do not fully meet the needs of modern investigative practice, which requires an accurate and objective reconstruction of the circumstances of an accident. Based on the analysis of the regulatory framework, scientific publications, and*

© Данилкина В. М., 2026.

judicial practice, the article examines the prospects for integrating technologies such as 3D scanning and photogrammetry, computer modeling software (PC-Crash, Virtual Crash), unmanned aerial vehicles, and data from GLONASS/GPS telematics systems into investigative experiments. The article concludes with suggestions for improving the regulatory framework for the digitalization of investigative activities.

Keywords: *investigative experiment, traffic accident, information technology, 3D modeling, admissibility of evidence, computer reconstruction, digitalization of investigation*

For citation: *Danilkina V. M. Use of information technology by an investigator during an investigative experiment in the investigation of road accidents // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 131–136; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-131-136.*

Обеспечение безопасности дорожного движения остается одной из наиболее острых социальных проблем Российской Федерации. В 2025 году в стране было зарегистрировано 132 037 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, в которых погибли 14 403 человека и получили ранения 164 754 участника дорожного движения. Общее же число ДТП, включая инциденты с исключительно материальным ущербом, составило 1 803 019, что на 3,9 % больше по сравнению с предшествующим годом. Наиболее распространенными видами аварий по-прежнему являются столкновения транспортных средств (44,9 %), наезды на пешеходов (23,1 %) и съезды с дороги (10,9 %), причем основной причиной гибели людей выступает несоответствие скорости конкретным условиям движения (32,1 %) и выезд на полосу встречного движения (27,3 %) [1].

Приведенные статистические показатели свидетельствуют о масштабности проблемы и обусловливают высокую востребованность качественного расследования каждого дорожно-транспортного преступления.

Следственный эксперимент, регламентированный ст. 181 УПК РФ, является одним из ключевых следственных действий, позволяющих проверить и уточнить данные, имеющие значение для уголовного дела, путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события. При расследовании ДТП данное следственное действие приобретает особое значение, поскольку именно посредством него устанавливаются момент возникновения опасности для движения, дистанция видимости, фактическая скорость транспортного средства, длина тормозного пути и другие обстоятельства, определяющие наличие или отсутствие у водителя технической возможности предотвращения происшествия[1].

В первую очередь следует рассмотреть процессуальные основы применения технических средств при следственном эксперименте. Правовой базой в данном случае выступает совокупность норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно ст. 181 УПК РФ следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события с целью проверки возможности восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявления последовательности происшедшего события и механизма образования следов. При этом законодатель не регламентирует тактические приемы и рекомендации по производству следственного эксперимента, оставляя их на усмотрение следователя с учетом конкретной следственной ситуации.

Существенное значение для рассматриваемой проблематики имеет норма ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, согласно которой если по решению следователя понятые в следственном эксперименте не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов данного следственного действия является обязательным. Таким образом, закон не только допускает, но в определенных случаях императивно предписывает использование технических средств, что создает нормативную предпосылку для внедрения современных информационных технологий в практику производства следственного эксперимента.

Применительно к делам о ДТП Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 09.12.2008 № 25 разъяснил, что при решении вопроса о технической возможности предотвращения ДТП следует исходить из того, что момент возникновения опасности для движения определяется в каждом конкретном случае с учетом дорожной обстановки, предшествующей происшествию[2]. Установление

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.04.2026).

[2] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также

данного обстоятельства непосредственно связано с проведением следственного эксперимента, в ходе которого определяются конкретная и общая видимость, темп движения пешехода и иные параметры, необходимые для последующего автотехнического экспертного исследования. Показательным в этом отношении является определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-417/2020, в котором суд констатировал, что момент обнаружения опасности водителем мог быть разрешен исключительно в рамках следственного эксперимента по определению общей и конкретной видимости в условиях, максимально приближенных к тем, которые имели место в момент совершения ДТП, и что непроведение такого эксперимента повлекло необоснованность выводов экспертизы[1].

С позиции криминалистической методики расследования дорожно-транспортных происшествий следственный эксперимент, проводимый для проверки механизма ДТП, скорости движения, пути торможения, видимости и иных параметров, обязан максимально воспроизводить реальные условия происшествия: дорожную обстановку, освещенность, погодные условия, расположение объектов и, что принципиально важно, фактическую траекторию движения транспортных средств.

Отступление от реальных траекторий (изменение полосы движения, начального положения автомобилей, угла их сближения и т. п.) приводит к искажению ключевых исходных данных, на основании которых рассчитываются скорость, время реакции водителя, расстояние до точки конфликта, возможность выполнения маневра уклонения или экстренного торможения. В результате такой эксперимент теряет доказательственное значение как средство проверки версии о механизме ДТП и не может служить надежной основой ни для экспертного заключения, ни для судебных выводов о вине и причинно-следственной связи.

Наличие видеозаписи с камеры наблюдения или видеорегистратора, фиксирующей реальное развитие ДТП, в подобных ситуациях приобретает принципиальное значение: именно она позволяет суду объективно сопоставить фактическую картину происшествия с теми условиями, которые были созданы при проведении следственного эксперимента, и критически оценить соответствие последнего требованиям относимости и достоверности доказательств.

Качественно новый уровень фиксации обстановки следственного эксперимента обеспечивают технологии трехмерного сканирования и фотограмметрии. Лазерное сканирование позволяет за короткое время собрать миллионы точек данных, формирующих «облако точек», – основу для высокоточной реконструкции сцены, что регламентируется ГОСТ Р 71863-2024 «Фототопография. Лазерное сканирование. Общие положения». Фотограмметрия, в свою очередь, обеспечивает построение 3D-моделей на основе серии перекрывающихся фотографий, что представляется особенно перспективным при ограниченном бюджете или невозможности использования сложного оборудования[2].

Исследование, проведенное Экспертно-криминалистическим центром МВД России, выявило ряд существенных преимуществ 3D-сканирования перед традиционными методами фиксации следов: время изготовления 3D-модели значительно меньше времени изготовления гипсового слепка; в процессе сканирования след не разрушается и не загрязняется; обеспечивается единый для всех следов технический подход к фиксации доказательственной информации; результаты не зависят от погодных условий; модели хранятся в цифровом виде и обеспечивают достаточную детализацию признаков [4, с. 1–5]. Применительно к следственному эксперименту по делам о ДТП данные технологии позволяют с беспрецедентной точностью зафиксировать дорожную обстановку, взаиморасположение объектов, рельеф местности и иные факторы, влияющие на видимость и условия движения.

Интеграция программных комплексов компьютерного моделирования в процесс расследования ДТП представляет собой одно из наиболее значимых направлений цифровизации следственной деятельности. Специализированные программы – PC-Crash, Virtual Crash, Carat 3, HVE (Human Vehicle Environment) – позволяют создавать трехмерные модели ДТП, анализировать траектории и скорости движения транспортных средств, определять точки столкновения и тестировать альтернативные

с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/ (дата обращения: 27.02.2026).

[1] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2020 по делу № 77–417/2020 // Адвокатское бюро. URL: https://pravo163.ru/ opredelenie-vtorogo-kassacionnogo-suda-obshhej-yurisdikcii-ot-28-05-2020-po-delu-77-417-2020-sud-ustanovil-chto-svedeniya-o-momente-vozniknoveniya-opasnosti-polucheny-ekspertami-iz-teksta-postanov (дата обращения: 27.02.2026).

[2] ГОСТ Р 71863–2024. Национальный стандарт Российской Федерации. URL: https://protect.gost.ru/ default.aspx/document1.aspx?control=31&baseC=6&page =2&month=1&year= 2025&search=&id=264738 (дата обращения: 27.02.2026).

сценарии развития аварийной ситуации. Методические рекомендации по производству автотехнических экспертиз, разработанные ЭКЦ МВД России, прямо допускают и поощряют применение компьютерных моделей и программных продуктов для решения экспертных задач, особенно в части реконструкции обстоятельств ДТП [3]. Программный комплекс Virtual Crash используется в экспертных подразделениях МВД России и Следственного комитета РФ, что подтверждает его фактическое признание в профессиональном сообществе.

Значение данных технологий для следственного эксперимента состоит в том, что они позволяют верифицировать результаты опытных действий путем сопоставления экспериментальных данных с результатами компьютерного моделирования. Кроме того, цифровая реконструкция существенно упрощает коммуникацию между участниками процесса: судьи и присяжные получают возможность наглядно воспринять динамику аварийного события, что снижает риски неверной интерпретации фактов. Грамотно подготовленное видеоприложение с элементами 3D-моделирования способно развеять сомнения суда относительно правильности выводов, позволяя избежать назначения повторного исследования. Апробация специализированного программного обеспечения для автоматизации расчетов в рамках автотехнической экспертизы, проведенная в ЭКЦ УМВД России по Белгородской области, продемонстрировала, что использование цифровых алгоритмов существенно сокращает временные затраты эксперта при одновременном уточнении результатов расчета, причем погрешность остается в пределах инструментальных допусков [2, с. 107–119].

Применение беспилотных летательных аппаратов открывает принципиально новые возможности для фиксации обстановки как при осмотре места ДТП, так и при проведении следственного эксперимента. С 2022 года Госавтоинспекция тестирует БПЛА для фиксации нарушений ПДД; в 2023 году беспилотники использовались в 29 российских регионах, с их помощью было выявлено 35 тыс. нарушений. В сентябре 2025 года на круглом столе в Совете Федерации представитель Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России М. Котов заявил о перспективах использования БПЛА для документирования ДТП без присутствия сотрудника ДПС, а также о планах внедрения автономных станций с беспилотниками (дрон-боксов), обеспечивающих оперативное реагирование на инциденты[1].

Применительно к следственному эксперименту БПЛА позволяют осуществлять аэрофотосъемку места проведения опытных действий, что обеспечивает объективную фиксацию обстановки с высотных ракурсов, недоступных для наземной съемки. Полученные данные могут быть интегрированы в 3D-модель местности, создавая основу для последующего компьютерного моделирования динамики ДТП. Вместе с тем нормативно-правовая база применения БПЛА в следственной деятельности остается неразработанной: отсутствуют стандарты сертификации беспилотников для использования на дорогах и требования к их программному обеспечению. Кроме того, возникает неясность в части ограничения и запретов использования БПЛА в определенных регионах Российской Федерации.

Важнейшим источником объективной информации при расследовании ДТП и верификации результатов следственного эксперимента выступают данные систем спутниковой навигации и телематического мониторинга. Бортовые системы регистрации данных (EDR – Event Data Recorder) современных транспортных средств фиксируют широкий спектр параметров: скорость движения, обороты двигателя, положение педалей тормоза и газа, срабатывание подушек безопасности и иную информацию о последних секундах перед столкновением. Системы ГЛОНАСС/GPS предоставляют точные данные о местоположении, маршруте, скорости, ускорении и замедлении транспортного средства, что позволяет детально восстановить картину происшествия.

Верховный Суд Российской Федерации подтвердил допустимость использования данных телематики и иных технических средств (включая информацию, формируемую и передаваемую через ГАИС «ЭРА-ГЛОНАСС») при оценке соблюдения лицензионных требований в сфере транспортной деятельности, указав на их значение для установления фактических обстоятельств эксплуатации транспортного сред-

[1] Беспилотники могут начать фиксировать ДТП из-за дефицита сотрудников ДПС // Ведомости. 2025. 24 сент. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/24/1141508-bespilotniki-mogut-nachat-fiksirovat-dtp-iz-za-defitsita-sotrudnikov-dps (дата обращения: 27.02.2026).

ства[1]. Федеральный закон от 28.12.2013 № 395-ФЗ «О Государственной автоматизированной информационной системе “ЭРА-ГЛОНАСС”»[2] определяет систему как федеральную государственную автоматизированную систему экстренного реагирования при авариях, обеспечивающую оперативное получение формируемой в некорректируемом виде навигационной информации о дорожно-транспортных и иных происшествиях, ее обработку, хранение и передачу заинтересованным субъектам. В совокупности с данными фото и видеосъемки такие сведения могут рассматриваться судом как результаты работы технических средств контроля, обеспечивающих некорректируемую регистрацию координатно-временных параметров движения транспортного средства, что позволяет повышать надежность реконструкции механизма ДТП как в судебном, так и в досудебном производстве.

С точки зрения методики проведения следственного эксперимента по делам о ДТП использование телематических данных (ГЛОНАСС/GPS, «ЭРА-ГЛОНАСС», бортовые регистраторы) дает возможность не просто «подтвердить» показания участников, а привязать опытные действия к объективным координатам, скорости, времени и траектории движения, фиксировавшимся в момент происшествия. Это позволяет более точно моделировать исходную дорожную обстановку, выбирать исходные точки начала разгона и торможения, воспроизводить взаимное расположение транспортных средств и тем самым уменьшать долю субъективного усмотрения следователя и эксперта при планировании опыта. В то же время телематика не подменяет собой следственный эксперимент: при несоблюдении принципа максимального соответствия реальным условиям (дорожное покрытие, интенсивность движения, световое и погодное состояние, техническое состояние ТС) использование даже высокоточных координатно-временных данных не гарантирует корректности выводов, поэтому оптимальной является комплексная модель, в которой телематическая информация служит базой для выбора параметров эксперимента и контроля его результатов, а не единственным источником доказательственной информации.

Применение информационных технологий способно как минимизировать процессуальные ошибки, так и породить новые процессуальные риски. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих порядок использования результатов компьютерного моделирования в качестве доказательств, что создает неопределенность в вопросах их процессуальной оценки. Введение в УПК РФ ст. 189.1, допускающей проведение ряда следственных действий посредством видео-конференц-связи, свидетельствует о постепенной цифровизации уголовного судопроизводства, однако данная тенденция пока не затронула в полной мере регламентацию следственного эксперимента.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что информационные технологии обладают значительным потенциалом повышения объективности, точности и доказательственной ценности результатов следственного эксперимента при расследовании ДТП. Комплексное применение 3D-сканирования, компьютерного моделирования, БПЛА и телематических данных ГЛОНАСС/GPS способно трансформировать следственный эксперимент из традиционного воспроизведения обстановки события в научно обоснованную процедуру цифровой реконструкции, подкрепленную объективными количественными данными.

Вместе с тем анализ нормативно-правовой базы и судебной практики позволяет выделить ряд конкретных проблем, препятствующих полноценному внедрению цифровых технологий. Отсутствие в ст. 189.1 УПК РФ прямого указания на допустимость применения современных технических средств, включая 3D-сканирование, фотограмметрию и программное компьютерное моделирование при производстве следственных действий, в том числе следственного эксперимента, создает правовую неопределенность и повышает риск оспаривания результатов опытных действий стороной защиты. Также фактическое использование цифровых средств фиксации и реконструкции обстановки происшествия опережает нормативное регулирование, в результате чего следователь вынужден

[1] Постановление Верховного Суда РФ от 25.12.2023 № 31-АД23-11-К6 Суд оставил без изменения вынесенные ранее судебные решения, поскольку в действиях лица содержится состав административного правонарушения, выразившегося в осуществлении предпринимательской деятельности в области транспорта без соответствующей лицензии // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408304295/ (дата обращения: 27.02.2026).

[2] О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС»: Федеральный закон от 28.12.2013 № 395-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70552564/ (дата обращения: 27.02.2026).

опираться преимущественно на расширительное толкование общих норм о применении технических средств, что не всегда воспринимается судами единообразно.

Для преодоления проблем представляется необходимым внесение целевых дополнений в ст. 189.1 УПК РФ, прямо предусматривающих возможность использования при производстве следственных действий, в том числе следственного эксперимента, средств цифровой фиксации и реконструкции (3D-сканирование, лазерное сканирование, фотограмметрия, специализированные программные комплексы моделирования). Закрепление на уровне закона перечня допустимых цифровых технологий и общих требований к их применению позволило бы придать получаемым результатам более устойчивый процессуальный статус, снизить вероятность их признания недопустимыми доказательствами и стимулировать планомерное оснащение следственных подразделений соответствующим оборудованием. Уточнение содержания ст. 189.1 УПК РФ в данной части обеспечит согласование практики расследования ДТП с современным уровнем технико-криминалистических возможностей и повысит степень доверия суда к результатам следственных экспериментов, проводимых с использованием цифровых технологий.

Список источников

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 г.: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 37 с.; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2024 год: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 47 с.
2. Применение цифровых алгоритмов при оптимизации процесса расследования дорожно-транспортных происшествий / Д. А. Лазарев, Р. В. Гринякин, Д. П. Стрекалов, Е. В. Шаталов // Воронежский научно-технический вестник. 2023. № 4. С. 107–119.
3. Методические рекомендации по проведению судебных автотехнических экспертиз и исследований колесных транспортных средств в целях определения размера ущерба, стоимости восстановительного ремонта и оценки / Е. П. Махнин, И. Н. Новоселецкий, С. В. Федотов [и др.]; науч. рук. С. А. Смирнова, В. Г. Григорян. М.: ФБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России», 2018. 326 с.
4. Сосин А. В., Фомина С. С. Использование 3D-моделирования при расследовании транспортных происшествий // Материалы Междунар. науч.-промышленного форума «Великие реки». Секция VIII. Правовое обеспечение деятельности транспорта. Н. Новгород: ВГУВТ, 2025. Вып. 5.

Литература

1. Валитова, В. И. Проблема применения «электронных» доказательств в уголовном процессе / В. И. Валитова // Шаг в науку. – 2025. – № 3. – С. 90–96.
2. Апелляционное постановление Ярославского областного суда (Ярославская область) от 28.08.2025 по делу № 1–5/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/PVrDeQT9rpoN/?page=1 (дата обращения: 27.02.2026).
3. Решение Арбитражного суда Новосибирской области (АС Новосибирской области) от 09.06.2025 по делу № А45-20612/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: https://clck.ru/3SC7Kp (дата обращения: 27.02.2026).

Информация об авторе:

Данилкина Виталия Михайловна, *доцент кафедры криминалистики*

About the author:

Danilkina Vitaliya M., *associate professor of the department of criminology*

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 21.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 19.06.2026

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-137-142
EDN: https://elibrary.ru/leijpn

ПАЛИЙ ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА
Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя
(Москва, Россия)
alibi-2013@mail.ru
ORCID.ORG/0009-0006-0590-4561

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ ЛИЦ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА ПЕРЕД ДИСТАНЦИОННЫМ МОШЕННИЧЕСТВОМ

Аннотация. *В статье рассматриваются зарубежные подходы к снижению виктимности лиц пенсионного возраста (пожилых людей) перед дистанционным мошенничеством. Тема приобретает особую значимость в связи с тем, что пожилые граждане во многих странах все чаще становятся жертвами дистанционного мошенничества, неся значительные материальные и моральные потери. Цель исследования – обобщить международный опыт в области профилактики виктимизации пенсионеров и защиты этой возрастной группы от преступных посягательств. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего профилактику, защиту и поддержку, для существенного снижения виктимизации пожилых людей. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования политики противодействия мошенничеству в отношении пенсионеров.*

Ключевые слова: *виктимизация пожилых, дистанционное мошенничество, пожилые люди, виктимологическая уязвимость, профилактика преступлений, цифровая грамотность*

Для цитирования: *Палий Е. С. Международный опыт профилактики и противодействия виктимологической уязвимости лиц пенсионного возраста перед дистанционным мошенничеством // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 137–142; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-137-142.*

PALIY EKATERINA S.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

INTERNATIONAL EXPERIENCE PREVENTION AND COUNTERACTION OF VICTIMOLOGICAL VULNERABILITY OF PENSIONERS TO REMOTE FRAUD

© Палий Е. С., 2026.

Abstract. *The article discusses foreign approaches to reducing the victimization of persons of retirement age (the elderly) before remote fraud. The topic is becoming particularly important due to the fact that older citizens in many countries are increasingly becoming victims of remote fraud, incurring significant material and moral losses. The purpose of the study is to summarize international experience in the prevention of victimization of pensioners and the protection of this age group from criminal attacks. It is concluded that an integrated approach combining prevention, protection and support is necessary to significantly reduce the victimization of the elderly. The results obtained can be used to improve anti-fraud policies for pensioners.*

Keywords: *victimization of the elderly, remote fraud, elderly people, victimological vulnerability, crime prevention, digital literacy*

For citation: *Paliy E. S. International experience prevention and counteraction of victimological vulnerability of pensioners to remote fraud // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 137–142; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-137-142.*

Во многих странах значительное внимание уделяется повышению цифровой грамотности пожилых как ключевому фактору снижения их уязвимости. Поскольку современные мошенники активно используют Интернет, электронную почту, социальные сети и мобильные приложения, пенсионеры с недостаточным опытом в этих сферах оказываются в группе риска. В ответ на это в США, Канаде, странах Европы реализуются курсы компьютерной и интернет-грамотности для граждан «50+». Например, публичные библиотеки и общественные центры в ряде штатов США предлагают бесплатные занятия, где волонтеры обучают пожилых основам безопасного пользования электронной почтой, мессенджерами, онлайн-банкингом и соцсетями (как создавать надежные пароли, избегать перехода по подозрительным ссылкам, проверять подлинность сайтов и сообщений). Аналогичные программы существуют при университетах третьего возраста в Европе. В некоторых азиатских странах, например в *Сингапуре и Японии*, крупные телекоммуникационные компании совместно с властями организуют специальные обучающие курсы по кибербезопасности для пенсионеров. Параллельно финансовые организации также подключаются к просвещению клиентов старшего возраста. Так, *Канадская банковская ассоциация* выпустила «Инструментарий по защите от мошенничества для пожилых», представляющий собой набор практических рекомендаций и чек-листов, помогающих распознать типичные схемы (финансовые пирамиды, телефонные звонки от лжебанкиров, «нигерийские письма» и т. п.) и уберечь свои сбережения[1]. Банки распространяют эти материалы среди клиентов пенсионного возраста и проводят разъяснительные беседы. В результате подобных инициатив пожилые люди получают знания и навыки, повышающие их «цифровой иммунитет» и снижающие вероятность стать жертвой.

Помимо широкой профилактики, за рубежом внедряются программы, адресно нацеленные на защиту наиболее уязвимых пожилых граждан. В *Великобритании*, например, полиция ряда графств реализует программу Operation Signature, направленную на выявление и поддержку жертв мошенничества из числа пожилых, а также предупреждение повторной виктимизации[2]. В рамках этой инициативы все заявления о мошенничестве, поступающие от пенсионеров, рассматриваются через призму виктимологической уязвимости: потерпевших навещают сотрудники полиции или социальные работники, оценивают степень их защищенности и предлагают конкретные меры для предотвращения повторных инцидентов. В зависимости от ситуации пенсионеру могут помочь сменить телефонный номер на секретный, установить устрой-

[1] Fraud Prevention Toolkit For Older Adults: Protecting against frauds and // Scamshttps://cba.ca/Assets/ CanadianBankersAssociation/Documents/Articles/Scam_ Prevenion_Toolkits/2024cybersecurityolderadulttoolkitupdated_en.pdf#:~:text=Fraud%20Prevention%20Toolkit%20For%20Older,and%20scams%20In%20partnership%20with (дата обращения: 22.01.2026).

[2] Sussex Police (UK). Operation Signature – Fraud campaign. URL: https://www.sussex.police.uk/advice/advice-and-information/fa/fraud/ (дата обращения: 21.01.2026).

ство блокировки нежелательных звонков, перенаправить подозрительную почтовую корреспонденцию на доверенное лицо. Если у жертвы есть когнитивные сложности, полиция может связаться с родственниками с рекомендацией оформить доверенность на управление финансами, чтобы ограничить доступ мошенников[1]. Также потерпевших информируют о профильных службах поддержки. Одним из элементов Operation Signature является распространение среди населения брошюр серии «Маленькая книга больших афер» («The Little Book of Big Scams»), где простым языком описаны различные виды мошенничества и даны советы по защите[2]. Данная книга и сопутствующие буклеты (о кибермошенничествах, телефонных аферах и др.) доступны бесплатно и пользуются большим спросом у пенсионеров. Полиция отмечает, что благодаря Operation Signature удалось спасти многих пожилых граждан от повторных попыток мошенничества – к примеру, установка приборов вроде TrueCall (фильтрующего телефонные звонки) существенно сокращает число звонков от аферистов.

В *Чехии* реализован творческий подход к обучению пожилых правилам безопасного поведения: там для пенсионеров проводят интерактивные театрализованные постановки, разыгрывающие типичные сценарии мошенничества на дому и по телефону[3]. Пожилые зрители не просто пассивно смотрят пьесу, но и участвуют в обсуждении, пробуют самостоятельно определить признаки обмана и выбрать правильную линию поведения. Оценка эффективности этого проекта показала обнадеживающие результаты: группа пенсионеров, прошедших через такой «театр обучения», отказывалась от подозрительных предложений в 2,5 раза чаще, чем контрольная группа, не участвовавшая в постановке. Этот пример демонстрирует, что интерактивные методы (игровое обучение, имитация ситуаций) позволяют преодолеть разрыв между знанием и действием, часто отмечаемый в виктимологии: даже зная о существовании мошеннических схем, пожилые люди не всегда применяют эти знания на практике. «Живой опыт» повышает уверенность в себе и формирует модель правильного поведения, что в итоге сокращает виктимизацию.

В ряде стран защита пожилых от мошенничества укрепляется посредством специальных законодательных инициатив. Законодательные изменения касаются как ужесточения наказаний для мошенников, так и усиления гарантий для потенциальных жертв. Так, в *Великобритании* в ответ на участившиеся случаи так называемых APP-мошенничеств (Authorized Push Payment fraud – мошенничество с авторизованным переводом, когда жертву обманом убеждают самостоятельно перевести деньги на счет злоумышленников) правительство при поддержке неправительственных организаций (в частности, благотворительной организации Age UK) ввело норму об обязательном возмещении банками ущерба жертвам таких мошенничеств[4]. Ранее пожилые люди, переведшие деньги мошенникам, нередко оставались без какой-либо поддержки, банки ссылались на то, что транзакция была санкционирована самими клиентами. Теперь же, согласно новым правилам, платежные провайдеры обязаны возвращать потерпевшим суммы, утраченные вследствие обмана, что существенно повышает финансовую защищенность уязвимых клиентов. Данное нововведение не только облегчает положение жертв, но и стимулирует банки активнее внедрять превентивные меры (например, дополнительные проверки подозрительных переводов, уведомление доверенных лиц клиента о крупных транзакциях) [1, с. 149–157].

---

[1] Sussex Police (UK). Operation Signature – Fraud campaign. URL: https://www.sussex.police.uk/advice/advice-and-information/fa/fraud/ (дата обращения: 21.01.2026).

[2] Там же.

[3] Vanhee J. Toolbox 13: Preventing Individual Fraud. – Brussels: European Crime Prevention Network, 2019. URL: https://eucrim.eu/news/eucpn-preventing-individual-fraud-eu/#:~:text=set%20of%20activities%20is%20 targetd,last%20category%20of%20prevention%20activities (дата обращения: 22.01.2026).

[4] Age UK. Successful campaign for victims of APP scams 25.01.2023. URL: https://www.ageuk.org.uk/ discover/2023/january/successful-campaign-for-victims-of-app-scams/#:~:text=The%20impact%20of%20scams (дата обращения: 20.01.2026).

Интересный прецедент создан в *Японии* на региональном уровне. Столкнувшись с волной телефонных мошенничеств, власти префектуры Осака приняли в 2025 году уникальный местный закон, запрещающий пожилым людям разговаривать по мобильному телефону во время операций у банкоматов[1]. Дело в том, что распространенная схема «особых мошенничеств» (tokushu sagi) в Японии предполагает, что аферист по телефону убеждает жертву пойти к банкомату и перевести деньги или подарочную карту, оставаясь на линии и пошагово инструктируя жертву[2]. Осакская новелла обязывает банки и другие учреждения, где установлены банкоматы, размещать вывески, запрещающие пользоваться телефоном во время банковских операций, а также вводит суточный лимит на переводы для лиц старше определенного возраста (например, не более 100 тыс. йен в день, ~ $660)[3]. Кроме того, торговые точки, продающие предоплаченные карточки (популярный инструмент вывода денег у жертв), должны проверять, не действует ли покупатель под диктовку мошенников. Хотя за нарушение этих правил не предусмотрено прямых наказаний, ожидается, что организации будут соблюдать их из соображений корпоративной социальной ответственности. Этот шаг законодателей призван затруднить мошенникам реализацию преступных замыслов и дать окружающим сигнал к бдительности – к примеру, банковские служащие, увидев пожилого человека, говорящего по телефону при попытке перевода крупной суммы, теперь имеют полное право вмешаться и предотвратить потенциальную аферу.

На уровне национальной политики многие государства обновляют стратегии борьбы с мошенничеством с учетом специфики преступлений против пожилых. Европейский союз принял в 2019 году директиву, направленную на усиление борьбы с киберпреступностью, включающую упрощение трансграничного преследования онлайн-мошенников и информирование граждан о способах защиты[4]. Европейские эксперты подчеркивают, что особенно важно донести информацию о цифровой безопасности до наиболее уязвимых слоев, в том числе пожилых, которые могут стать «легкой добычей» интернет-аферистов.

Во *Франции и Германии* действуют законы, обязывающие телекоммуникационные компании блокировать звонки с поддельным идентификатором (caller ID spoofing), поскольку мошенники часто звонят жертвам с подменой номера (например, отображая номер банка или полиции). В США в 2017 году принят федеральный закон о предотвращении злоупотреблений в отношении пожилых (Elder Abuse Prevention and Prosecution Act), усиливший наказания за мошенничества с участием пожилых и расширивший полномочия прокуроров по таким делам. Кроме того, финансовым учреждениям предоставлены правовые основы для проактивного реагирования: например, акт «Senior Safe» (2018) защищает банки и брокерские фирмы от ответственности за разглашение финансовой информации клиентов, если сотрудники сообщают о подозрении на финансовое exploitation пожилого клиента соответствующим органам. Такие нормы стимулируют банки сообщать о сомнительных операциях по счетам пенсионеров (большие внезапные переводы, выплаты неизвестным лицам и т. д.) в полицию или со-

[1] SoraNews24. Osaka Prefecture bans seniors from using phones at ATMs 26.03.2025. URL: https://soranews24.com/2025/03/26/osaka-prefecture-bans-seniors-from-talking-on-the-phone-while-using-atms/#:~:text=Osaka%20Prefecture%20is%20said%20to,while%20also%20operating%20ATM%20machines (дата обращения: 22.01.2026).

[2] Richards B. New AI tech shielding seniors from telephone scams // Medium, 2023. URL: https://medium.com/@japanbizinsider/new-ai-tech-shielding-seniors-from-ruthless-telephone-scams-2c020b1b10f3#:~:text=In%20his%20case%2C%20the%20scammers,say%20and%20do%20if%20questioned (дата обращения: 19.01.2026).

[3] SoraNews24. Osaka Prefecture bans seniors from using phones at ATMs 26.03.2025. URL: https://soranews24.com/2025/03/26/osaka-prefecture-bans-seniors-from-talking-on-the-phone-while-using-atms/#:~:text=Osaka%20Prefecture%20is%20said%20to,while%20also%20operating%20ATM%20machines (дата обращения: 22.01.2026).

[4] The EU agrees on new rules to fight online fraud 07.01.2019. URL: https://www.age-platform.eu/the-eu-agrees-on-new-rules-to-fight-online-fraud/#:~:text= Image%3A%20online,protect%20themselves%20from%20online%20fraud (дата обращения: 12.01.2026).

циальные службы, не опасаясь нарушить законы о конфиденциальности.

Эффективность противодействия мошенничеству во многом определяется степенью взаимодействия между различными структурами – полицией, социальными службами, финансовыми учреждениями, телекоммуникационными компаниями. В последние годы в ряде стран созданы специализированные подразделения или центры, объединяющие усилия разных ведомств. Например, в *Австралии* в 2023 году начал работу Национальный центр по борьбе с мошенничеством (National Anti-Scam Centre) на базе Австралийской комиссии по конкуренции и защите потребителей (ACCC). Правительство вложило 58 млн австралийских долларов в этот «первый в мире» проект, целью которого провозглашено сделать Австралию «наиболее трудной мишенью для мошенников»[1]. Центр действует во взаимодействии с полицией, банками, ИТ-компаниями и общественными организациями, развивая технологии для отслеживания мошеннических операций, координируя реагирование на инциденты и проводя просветительские кампании. Уже в первые месяцы работы отмечено снижение зарегистрированного ущерба от мошенничеств, и Австралия намерена ввести обязательные нормы для банков, телеком-операторов, цифровых платформ по участию в системе быстрого обмена информацией о мошеннических схемах и транзакциях.

В *Японии* полиция пошла по пути централизации расследований. Национальное полицейское агентство в 2023 году объявило о создании нового специализированного подразделения в Токио для борьбы с так называемым «особым мошенничеством» – сетевыми преступными группами, нацеленными на обман пожилых через телефон или интернет[2]. Ранее с 2005 года существовала небольшая межрегиональная группа, занимавшаяся первоначальными этапами расследований (например, анализом записей камер у банкоматов, где обналичиваются деньги жертв). Новое подразделение получило расширенные полномочия – от отслеживания звонков и переводов до идентификации и ареста членов мошеннических организаций по всей стране. Импульсом к усилению мер послужил рост ущерба: в 2022 году совокупные потери от «особых мошенничеств» в Японии достигли 37 млрд йен (~$267 млн), впервые увеличившись за восемь лет[3]. Это показало необходимость активизировать работу полиции, сконцентрировав усилия на пресечении деятельности организованных групп, которые часто базируются в крупных городах (Токио и окрестности) и используют современные средства связи для охвата жертв по всей стране. Параллельно правоохранители ведут информационную работу: выпускаются социальные ролики с предупреждениями (в том числе с участием известных личностей – так, ФБР сняло обращение 98-летнего экс-директора У. Вебстера, самого ставшего жертвой лотерейной аферы)[4], распространяются памятки, как распознать «звонок мошенника» и т. п.

Пожилые люди во всем мире являются одной из самых уязвимых категорий населения перед дистанционным мошенничеством. Проведенный анализ зарубежных подходов показал, что данная проблема осознается на международном уровне и ей противостоит широкий комплекс мер, выработанных в различных социально-правовых системах. В число этих мер входят: массовое просвещение и профилактика (информационные кампании, обучение цифровой грамотности); специальные про-

[1] ACCC (Australia). National Anti-Scam Centre – Quarterly Update Oct–Dec 2023. URL: https://www.accc.gov.au/system/files/National-Anti-Scam-Centre-in-Action_quarterly-update-October-to-December-2023_0.pdf#:~:text= (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Kyodo News. Japan police to launch new unit for scams targeting elderly. 15.07.2023. URL: https://english.kyodonews.net/news/2023/07/1aef2a515188-japan-police-to-launch-new-unit-for-tackling-scams-targeting-elderly.html?phrase=Teikyo%20&words=#:~:text=Japanese%20police%20plan%20to%20launch,the%20country%2C%20officials%20said%20Saturday (дата обращения: 13.01.2026).

[3] Там же.

[4] FBI. Elder Fraud. URL: https://www.fbi.gov/scams-and-safety/common-frauds-and-scams/elder-fraud (дата обращения: 20.01.2026).

граммы для повышения бдительности и навыков безопасного поведения пожилых; организационные инновации (специализированные подразделения полиции, центры обмена информацией); совершенствование законодательства (введение обязательной компенсации ущерба, новые регуляции для банков и телекоммуникаций); использование технологий (блокировка звонков, алгоритмы AI для обнаружения мошенничества); а также социальная и психологическая поддержка пострадавших.

Список источников

1. Палий Е. С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 149–157.

Информация об авторе:

Палий Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры криминологии

About the author:

Paliy Ekaterina S.,
lecturer of the criminology department

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 15.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Научная статья
https://doi.org/:10.29039/2312-7937-2026-2-143-147
EDN: https://elibrary.ru/leijpn

АБДУРАХМАНОВ АЛЕКСАНДР АМАНГЕЛЬДЫЕВИЧ
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
5680310@mail.ru

КАШКИНА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА[1, 2]
кандидат юридических наук, доцент
[1]Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России
(Москва, Россия)
[2]Российский университет транспорта (МИИТ)
(Москва, Россия)
000049@bk.ru
ORCID.ORG: 0000-0001-5045-2054

К ВОПРОСУ ВНЕДРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. *Статья посвящена институту пробации в Российской Федерации не только как эффективного механизма оказания социальной, правовой и иной помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, являющимися осужденными или лицами, освобожденными из мест лишения свободы, но и ключевого элемента в профилактике совершения повторных преступлений. На основе сравнительно-правового анализа правовых систем Российской Федерации и Республики Беларусь, а также научных трудов авторы приходят к выводу о наличии фрагментарных условий реализации мер, аналогичных российской модели института пробации, а также условий для рассмотрения вопроса о допустимости внедрения системного механизма оказания ранее обозначенной помощи отдельной категории лиц. Принимая во внимание имеющиеся различные модели пробации, существующие в постсоветских странах, а также зарекомендовавшую себя с положительной стороны российскую модель, авторы указывают на необходимость со стороны законодателя сделать выбор в пользу той модели, которая соответствует социально-экономической и правовой среде Республики Беларусь.*

Ключевые слова: *пробация, профилактика повторных преступлений, ресоциализация, социальная адаптация, индивидуальная программа ресоциализации, осужденный, трудная жизненная ситуация*

Для цитирования: *Абдурахманов А. А., Кашкина Е. В. К вопросу внедрения российской модели института пробации в правовую систему Республики Беларусь // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 2 (78). С. 143–147; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-143-147.*

ABDURAKHMANOV ALEKSANDR A.
candidate of law, associate professor
Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

© Абдурахманов А. А., Кашкина Е. В., 2026.

KASHKINA EKATERINA V.[1,2]
candidate of law, associate professor
[1]Research Institute of the Federal Penitentiary Service
(Moscow, Russia)
[2]Russian University of Transport (MIIT)
(Moscow, Russia)

ON THE IMPLEMENTATION OF THE RUSSIAN MODEL OF THE INSTITUTE OF PROBATION IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *The article is devoted to the institution of probation in the Russian Federation, not only as an effective mechanism for providing social, legal, and other assistance to individuals in difficult life situations who are convicts or have been released from places of deprivation of liberty, but also as a key element in preventing the commission of repeated crimes. Based on a comparative legal analysis of the legal systems of the Russian Federation and the Republic of Belarus, as well as scientific works, the authors conclude that there are fragmented conditions for implementing measures similar to the Russian model of the institution of probation, as well as conditions for considering the possibility of introducing a systematic mechanism for providing assistance to a specific category of individuals. Taking into account the various probation models that exist in post-Soviet countries, as well as the Russian model that has proven to be effective, the authors emphasize the need for the legislator to choose a model that is compatible with the socio-economic and legal environment of the Republic of Belarus.*

Keywords: *probation, prevention of repeated crimes, resocialization, social adaptation, individual resocialization program, convict, difficult life situation*

For citation: *Abdurakhmanov A. A., Kashkina E. V. On the implementation of the russian model of the institute of probation in the legal system of the republic of Belarus // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2026. № 2 (78). P. 143–147; https://doi.org/10.29039/2312-7937-2026-2-143-147.*

Институт пробации как система мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, представляет собой одно из приоритетных направлений современной уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Вступивший с 1 января 2024 г. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» № 10-ФЗ[1] (далее – Федеральный закон № 10-ФЗ) ознаменовал переход от фрагментарного регулирования отдельных направлений пенитенциарной и постпенитенциарной помощи к созданию целостного организационно-правового института.

В Республике Беларусь институт пробации не получил отдельного законодательного закрепления, несмотря на наличие правовых предпосылок и достаточного количества научно обоснованных трудов таких авторов, как А. Л. Агабекян [1, с. 9–22], Д. А. Адамович [2, с. 240–243], П. В. Шпакова [3, с. 207–210], А. О. Синькевич [4, с. 305–306], Л. Д. Шкреблик [5, с. 69–70] и иных.

В условиях гуманизации уголовной политики и поиска эффективных механизмов снижения рецидивной преступности пробация становится неотъемлемым элементом пенитенциарных систем многих стран. Говоря о российской правовой системе, П. В. Тепляшин справедливо отмечает, что пробация является субъинститутом российского уголовно-исполнительного права, требующего самостоятельной теоретико-правовой разработки [6, с. 126–135]. Агабекян А. Л., исследуя опыт постсоветских стран, демонстрирует вариативность подходов к организации пробации и проблематику ее внедрения, отмечая отсутствие данного института в правовой системе Республики Беларусь [1, с. 10, 16].

Тем не менее в белорусской правовой науке проблематика пробации также привлекает внимание научных деятелей. Так, А. О. Синькевич предложила модель службы пробации в Республике Беларусь [4, с. 305–306], а Л. Д. Шкреблик посвятила проблеме института пробации самостоятельное научное исследование [5, с. 69–70].

[1] О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ // КонтурНорматив: [сайт]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=502783&ysclid=mojt3lbwn040727197 (дата обращения: 24.04.2026).

Ряд научных трудов отражают отдельные аспекты ресоциализации осужденных, что играет немаловажную роль при исследовании института пробации в различных правовых системах. Тем не менее на сегодняшний день комплексный сравнительно-правовой анализ возможностей внедрения российского опыта в белорусскую правовую систему в научной литературе недостаточно широко освещен.

Федеральный закон № 10-ФЗ определяет пробацию как совокупность мер, применяемых в отношении осужденных и лиц, освободившихся из учреждений уголовно-исполнительной системы, включая ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и законных интересов указанных лиц. Приведенным федеральным законом предусмотрено три вида пробации: пенитенциарная – реализуемая в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ и лишения свободы; исполнительная – применяемая уголовно-исполнительной инспекцией в отношении лиц, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества; постпенитенциарная – оказываемая лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

Инструментом реализации пробации является индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Ключевым принципом российского законодательства о пробации выступает приоритет прав и законных интересов человека и гражданина, а также принципы гуманизма, законности, рациональности применения мер принуждения и стимулирования правопослушного поведения.

Анализ Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь[1] (далее – УИК РБ) позволяет констатировать отсутствие закрепления понятия пробация[2]. Отдельные элементы, корреспондирующие с мерами пробации, содержаться в нормах, регламентирующих социальную работу с осужденными, подготовку их к освобождению и постпенитенциарную помощь.

В части 1 ст. 2 УИК РБ в качестве основной задачи уголовно-исполнительного законодательства закреплено «определение средств достижения целей уголовной ответственности и социальной адаптации осужденных в процессе ее реализации», УИК РБ устанавливает также «порядок освобождения от наказания и оказания помощи освобожденным в социальной адаптации» (ч. 2 ст. 2). Несмотря на то, что сам термин «пробация» отсутствует, его содержательное наполнение (ресоциализация и социальная адаптация) присутствуют на уровне законодательно закрепленных задач.

Следующее направление регулирования рассматриваемого вопроса связано с деятельностью службы социальной адаптации. В соответствии с ч. 2 ст. 192 УИК РБ данной службой исправительных учреждений с осужденными «проводится воспитательная работа с целью подготовки их к освобождению, разъясняются их права и обязанности после освобождения». Приведенная норма функционально соответствует пенитенциарной пробации, так как направлена на исправление осужденных в период отбывания наказания, их подготовку к жизни после освобождения.

Следует отметить, что в белорусском законодательстве регламентирована помощь лицам, освобожденным из мест лишения свободы, что можно отнести к постпенитенциарной пробации, а именно:

1. Трудовое и бытовое устройство. Администрация учреждения УИС не позднее чем за три месяца до истечения срока наказания через органы внутренних дел и комитет по труду, занятости и социальной защите принимает меры к трудовому и бытовому устройству осужденного (ч. 1 ст. 192 УИК РБ).

2. Финансовая и материальная помощь. Освобожденные из учреждений УИС лица обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на дорогу, а при необходимости – сезонной одеждой и обувью. Им может быть выдано единовременное денежное пособие за счет средств республиканского бюджета (ст. 193 УИК РБ).

[1] Кодекс Республики Беларусь от 11.01.2000 № 365-З «Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь»: принят Палатой представителей 14.12.1999; одобрен Советом Республики 22.12.1999 // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН. ONLINE» // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK0000365 (дата обращения: 24.04.2026).

[2] Прим. авторов: несмотря на отсутствие закрепления понятия пробации в УИК РФ, данный институт регламентируется Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», тогда как в Республике Беларусь отсутствует регламентирование данного вопроса как в уголовно-исполнительном законодательстве, так и иным самостоятельным нормативным правовым актом.

3. Взаимодействие с иными органами. Предусмотрено направление нуждающихся инвалидов и лиц пенсионного возраста в дома-интернаты, а несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, – органам опеки и попечительства (ст. 192 и 193 УИК РБ).

Таким образом, с одной стороны, указанные меры, регулирующие постпенитенциарную помощь, закреплены не только на уровне Уголовно-исполнительного кодекса, но и детализированы в подзаконных нормативных актах. С другой стороны, подобная фрагментарность дает основания говорить о том, что отдельные разрозненные нормы, регламентирующие подготовку осужденных к освобождению и оказание им социальной помощи, не составляют единой системы и не предусматривают главного элемента – индивидуальной программы ресоциализации, которая в Федеральном законе № 10-ФЗ является основополагающей. Отсутствует и механизм контроля за адаптацией после освобождения, характерной для эффективной пробации.

В настоящее время законодательство Республики Беларусь содержит лишь отдельные элементы, соответствующие мерам пробации, не формируя при этом целостного института.

Сегодня в белорусской научной мысли обсуждаются различные модели пробации. Так, А. О. Синькевич предложена модель службы пробации, акцентирующая внимание на организационной структуре и функциональном наполнении [4, с. 305–306]. Работа Д. А. Адамович подтверждает, что институт пробации рассматривается белорусскими учеными и научными деятелями как актуальное направление реформирования уголовно-исполнительной системы, однако акцент делается на теоретической проработке данного вопроса при отсутствии соответствующей нормативно-правовой базы [2, с. 240–243].

Опыт Российской Федерации свидетельствует об эффективности пробации, на что в своих трудах акцентировали внимание О. Г. Ананьев, А. В. Барышева, И. В. Дворянсков, О. В. Мельникова, Н. В. Ольховик, П. В. Тепляшин, демонстрируя очередной шаг к гуманизации уголовно-исполнительной системы [7, с. 104–110]. Однако для успешной реализации рассматриваемого института необходимо выполнение ряда условий: законодательное закрепление понятийного аппарата и видов пробации; создание организационной структуры с четким распределением полномочий между субъектами; разработка механизмов межведомственного взаимодействия, системы оценки эффективности проводимых мероприятий в рамках пробации; решение кадрового вопроса и материально-технического обеспечения.

В Республике Беларусь существуют определенные предпосылки для внедрения российской модели пробации: централизованная система управления позволяет построить единую вертикаль института пробации, а традиции социальной поддержки наиболее уязвимых категорий населения могут послужить основой для реализации ресоциализационной функции пробации. В этой связи необходимо решить такие вопросы, как принятие соответствующего пакета документов, предусматривающих как сам механизм оказания помощи, так и координацию ведомственных интересов.

На наш взгляд, пробация является перспективным направлением развития уголовно-исполнительной системы. За основу может быть взят российский законодательный опыт с обязательной адаптацией к белорусским социально-экономическим и правовым реалиям.

Однако наиболее значимым является тот факт, что законодатель сам должен определить необходимость и потребность в институте пробации, а также выбрать, какую из существующих на сегодняшний день в постсоветстких странах моделей пробации, соответствующую социально-экономическим и пенитенциарным потребностям, внедрить в свою правовую систему.

Список источников

1. Агабекян А. Л. Пробация в постсоветских странах // Вестник Кузбасского института. 2025. № 2 (63).
2. Адамович Д. А. К вопросу об использовании института пробации в Республике Беларусь / науч. рук. Р. Н. Ключко // Взаимодействие правовых систем современности в целях устойчивого развития общества: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / гл. ред. С. Е. Чебуранова; редкол.:

С. Е. Чебуранова [и др.]. Гродно: Учреждение образования «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы», 2021.
3. Шпакова П. В. Институт пробации в уголовном праве Республики Беларусь // Путь в науку. 2024. Вып. 52 (122).
4. Синькевич А. О. Модель службы пробации в Республике Беларусь // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов (Витебск, 23 апреля 2021 г.). Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2021.
5. Шкреблик Л. Д. Об институте пробации в Республике Беларусь // Марафон знаний: сб. науч. тр. по итогам комплекса научных мероприятий. Новокузнецк, 2024.
6. Тепляшин П. В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56).
7. Кашкина Е. В., Лебешев И. С. Гуманизация уголовно-исполнительной системы посредством института пробации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2 (66).

Информация об авторах:

Абдурахманов Александр Амангельдыевич,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета;
Кашкина Екатерина Валерьевна,
ведущий научный сотрудник[1],
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Юридического института[2]

About the authors:

Abdurakhmanov Aleksandr A.,
associate professor of the department of criminalistics faculty of law;
Kashkina Ekaterina V.,
leading researcher[1],
associate professor of the department of criminal law, criminal procedure, and law enforcement activities Law institute[2]

Сведения о вкладе каждого автора
Вклад авторов: *все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*
Contribution of the authors: *the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 19.06.2026. The article was submitted to the editorial office 30.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 19.06.2026.

К рассмотрению редакционной коллегией издания «Вестник ВИПК МВД России» принимаются материалы статей[1], соответствующие тематической направленности журнала.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям: он должен быть актуальным, новым, иметь научную или практическую значимость, научный стиль изложения. В журнале не публикуются публицистические, популярные и учебные тексты, реклама и иные непрофильные материалы.

Уровень оригинальности текста статьи – не менее 70%.

Направляя рукопись статьи в журнал, автор подтверждает, что она является оригинальной работой, не опубликованной в другом издании, или не рассматривается для публикации в другом издании. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов, результатов анкетирования (опросов), качество переводов на английский язык, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Статью возможно представить в редакцию журнала в электронном виде (через личный кабинет на сайте журнала https://vipkmvd.editorum.ru/ru/nauka/), оформить в соответствии с требованиями к научным статьям в журнал «Вестник ВИПК МВД России».

Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решения о невключении их в журнал. Отклоненные редакционной коллегией журнала рукописи научных статей остаются в материалах редакционной коллегии.

Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на её размещении в тех справочно-правовых системах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. В случае если представленное исследование дублирует, либо очень похоже на уже опубликованную/ые работу/ы, авторы должны обеспечить серьезное научное обоснование представленной работы, а также дать конкретные ссылки на использованную литературу. Статьи, дублирующие или являющиеся производными ранее опубликованных работ, не будут приняты к публикации, особенно, если авторы не представят убедительных на то оснований.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ.

Рукопись статьи должна содержать:

универсальный десятичный код (УДК) (см.: http://teacode.com/online/udc/);

сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, аффилиация авторов (организация, город, страна в именительном падеже), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны. Очередность упоминания авторов зависит от их вклада в выполненную работу;

идентификатор Open Researcher and Contributor ID (ORCID – международная система идентификации авторов научных трудов). Для его получения необходимо зарегистрироваться на сайте https://orcid.org/;

заголовок на русском и английском языках. Заголовок статьи – не более 10 слов, должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования, нельзя использовать аббревиатуру и формулы;

аннотацию на русском и английском языках. Аннотация – краткое резюме проведенного исследования. Аннотация не является вводной частью статьи. Аннотация должна иметь четкую внутреннюю структуру и включать в себя информацию о цели(ях) исследования, методологии, результатах. Объем аннотации не должен превышать 250 слов;

ключевые слова на русском и английском языках – не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний);

затекстовые библиографические ссылки. В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008 как перечень библиографических записей, помещенный после текста документа. Нумерация сквозная по всему тексту. Для связи с текстом документа порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке набирают в квадратных скобках в строку с текстом документа. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, цитату, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Пример: [10] или [10, с. 81].

Объем статьи должен составлять от 10 до 15 страниц текста формата А4 печатного текста (не включая аннотации и списка источников).

Рукописи, оформленные с нарушением установленных правил, не рассматриваются.

[1] Для опубликования принимаются статьи, авторами которых являются не более 3 человек.